

Е. Л. КАТАСОНОВА

ПОСЛЕДНИЕ ПЛЕННИКИ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ
РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Е. Л. Катасонова

**ПОСЛЕДНИЕ ПЛЕННИКИ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ
РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

Москва
ИВРАН
2005

ББК 66,4(2) (5Я)
К 29

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *О. А. Белослудцев*

Рецензенты:
доктор исторических наук *В. Н. Вартанов*
доктор исторических наук *А. Н. Мещеряков*
доктор политических наук *А. Д. Богатуров*

К 29 Катасонова Е. Л. Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. — М.: Институт востоковедения РАН, 2005. — 256 с.
ISBN 5-89282-258-3

Книга посвящена одной из наиболее сложных гуманитарных проблем в российско-японских отношениях - проблеме нахождения в СССР японских военнопленных после Второй мировой войны, рассмотренной в контексте истории отношений между СССР (РФ) и Японией в период с 1945 г. по настоящее время.

Основное внимание в исследовании уделено не только истории так называемого «сибирского плена», но и современному состоянию этой гуманитарной проблемы, предложены рекомендации по ее решению в целях дальнейшего развития общественного и политического диалога между двумя странами

В монографии представлен большой пласт недавно рассекреченных архивных документов, которые позволяют раскрыть малоизвестные страницы советско-японских и российско-японских отношений за весь послевоенный период.

ББК 66.4(2)(5Я)

ISBN 5-89282-258-3

© Катасонова Е. Л., 2005
© Институт востоковедения
РАН, 2005

Оглавление

Введение	6
Глава I. Историография проблемы пребывания японских военнопленных в СССР и ее место в российско-японских отношениях	13
1. Изучение проблемы в СССР и Российской Федерации	13
2. Работы зарубежных авторов	20
3. Дискуссионные вопросы	24
Глава II. Советско-японская война и ее геополитические и гуманитарные последствия	40
1. Союзнические обязательства СССР в рамках антияпонской коалиции и его политические планы в отношении Японии	40
2. Борьба СССР и США вокруг условий оккупации Японии и ее последствия для судеб японских военнопленных	43
3. Мотивация политического решения советского руководства об отправке на принудительные работы в СССР японских военнопленных	48
Глава III. Государственная политика СССР по вопросам содержания, трудового использования и репатриации японских военнопленных	53
1. Положение японских военнопленных в советских лагерях	53
2. Идеологическая работа с японскими военнопленными	63
3. Вопросы трудового использования японских военнопленных	70

4. Проблема уголовного наказания японских военнопленных	79
Глава IV. Деятельность органов государственной власти и общественных сил японии в отношении соотечественников, находившихся в плену в СССР	
1. Общественное движение в Японии за ускорение репатриации военнопленных соотечественников из СССР	86
2. Политические акции японских властей в поддержку граждан страны, находившихся в советском плену	95
3. Особенности социальной адаптации бывших японских военнопленных на родине	105
4. Репатриации японских военнопленных и борьба с коммунистической идеологией в Японии	117
Глава V. Переговорный процесс между СССР и Японией по вопросу репатриации осужденных в Советском Союзе японских военнопленных и его роль в деле нормализации двусторонних отношений	
1. Политические инициативы СССР и Японии в отношении осужденных в Советском Союзе японских военнопленных в условиях прерванных дипломатических отношений	125
2. Переговоры между советским Обществом Красного Креста и Красного Полумесяца и Японским Обществом Красного Креста о возвращении на родину отбывших наказание в СССР граждан Японии (1953 г.)	139
3. Постановка проблемы японских военнопленных в совместной советско-японской Декларации о нормализации межгосударственных отношений (1956 г.)	153
Глава VI. Меры по урегулированию проблемы японских военнопленных на современном этапе российско-японских отношений	
	188

1. Борьба бывших японских военнопленных за реализацию своих прав	188
2. Деятельность правительства Российской Федерации по восстановлению международно-правовых норм в отношении бывших японских военнопленных	198
3. Меры по урегулированию проблемы японских военнопленных в российско-японских отношениях	202
Заключение	229
Примечания	232
Библиография	240
Summary	255

ВВЕДЕНИЕ

В этом году весь мир отмечает 60-летие окончания Второй мировой войны, изменившей геополитическую карту мира и до сих пор оказывающей самое непосредственное воздействие на происходящие и сегодня процессы. Поэтому закономерен постоянно возрастающий в обществе интерес к истории Второй мировой войны, к оценке ее причин, хода и итогов. Без этого невозможно понять динамику нынешних политических процессов, подоплеку открытой и закулисной дипломатии, в том числе в отношениях между Россией и Японией.

Вплоть до сегодняшнего дня между нашими государствами не подписан мирный договор по итогам Второй мировой войны. Но, несмотря на то, что на двусторонних отношениях пока еще лежит груз исторических проблем, сегодня можно с уверенностью признать, что российско-японское партнерство в настоящее время приобретает стратегический характер и все большее значение с точки зрения как экономических, внешнеполитических и военно-стратегических интересов нашей страны, так и совместных действий на международной арене: решения проблемы Корейского полуострова, борьбы с международным терроризмом и т.д.

Свидетельством этому является подписанный в Москве 9 января 2003 г. руководителями Российской Федерации и Японии «План действий» — документ, не имеющий на сегодняшний день аналогов в отношениях с другими странами.

Однако реализация всего комплекса возможностей стратегического партнерства между Россией и Японией в значительной степени сдерживается отсутствием мирного договора между нашими странами. Именно поэтому почти полвека отношения между нашими странами развиваются весьма сложно и противоречиво, переживают взлеты и падения.

История XX века во взаимоотношениях между Россией и Японией — это, прежде всего, противостояние двух государств, неоднократно приводившее к военным конфликтам.

Первая половина прошлого столетия — русско-японская война (1904-1905), интервенция Японии в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922), вооруженные столкновения и локальные военные конфликты в районе озера Хасан (1938) и реки Халхин-Гол (1939), сотни пограничных инцидентов. И наконец, советско-японская война, когда в 1945 г. Советский Союз в соответствии со своими союзническими обязательствами вступил в войну против Японии.

Несмотря на то, что основные военные действия длились одну неделю (с учетом практического завершения боевых операций на Курилах немногим более двух недель), фактическое состояние войны с правовой точки зрения продолжалось вплоть до 1956 г. — до подписания советско-японской совместной Декларации о нормализации двусторонних межгосударственных отношений.

Однако этот важный документ не заменяет собой мирный договор между нашими странами; он лишь сформировал правовую и частично практическую основу для достижения этой цели.

Наиболее серьезным препятствием в советское время, постоянно осложнявшим межгосударственные отношения и ход двусторонних переговоров по мирному договору, являлись реалии «холодной войны».

Противоречия между США и Советским Союзом, прежними союзниками по антигитлеровской коалиции, а на последнем этапе — и в войне с Японией, переросли в глобальную конфронтацию, что проявлялось буквально в каждой проблеме, возникавшей на том или ином континенте.

Соединенные Штаты Америки как самая могущественная страна капиталистического мира, его экономический центр и военно-политический лидер стали проводить жесткую линию на переустройство международных отношений под своим руководством и по своему образцу. Внешнеполитический курс США, направленный на обеспечение исключительно своих национальных интересов в любой точке мира с опорой на военную силу, самым непосредственным образом сказывался и на всех сторонах жизни Японии, включая ее отношения с Советским Союзом.

Нужно объективно признать, что и руководство СССР стремилось использовать победу во Второй мировой войне для расширения своего влияния в Восточной и Центральной Европе и формирования просоветских политических режимов, а также ока-

зывало прямую поддержку различным национально-освободительным движениям, в том числе в Азии.

В этой непростой международной обстановке послевоенного периода Япония стала одним из рубежей открытой борьбы внешнеполитических курсов двух сверхдержав — СССР и США.

На протяжении всей послевоенной истории Японии можно четко проследить, как США целенаправленно оказывали огромное давление на правящие круги Японии с целью не допустить нормализации отношений с Советским Союзом.

Да и в самой Японии, вставшей на путь модернизации по американскому образцу и под патронажем США, односторонняя ориентация на военный союз с Америкой не слишком способствовала поиску компромисса с СССР.

Более того, фактор «советской военной угрозы» здесь масштабно и целенаправленно использовался для нагнетания антисоветских настроений, постоянно поддерживая существование практически непреодолимого, особенно в первое послевоенное десятилетие, барьера между нашими народами. По этим же причинам СССР и Япония не раз сталкивались в открытой политической конфронтации и на международной арене.

С точки зрения внешнеполитической доктрины СССР при И. В. Сталине и Н. С. Хрущеве Япония не входила в число дипломатических приоритетов. Однако в своей стратегии глобального противостояния империализму в лице Соединенных Штатов СССР пытался выстроить активную политику в отношении этой страны, делая особую ставку на ее потенциальную экономическую заинтересованность в природных ресурсах Сибири и Дальнего Востока.

При этом Москва, недовольная проамериканской позицией Токио, стремилась использовать любую возможность для того, чтобы хотя бы в ограниченных рамках усилить свое политическое влияние на Японию и не дать США добиться монопольного контроля за ситуацией в дальневосточном регионе. Это одновременно не исключало проявление в ряде случаев весьма жесткой позиции СССР по всему комплексу проблем советско-японских отношений.

Многие исторические документы, ставшие известными сегодня, показывают, что продолжительные и принципиальные разногласия между нашими странами в послевоенное время в значительной степени усугублялись тяжелым наследием военного периода.

В первую очередь следует выделить две основные нерешенные проблемы послевоенного урегулирования, которые японская дипломатия в тактических целях нередко увязывала между собой.

Речь идет о достаточно широко обсуждаемой как политиками, так и общественностью территориальной проблеме и менее известной широкой общественности гуманитарной проблеме. Под последней имеется в виду широкий комплекс вопросов, связанных с пленением Квантунской армии в Маньчжурии осенью 1945 г., продолжительным пребыванием японских военнопленных в советских лагерях и растянувшейся на десятилетие их репатриацией на родину.

Эти две проблемы нередко становились не только камнем преткновения между нашими странами, но и предметом политического торга двух сверхдержав — СССР и США.

Уместно в этой связи напомнить, в частности, о доктрине Дж. Даллеса и известной американской угрозе «невозвращения Окинавы» в случае нахождения Японией компромисса с советской стороной в споре об островах.

Такой предельно жесткий подход преследовал своей целью консервацию на максимально возможно долгое время территориальной проблемы и, как следствие, затягивание на неопределенный срок всего комплекса вопросов нормализации японо-советских отношений.

Этой же логике полностью отвечали политические действия, порой носившие весьма активный характер, бывших союзников против СССР в Союзном Совете для Японии, Организации Объединенных Наций и других международных организаций по вопросу об обращении в СССР с находившимися на его территории японскими военнопленными.

Вполне закономерно, что в условиях такого масштабного политического давления со стороны США советско-японские переговоры по нормализации двусторонних отношений (1955-1956), не раз заходившие в тупик, завершились в конечном итоге лишь подписанием совместной советско-японской Декларации о прекращении состояния войны и восстановлении дипломатических отношений между нашими странами. Мирный же договор не подписан и по сегодняшний день.

Все же Декларация создала основу для репатриации на родину всех осужденных граждан Японии, отбывавших наказание в советских лагерях, хотя в угоду политическим интересам обеих стран того времени оставила за своими рамками ряд принципиальных вопросов по реализации всех других прав японских военнопленных, решение которых было фактически отложено на неопределенное время.

Все последующие годы в Советском Союзе серьезно опасались возможности постановки японской стороной весьма болезненной для наших стран проблемы, предусматривавшей в случае своего решения как политические, так и материальные действия.

В СССР рассмотрение данного вопроса являлось прерогативой высшего руководства страны, что объективно ставило данную проблематику в разряд государственных тайн. Не только население страны, но даже ученые-историки и востоковеды не имели достаточно объективной информации об истинном положении вещей, не говоря уже о возможности ознакомиться с документальными материалами, хранившимися в советских государственных и партийных архивах под грифом «совершенно секретно».

Демократические изменения в СССР с середины 1980-х гг. способствовали объективной реконструкции исторического прошлого, пересмотру прежних концепций и подходов, прямому обращению к теме прав человека, включая и проблемы военного плена. Эти позитивные процессы в полной мере затронули и советско-японские отношения.

Особенно большой прогресс в первые годы демократических реформ наметился в изучении и практическом решении проблем бывших японских военнопленных. Об этом свидетельствует, в частности, беспрецедентное в истории межгосударственное Соглашение о лицах, находящихся в лагерях для военнопленных, подписанное между СССР и Японией в 1991 г.

Знаменательным историческим актом стало предоставление японской стороне списков бывших японских военнопленных, умерших на территории СССР, возможностей посещения мест захоронений и т.д.

Все эти начинания были продолжены и развиты Российской Федерацией как правопреемницы СССР. Были осуществлены реабилитация граждан Японии, незаконно осужденных в плену, выдача справок о труде за работу на территории СССР бывшим военнопленным и членам семей умерших и другие гуманитарные акции.

Новая Россия, хотя и с опозданием более чем на 40 лет, совершила значительный прорыв в области прав человека, восстановив историческую правду и законность в отношении бывших японских военнопленных. Впервые в нашей стране на практике были реализованы основные международно-правовые нормы обращения с военнопленными, закрепленные в международных конвенциях, которые не только в СССР, но и во многих других государствах долгие годы оставались и до сих пор остаются лишь провоз-

глашением благих намерений следовать цивилизованным правилам разрешения вооруженных конфликтов.

Каковы же были действия Японии? Здесь на вышеупомянутые акции нашей страны последовала весьма неоднозначная реакция: поддержка и одобрение со стороны значительной части общественности и молчаливое игнорирование со стороны японских властей.

При этом важно понимать, что внутри Японии проблема пребывания японских военнопленных в СССР никогда не теряла своей политической актуальности и социальной остроты; практически сразу же после войны сформировалось и затем постоянно ширилось движение бывших японских военнопленных за свои права, шли дискуссии в политических и научных кругах. При этом со стороны правительства страны общественности Японии предлагалось рассматривать факт пребывания бывших японских военнослужащих в советском плену как исключительно трагическую страницу национальной истории. Особый акцент делался на ужасах советского плена и на противозаконных действиях сталинского режима, приведших к массовым человеческим потерям среди японского лагерного контингента.

Под воздействием этих факторов в общественном мнении Японии постоянно нагнетались негативные настроения в отношении Советского Союза. В этом же ключе проводилась политика японских правительственных кругов, создавших, по существу, дискриминационные условия для бывших узников советских лагерей, которым в отличие от их соотечественников, побывавших в плену в США, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и других странах, было отказано в получении соответствующих компенсаций у себя на родине.

Официальная аргументация в этом вопросе всегда отличалась прямой политической ангажированностью, стремлением игнорировать имеющиеся в этой области проблемы под предлогом давности лет и изменения политических реалий. Зачастую с расчетом на недостаточную информированность граждан этим вопросам давалась весьма субъективная оценка, переносящая всю ответственность за плен и его последствия исключительно на российскую сторону.

Об этом свидетельствуют, в частности, факты прямого отказа в юридическом признании в Японии официальных российских документов — справок о реабилитации лиц японской национальности, необоснованно осужденных в годы политических репрессий, а также справок о труде в плену на территории бывшего

СССР. Это явилось одним из главных аргументов для отклонения неоднократных исков бывших пленных советских лагерей в японские судебные инстанции по поводу выплаты соответствующих компенсаций. Данное обстоятельство послужило основанием для обращения истцов в структуры ООН по защите прав человека.

Параллельно с этим борьбу за свои права заметная часть японских военнопленных связывает со скорейшим заключением мирного договора между нашими странами. По их мнению, такой документ, по аналогии с Портсмутским мирным договором по итогам русско-японской войны 1905 г., призван поставить последнюю точку в этом вопросе. Более 1 млн. подписей было собрано членами Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных в поддержку такого требования в рамках специальной акции в 1997 г.

Все это свидетельствует о возрастающем политическом значении проблемы бывших японских военнопленных для поступательного развития российско-японских отношений и диктует необходимость проведения соответствующих двусторонних консультаций и переговоров по этому вопросу в общем контексте переговоров по послевоенному урегулированию между Российской Федерацией и Японией, которые должны учитывать объективные факты, имеющие серьезную научную и документальную основы.

Проблема пребывания японских военнопленных в СССР имеет и серьезное психологическое значение для национального сознания наших народов с точки зрения адекватного восприятия военного прошлого и формирования климата доверия. В этой связи всестороннее и объективное освещение этой прежде закрытой темы может в значительной мере оказать позитивное влияние как на политический, так и на общественный диалог между Россией и Японией.

Глава I

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРЕБЫВАНИЯ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СССР И ЕЕ МЕСТО В РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

1. Изучение проблемы в СССР и Российской Федерации

Отношение к проблеме японских военнопленных в СССР

Проблема пребывания японских военнопленных в СССР получила широкую и многостороннюю документальную базу для объективного научного изучения в отечественной историографии лишь с началом радикальных демократических реформ в политической жизни советского государства в конце 80-х — начале 90-х гг. XX века. Тогда российские исследователи впервые получили доступ к значительной части ранее закрытых архивных материалов, и вопросы военного плена остро прозвучали в контексте проблемы прав человека.

До этого времени тема пребывания японских военнопленных на территории СССР освещалась крайне редко и только на страницах центральной советской прессы — газет «Правда», «Известия», в журнале «Новое время».

Появление этих статей было реакцией на текущие политические события и носило исключительно пропагандистский харак-

тер: в них либо рассказывалось о благодарных чувствах японцев в адрес советского правительства и И. В. Сталина, либо подвергались резкой критике действия официальных кругов Японии, США и других стран в поддержку скорейшего возвращения японских военнопленных на родину. Для публичного же обсуждения эта тема была де-факто полностью закрыта.

В 1945 г. при Исполкоме Комитета Красного Креста и Красного Полумесяца СССР была организована комиссия по розыску советских и иностранных граждан, пропавших без вести. На многочисленные запросы родственников японских военнопленных комиссия в подавляющем большинстве случаев давала стандартный ответ типа: «сведениями не располагаем».

К сожалению, для таких ответов существовали весьма веские причины. Нет смысла обвинять в некомпетентности эту структуру, которой было поручено осуществлять обмен списками военнопленных, передавать наследникам умерших их документы и личные вещи и т.д.

Все данные о военнопленных на долгие годы являлись достоянием только одного ведомства — МВД СССР. Именно здесь решали, какую информацию предать гласности. Поэтому не приходится удивляться тому, что сегодня, по оценке специалистов, экспертов ООН, остается неизвестной судьба многих тысяч иностранных военнопленных в СССР.

В советской литературе, посвященной международным отношениям, эта проблема практически не рассматривалась как самостоятельная, заслуживающая отдельной разработки. Редкое исключение составляют лишь некоторые фундаментальные и документальные издания, посвященные внешней политике СССР: «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», «Всемирная история», сборник документов «Внешняя политика СССР», где эта тема фрагментарно представлена в контексте событий Второй мировой войны.

В этом же ряду следует также упомянуть некоторые военно-исторические труды и энциклопедические издания, наиболее объемной из которых является «История Второй мировой войны: 1939-1945», а также мемуарную литературу — воспоминания советских военачальников — участников событий тех лет: маршалов А. М. Василевского — «Дело всей жизни», К. А. Мерецкова — «На службе народу» и других, руководивших советскими войсками в войне с Японией и осуществлявших пленение японских солдат и офицеров.

Отдельно следует выделить документальную переписку глав государств-союзниц по антигитлеровской и антияпонской коа-

иции, сборники документов международных конференций, нот и заявлений правительств СССР, США, Великобритании, Китая и других государств по вопросу мирного урегулирования для Японии, опубликованные в нашей стране и за рубежом.

Что же касается японоведческой науки, то лишь в ряде работ по истории советско-японских отношений содержатся некоторые косвенные упоминания об этом историческом факте. Например, это — книга Л. Н. Кутакова «История советско-японских дипломатических отношений», коллективная монография «СССР и Япония». Естественно, что сложная проблема военнопленных здесь подается в идеологическом контексте советских времен.

Выход проблемы японских военнопленных на качественно новый уровень исторического исследования в РФ

Анализ темы пребывания японских военнопленных в СССР начинает приобретать систематизированный и научный характер лишь с начала 1990-х гг. Первые публикации по данной проблематике в центральных газетах и журналах в основном носили описательный характер. Это — статьи таких известных журналистов, как В. Я. Цветов, В. И. Дунаев, Ю. В. Тавровский, Л. М. Млечин и другие. Одновременно появилось значительное число материалов не только в центральной, но и сибирской и дальневосточной периодической печати, связанных в основном с поиском мест захоронений японских военнопленных, а также с воспоминаниями местных жителей.

При всей публицистичности большинства статей и материалов принципиально важно то, что они первыми открыто подняли указанную проблему и способствовали привлечению внимания к ней как широкого круга общественности, так и профессиональных историков.

К наиболее заметным научным публикациям конца 1980-х — начала 1990-х гг. следует отнести статьи военного историка и юриста В. П. Галицкого, японоведов Е. Ю. Бондаренко, А. А. Кириченко и других, которые ввели в научный оборот большой пласт ранее неизвестных архивных документов.

В частности, В. П. Галицкий в своих статьях «Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы», «Проблема военнопленных и отношение к ней советского государства» и других довольно полно и подробно описал вопросы снабжения, медицинского обслуживания, а также морально-психологического состояния

военнопленных и проводимой среди них идеологической работы. В статьях содержатся довольно обширные сведения об общем количестве взятых в плен и репатриированных на родину японцах, данные о количестве японских военнопленных, вывезенных на принудительные работы в СССР и умерших в плену, которые фактически до сентября 1990 г. не были опубликованы в Советском Союзе.

Много новых документальных фактов можно было в то время обнаружить и в работах дальневосточного исследователя Е. Ю. Бондаренко «Долгое возвращение из плена», «Судьба пленных: Токийский и Хабаровский международные процессы над японскими военными преступниками и их последствия (1948-1949)» и др.

Именно региональные исследования заслуживают особого упоминания. Они ведутся сегодня в различных краях и областях России, где отбывали плен граждане Японии, и постепенно заполняют «белые пятна», существовавшие до этого в течение долгих лет в российской и японской истории, создают базу для подготовки обобщающих научных изданий.

На этом направлении довольно успешно работает целая группа молодых российских историков. К их числу следует в первую очередь отнести иркутского ученого С. И. Кузнецова, защитившего в 1994 г. диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему: «Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны (1945-1956)». Ее положения достаточно подробно представлены в его работах «Японцы в сибирском плену» и «Проблемы военнопленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны». В них С. И. Кузнецов дал наиболее глубокую и подробную на то время разработку данного вопроса на примере Иркутской области и, по существу, открыл новое направление исторических исследований, посвященное региональным аспектам этой темы.

Проблему пребывания японских военнопленных в национальном регионе разрабатывает также ученый из Улан-Удэ О. Д. Базаров. В своей кандидатской диссертации «Японские военнопленные в Бурятии (1945-1948)» он рассматривает организацию и деятельность лагерей японских военнопленных в Бурятской Республике. По его стопам следует молодой научный сотрудник из Красноярского края М. Н. Спиридонов, который также работает в основном на материалах местных архивов. В 2001 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Японские военнопленные в Красноярском крае (1945-1948)». Книга же М. А. Кузьминой «Плен: японские военнопленные в Хабаровском крае» затрагива-

ет особенности пребывания японцев в хабаровских лагерях. В ее основе — подлинные исторические документы и свидетельства очевидцев событий тех лет.

Одним из последних научных изданий по этой тематике является выпущенная в Дальневосточном университете в 2002 г. монография Е. Ю. Бондаренко «Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке (1914-1956)». Две из четырех глав этой книги посвящены проблеме пребывания японских военнопленных на Дальнем Востоке СССР в 1945-1956 гг.

В ней рассматриваются такие проблемы, как трудовое использование японских военнопленных, их бытовое обустройство, идеологическое воспитание в советских лагерях, их борьба за скорейшую репатриацию на родину и т.д. Одновременно с этим в книге затрагиваются многие другие вопросы, связанные с темой военного плена: эффективность управления индивидуальным и групповым поведением военнопленных, причины возникновения и методы преодоления внутриличностных и межличностных конфликтов, характерные национальные особенности поведения военнопленных и ряд других.

Достоинство монографии заключается в том, что она основана на обширном документальном материале, интересны выводы и наблюдения, которые представлены на страницах книги. В частности, особого внимания заслуживает попытка ученого на основе анализа японских публикаций объективно оценить результаты идеологической работы среди японцев в советских лагерях.

Примерно эти же аспекты проблемы рассмотрены в работе военного историка В. В. Карпова «Пленники Сталина», вышедшей в Украине в 1997 г. Ее отличительная особенность состоит в том, что в книге впервые в наиболее полном объеме воссоздана картина пребывания японцев в советском плену на всей территории бывшего СССР. В ней также нашли отражение и вопросы войны СССР с Японией: замыслы советского командования по подготовке войны с Японией, военные действия Квантунской армии по отражению наступления советских войск, политическое решение И. В. Сталина об отправке японских военнослужащих на принудительные работы в СССР и т.д.

Детально воссоздана картина идеологической работы среди японских военнопленных в советских лагерях, освещены цели и задачи политической пропаганды среди японцев и методы их осуществления. В отдельной главе показаны особенности репатриации японских военнопленных и гражданских лиц из СССР.

Знакомство с этими работами выявляет их общую отличительную черту: практически все они в большей степени посвящены подробному описанию условий пребывания японских военнопленных в СССР, их трудовой деятельности, медицинской, культурно-массовой и идеологической работы в лагерях и т.д., соответствующих нормативных документов СССР и, главным образом, местных органов власти.

В гораздо меньшей степени свое внимание авторы уделяют анализу и обобщению известных и выявленных ими документальных фактов в контексте внутренней и внешней политики СССР. Более того, не все вопросы в этих исследованиях удалось осветить равнозначно, опираясь на конкретные исторические факты. Это обусловлено в первую очередь затрудненным доступом к источникам на японском языке, а главным образом — к наиболее важным для понимания проблемы историческим документам, долгие годы хранящимся в Москве под грифом «секретно».

В этом смысле весьма перспективным представляется сравнительно новое направление комплексных исторических исследований, посвященных пребыванию японских военнопленных на территории СССР — публикация недавно рассекреченных материалов из центральных российских архивов с расширенными и обобщающими научными комментариями к ним.

К числу таких исследований следует отнести серию работ Института военной истории Министерства обороны РФ под общим названием «Иностранные военнопленные в СССР» в рамках единого проекта «Великая Отечественная» в рубрике «Русский архив». Один из подготовленных к изданию томов посвящен гражданам Японии.

Значительным явлением в научной жизни нашей страны стал выход в 2000 г. объемного труда «Военнопленные в СССР. 1939-1956: Документы и материалы». Наряду с нормативными документами общего характера здесь содержатся малоизвестные архивные материалы, связанные с пребыванием японских военнопленных в СССР.

Источниковедческую базу этих исследований составляют документы и материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО), Государственного военного архива (ГВА).

В ГА РФ наибольший интерес для исследования вопроса о пребывании японских военнопленных в СССР представляют ма-

материалы так называемых «особых папок» (ф. 9401, оп.2). В эти «особые папки» вошли доклады (в ряде случаев их сопровождают проекты правительственных решений) руководителей НКВД—МВД или имя И. В. Сталина, Л. П. Берия, В. М. Молотова и других первых лиц советского государства по таким вопросам, как репатриация японских военнопленных на родину и т.д.

Научная значимость этих документов состоит в том, что они дают возможность проследить механизмы принятия того или иного правительственного решения. Кроме того, в ГА РФ имеются приказы, директивы распоряжений, инструкции и указания НКВД—МВД (ф. 9401, оп. 12), регламентирующие порядок содержания военнопленных, организацию трудового использования их учета и т. д.

Особого внимания заслуживает Фонд Управления уполномоченного СНК—СМ СССР по делам репатриации (ф. 9526), который содержит статистические данные о количестве бывших солдат и офицеров японской армии, отправленных на родину, а также итоговый доклад о репатриации советских и иностранных граждан.

Крайне любопытны материалы такой организации, как Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (ф. 9501). В этом фонде сохранилась переписка Красного Креста с правительственными инстанциями, внешнеполитическим ведомством, органами НКВД—МВД, письма и телеграммы из штаб-квартиры МККК в Женеве, японского Общества Красного Креста, отчеты о переговорах между советскими и японскими представителями.

Материалы по теме исследования, имеющиеся в ГВА, рассредоточены главным образом в фонде ГУПВИ НКВД—МВД (ф. 1/п). В нем содержится переписка сотрудников УПВИ с руководителями МВД, а также различного рода справки, отчеты, аналитические записки. Эти документы, предназначенные для служебного пользования, нередко воссоздают более достоверную картину событий. Заслуживают внимания хранящиеся в ГВА дела персонального учета военнопленных. Эти источники позволяют судить о степени влияния политики на судьбы конкретных людей. Встречаются документы, свидетельствующие о столкновении позиций различных министерств и ведомств по вопросам военного плена.

Внешнеполитический аспект проблемы и ее правовую сторону наиболее полно отображают документы, хранящиеся в АВП РФ. Прежде всего, это — фонды секретариата В. М. Молотова (ф. 06), договорно-правового отдела, позднее управления (ф. 054), референтуры по Японии (ф. 0146) и т.д.

Данные о количестве бывших солдат и офицеров во фронтовых лагерях и рабочих батальонах Министерства Вооруженных сил СССР имеются в ЦАМО, в фонде начальника тыла Вооруженных сил СССР (ф. 67). Здесь же можно встретить отчеты об использовании труда японцев на оборонных и прочих объектах.

Отдельный раздел историографии составляют сборники документов по истории Второй мировой войны и внешней политике СССР, зарубежная и отечественная литература. Большое место в нем занимает советская и иностранная периодика сороковых—пятидесятых годов. Ценность этого вида источника заключается в том, что он, во-первых, выполняет информативную функцию, во-вторых, наглядно демонстрирует идеологизированный подход СССР и западных держав к таким проблемам, как правовой статус военнопленного, репатриация, уголовное преследование японских военнопленных и т. д.

Это — наиболее информационно насыщенный источник, позволяющий не только увидеть детальное освещение малоизвестных исторических событий, но и получить широкое представление о них в контексте конкретных исторических и политических событий того времени.

Однако, знакомясь с этими материалами, следует принимать во внимание достаточную долю субъективизма в изложении и оценках, встречающихся в них, обусловленного известными идеологическими подходами, однозначной политической ангажированностью, национальным менталитетом и другими чертами, свойственными прессе вообще и зарубежной в частности.

И наконец, отечественную историографию дополняют современные официальные документы и материалы: законы Российской Федерации, указы Президента Российской Федерации, государственных структур и общественных организаций, дающие объективное представление о современном состоянии исследуемой проблемы.

2. Работы зарубежных авторов

Освещение проблемы в Японии: подходы и трактовка

Японская историография весьма объемна и значительно превосходит российскую по количеству изданных работ. Однако ее отличает отход от междисциплинарного принципа исследований

и слабая источниковедческая база, обусловленная явной нехваткой и неоднородностью источниковедческого материала.

На сегодняшний день в Японии опубликовано огромное число книг, художественных альбомов и статей по проблемам бывших японских военнопленных. Большая часть из выходящей популярной литературы по этой тематике создана в мемуарном жанре. Их авторами являются сами же бывшие военнопленные — люди с разным уровнем образования и с разными политическими взглядами, отражающими широкий спектр общественных и политических движений: начиная с коммунистических и кончая реваншистскими.

Изложение событий их непосредственными участниками и свидетелями не лишено субъективной интерпретации и весьма неоднозначных оценок. Зачастую исторические и автобиографические факты сочетаются с разнообразными мифами, искусно созданными политиками в тот или иной период времени в угоду существовавшей конъюнктуре.

К числу заслуживающих внимания работ следует отнести книги Касио Хокари «Сибэриа ёкюрю» («Записки о сибирском плене»), Кунио Сайто «Намида-но хэйтай» («Оплакиваемые солдаты»), Хисао Мацуи «Васурээнэ ёкюрю омойдэ» («Незабываемые воспоминания о плене»), Сэцуо Хираидэ «Сибэриа ни удзумэта карутэ» («Карты, закопанные в Сибири»), Касио Хокари «Сибэриа ёкюрю» («Записки о сибирском плене») и другие.

Среди мемуаров наибольшую общественную оценку в стране получили работы президента Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных Рокуро Сайто «Кайсо-но Сибэриа» («Воспоминания о Сибири», 2 т.), «Сибэриа-но банка» («Песнь о Сибири на склоне лет»).

Первая из этих работ подробно описывает жизнь и труд японцев в лагерях, трудности, с которыми они столкнулись в связи с тяжелыми климатическими условиями Сибири, скудным питанием, болезнями, тяжелым трудом на стройках советского народного хозяйства. Автор провел 4 года в лагере № 7 под Тайшетом и на своем опыте испытал все лишения военного плена. Однако сохранил добрые чувства к советским людям, к нашей стране, чем и проникнуты страницы его воспоминаний. Книга удостоена премии мира газеты «Ямагата симбун».

«Песнь о Сибири на склоне лет» посвящена борьбе японских военнопленных за свои права в современной Японии. В центре внимания автора — российско-японские отношения. Подробно описываются встречи и переговоры с политическими и обществен-

ными деятелями современной России по данной проблеме. Представлены официальные документы, относящиеся к гуманитарным акциям РФ в этой области. Несомненная ценность книги — в публикации ранее закрытых материалов Квантунской армии.

Наиболее заметным событием в области мемуарной литературы стал выход в свет в 1998 г. восьмитомного издания воспоминаний бывших военнопленных о советском плене «Хорё тайкэн-ки», подготовленного членами общества «Летописцы военного плена». Каждый из томов посвящен пребыванию японских военнопленных в отдельном дальневосточном или сибирском регионе.

На примере отдельных судеб людей и их лагерного опыта нарисована подробная и многогранная картина пребывания японцев в советском плену, сюда же включены такие иллюстративные материалы, как сборник песен, которые исполняли японские военнопленные в лагерях, и другие свидетельства прошлых лет. Это издание было удостоено одной из самых престижных литературных премий Японии — премии Наоки за 1998 г.

Что касается научной базы изучения проблемы в Японии, то она представлена главным образом статьями японских ученых-историков, политологов, юристов: Вада Харуки, Хисая Сираи и других, объектом внимания которых являются вопросы выплат компенсации за работу в плену, дискуссии о численном составе взятых в плен солдат и офицеров Квантунской армии и умерших на территории СССР, проблемы российско-японских отношений в рамках этой темы.

Определенным движением в сторону объективной оценки тех событий стало рассекречивание и предоставление в декабре 2000 г. для широкого доступа документальных материалов, связанных с проблемой «сибирского плена», находившихся в архиве министерства иностранных дел Японии.

Изучение проблемы в других странах

Проблема пребывания в плену в СССР японских военнопленных не стала объектом специальных серьезных исследований на Западе, а в основном затрагивается в контексте общего исторического анализа Второй мировой войны и послевоенного периода. В целом насчитывается не более 30 монографий и книг, где эта тема звучит достаточно четко. Однако следует отметить, что в значительной части книг ярко обозначены главным образом ме-

муарные аспекты, в то время как анализ политических вопросов дается довольно поверхностно.

В первую очередь необходимо отметить работу Д. Майера «Материалы о военнопленных и пропавших без вести в президентских библиотеках», где содержится не только большое количество данных, но и представлена обширная информация о различных документах, относящихся к данному вопросу.

Подробный анализ советско-японской войны, и в первую очередь боевых действий Квантунской армии, наступательной операции советских войск и обстоятельств пленения японских военнослужащих дается в книге Р. Майнера «Правосудие победителей: Токийский процесс над военными преступниками». Но все-таки основное внимание в работе уделено, прежде всего, судьбе американских военнослужащих, попавших в плен к японцам в ходе войны.

Ее дополняет исследование А. Брэкмена «Другой Нюрнберг: нерассказанная история военных преступлений Токио», посвященное делам японских военнопленных, осужденных в СССР за военные преступления.

Среди материалов, касающихся собственно вопросов пребывания японских военнопленных в советском плену в первую очередь необходимо отметить доклады американско-российской комиссии по военнопленным и пропавшим без вести. В них можно почерпнуть весьма интересную информацию о географии лагерей для японских военнопленных в СССР, их контингенте и т. д. Но, как и в других случаях, многие сведения носят чисто описательный или неполный характер.

Довольно полезными источниками для изучения выбранной темы являются такие работы, как «Принудительный труд в Советской России» Д. Далина и Б. Николаевского, а также «Гулаг на войне: сталинская система принудительного труда в зеркале архивов» Э. Бэкона и другие.

Несмотря на внешнее обилие литературных и научных источников по исследуемой теме, детальное знакомство с ними со всей очевидностью диктует потребность появления фундаментального научного труда комплексного характера. Новый подход к исследуемой проблеме предполагает: с одной стороны, необходимость в полной мере реконструкции объективной картины прошлого, а с другой — освещение основных аспектов этой сложной и весьма актуальной темы: военно-исторический, дипломатический, международно-правовой с выходом на военно-политические реалии того времени и сегодняшнего дня.

3. Дискуссионные вопросы

Вопрос о характере советско-японской войны

Невозможно рассматривать судьбы людей, втянутых в войну и испытавших на собственных судьбах ее тяжкие последствия, не говоря о характере и оценках этой войны.

К сожалению, у нас нет возможности проанализировать во всем многообразии все точки зрения в мировой историографии по этой проблеме, поскольку ей посвящены сотни книг и научных статей в разных странах. Заметим лишь одно — в России, США и Японии можно встретить разное понимание и разные трактовки причин и следствий войны с Японией, впрочем, как и среди российских исследователей в последние годы наблюдаются диаметрально противоположные оценки тех далеких исторических событий.

В СССР на протяжении многих лет приводились достаточно убедительные доводы, подтверждающие устоявшуюся точку зрения на политику Японии того времени в отношении СССР исключительно как «крайне враждебную». Делались ссылки на то, что «японский генеральный штаб не прекращал подготовку к войне с СССР, а вооруженные столкновения на маньчжуро-монгольской границе, спровоцированные японской военщиной, проходили чуть ли не каждый день».

На это, в частности, указывают известные военные историки В. П. Зимонин и В. П. Галицкий. Они утверждают, что «пока на Дальнем Востоке продолжал существовать очаг напряженности, СССР не мог считать национальную безопасность полностью обеспеченной. Вступление СССР в войну против Японии подготовливалось политикой японского государства, в течение многих лет осуществлявшего агрессивные антисоветские военные вылазки и провокации».

При этом в качестве доказательной базы ими упоминаются вооруженные конфликты у озера Хасан (1938) и в районе реки Халхин-Гол (1939), говорится о планировании и тщательной подготовке вплоть до конца 1943 г. «японского вторжения на территорию советского Дальнего Востока и захвата огромной территории до Омска».

Авторы ссылаются на постоянное нарушение со стороны Японии советско-японского пакта о нейтралитете, подписанного 13 апреля 1941 г., прежде всего в области судоходства. По их признанию, «за четыре года со времени его подписания японские

военные корабли около 200 раз останавливали (нередко с применением оружия) и досматривали советские торговые и рыболовные суда, уводили некоторые из них в свои порты, и, по крайней мере, 8 были затоплены. Общие убытки советского судоходства в 1941–1944 гг. в результате провокационных действий японских ВМС составили 637 млн. рублей» и т. д.

Далее в их аргументах следует обвинение Японии в том, что она «оказывала политическую и экономическую помощь Германии в войне против Советского Союза, поставляла ей разведывательную информацию, снабжала стратегическим сырьем». И, наконец, идет ссылка на то, что «в непосредственной близости от советских дальневосточных границ была сосредоточена крупная стратегическая группировка японских войск, в течение многих лет усиленно готовившаяся к выполнению главной задачи — нападению на СССР»¹.

В самой Японии долго шли к тому, чтобы признать военные действия своей страны на Тихоокеанском фронте агрессией. Впервые вопрос об этом поднял премьер-министр Японии Морихиро Хосокава, а его преемник на этом посту — Томиити Мураяма — официально подтвердил эту оценку в своем выступлении по случаю 50-летия окончания Второй мировой войны 15 августа 1995 г.

Он заявил: «На определенном этапе не столь отдаленного прошлого Япония, избрав ошибочную национальную политику, вступила на путь войны, ввергла свой народ в пучину смертельно опасного кризиса и своим колониальным господством и агрессией причинила огромный ущерб и страдания народам других, особенно азиатских стран. Ради того, чтобы такая ошибка не повторилась в будущем, я со смирением воспринимаю исторические факты как неоспоримые и здесь вновь выражаю глубокое сожаление и приношу искренние извинения. Разрешите также выразить глубокую скорбь о всех жертвах этого исторического периода в нашей стране и за рубежом»².

Однако спустя несколько лет после этого признания в Японии разразился дипломатический скандал, связанный с утверждением японским министерством просвещения нового школьного учебника истории. Его авторы — националистически настроенные историки из так называемого общества реформы учебников истории, образованного в 1997 г. В их задачи входила попытка оправдания внешней политики Японии в первой половине прошлого века.

Например, в изначальном тексте нового учебника было сказано, что японская оккупация Кореи не противоречила между-

народному праву, а число жертв Нанкинской резни 1917 г., в которой, по китайским данным, японские солдаты убили около 300 тыс. китайцев, было занижено.

Под давлением общественности Кореи и Китая министерство просвещения Японии вынуждено было пойти на внесение в текст учебника 137 исправлений. Но, несмотря на изрядную корректировку наиболее одиозных мест, в новом учебнике японская агрессия в Азии по-прежнему оценивается как «помощь Японии азиатским народам в освобождении от европейского колониального гнета». При этом официальные круги Японии поспешили дистанцироваться от подобных взглядов на историю, продолжая настаивать на том, что исторические взгляды и оценки, представленные в учебнике, не следует отождествлять с позицией правительства страны.

Этот конкретный пример еще раз наглядно показывает, насколько вопросы военной истории актуальны и злободневны для японского общества в наши дни и насколько противоречивы подходы и оценки одних и тех же исторических событий в стране.

Что касается советско-японских отношений, то в японской исторической литературе преобладает мнение о неправомерности участия Советского Союза в войне против Японии. Более того, в Японии до сих пор можно услышать обвинения в адрес СССР в вероломстве, в нарушении обязательств, взятых на себя по советско-японскому пакту о нейтралитете, в то время как Япония, со своей стороны, эти обязательства выполняла.

В последние годы эта версия в той или иной форме находит отражение и в российских научных и журналистских кругах, где обозначилась общая тенденция к переоценке советской истории, а также наиболее значительных событий военного прошлого.

Сегодня в российской прессе можно встретить критику в адрес советских историков за то, что они долго и много писали исключительно об агрессивных замыслах японского милитаризма против СССР, строя факты обличения японской агрессии главным образом на так называемых планах «Кантокуэн» и «Оцу», положенных в основу советского обвинения на Токийском международном процессе.

В частности, в статье «Японские военнопленные на стороне советского обвинения: неизвестные страницы Токийского процесса», опубликованной в газете «Известия», прямо указывается на то, что «фактическое обвинение японской агрессии могло базироваться главным образом на планах японцев, а не на их дей-

ствиях... Но можно ли судить за неосуществленный план по всей строгости закона?» — задаются вопросом его авторы ³.

Со ссылкой на эти и другие аргументы статьи некоторые российские исследователи высказывают даже суждение о том, что войну, начатую СССР против Японии, с советской стороны можно в полной мере рассматривать как «акт агрессии, реально не спровоцированный никакими японскими действиями аналогичного масштаба или значения» ⁴.

В подтверждение этой оценки предлагается и новая интерпретация акта денонсации пакта о нейтралитете с Японией. «Весной 1945 года советская сторона не расторгла пакт, как полагают многие, — замечает В. Э. Молодяков, — но только объявила о том, что не будет продлевать его». На основании этого, по его мнению, «японцы заключили, что СССР не начнет войну с ними раньше этого времени, но жестоко просчитались» ⁵.

Оставим оценку этих точек зрения за пределами данной работы, поскольку они сами по себе требуют довольно аргументированного и подробного анализа. Здесь же будет уместным, на наш взгляд, заявить о том, что поиск путей выхода за рамки официоза советской историографии, старых идеологических штампов вовсе не означает полной ревизии отечественной историографии и тотальной критики всей внешней политики СССР. Этим, как можно было убедиться, грешат некоторые исследователи, перенося в одностороннем порядке всю ответственность за все тяжелое послевоенное наследие в российско-японских отношениях лишь на советскую сторону.

Вместе с тем это не исключает признания того, что сегодня уже настала необходимость внесения кардинальной корректировки в общепринятое в советской историографии понимание многих принципиальных моментов советско-японских отношений.

Одним из первых это сделал российский исследователь Б. Н. Славинский. В своих книгах он подверг сомнению многие взгляды отечественных историков на советско-японскую войну. Это касается, в частности, оценок довоенных советско-японских вооруженных конфликтов на советско-маньчжурской границе, их причин и следствий и т. д. «Может быть, в этих инцидентах была повинна и советская сторона?» — поставил он вопрос перед российскими историками ⁶.

Аналогичным образом в работах Б. Н. Славинского речь идет о необходимости пересмотра традиционных подходов нашей историографии в отношении пакта о нейтралитете между СССР и Японией 1941 г. и т.д.

Ряд российских авторов, в том числе, например, А. А. Кошкин, по-прежнему полагают, что, денонсировав пакт о нейтралитете с Японией, советское правительство «фактически информировало японское правительство о возможности участия СССР в войне против Японии с целью скорейшего завершения Второй мировой войны» ⁷.

В новой же трактовке этих событий выдвигается мысль о том, что, какими бы союзническими обязательствами не руководствовался Советский Союз, с международно-правовой точки зрения он нарушил пакт о нейтралитете с Японией, первым начав против нее военные действия.

Безусловно, под претензиями в адрес Советского Союза со стороны Японии были формальные основания. Советское правительство имело право расторгнуть советско-японский пакт о нейтралитете и сделало это в полном соответствии с буквой этого документа. Однако оно было обязано в течение года после этого придерживаться его условий, а война Японии была объявлена уже через 5 месяцев.

Более того, в последние годы все чаще упоминается тот факт, что СССР начал войну против Японии без предварительного уведомления об этом. Передовые и разведывательные отряды войск Забайкальского фронта перешли государственную границу во всех направлениях несколькими минутами раньше официального объявления войны министром иностранных дел СССР В. М. Молотовым послу Японии в СССР Наотакэ Сато. Практически одновременно в Токио текст этого заявления был передан японскому правительству послом СССР в Японии Я. А. Маликом.

Таким, по существу, оказался ответ советской стороны на просьбу японского правительства о посредничестве в деле окончания войны, с которой оно обратилось к СССР 24 июля 1945 г., то есть за два дня до опубликования Потсдамской декларации.

В последующие годы для обоснования решения СССР о вступлении в войну против Японии в отечественной историографии, как было показано выше, приводились разные соображения по поводу намерения Японии самой нарушить пакт и напасть на СССР. Все это — правда, но это не меняет того факта, что формально первым условия советско-японского пакта о нейтралитете нарушил Советский Союз.

Вместе с тем не следует давать оценку действиям советского правительства без учета исторического контекста советско-японских отношений в первой половине 40-х гг. в соперничестве с максимальными ставками, развернувшемся тогда на мировой аре-

не, любой договор воспринимался его участниками как эпизод борьбы, а не как моральное обязательство. И Япония, и СССР были готовы нарушить пакт о нейтралитете при благоприятных обстоятельствах. Япония так и не дождалась удобного момента, а СССР пошел на это, исходя из сложившейся в 1945 г. международной обстановки.

Вопрос о статусе бывших японских военнослужащих, оказавшихся в плену на территории СССР

В основу политического решения советского руководства о направлении на принудительные работы в СССР плененных японских солдат и офицеров, возможно, был положен уже имевшийся опыт в этом вопросе, приобретенный при определении судьбы немецких военнопленных после окончания войны.

Вопрос о том, как следует поступить с Германией после ее поражения, обсуждался союзниками еще в годы войны. В частности, одна из директив советского руководства, направленная представителю СССР в Европейской консультативной комиссии (ЕКК), приступившей к работе 14 января 1944 г., предписывала: «В противоположность англичанам и американцам, которые предусматривают сразу же после подписания перемирия и разоружения демобилизацию вооруженных сил, советский проект требует объявления этих сил целиком военнопленными.

Если это наше требование встретит возражение со стороны англо-американцев, которые могут сослаться на отсутствие подобных прецедентов в истории, Вам следует настаивать на этом требовании как вытекающем из принципа безоговорочной капитуляции, для которой тоже нет прецедентов»⁸.

Как и предполагало руководство СССР, в ЕКК вопрос о дальнейшей судьбе немецких солдат и офицеров вызвал дискуссию. Представители США и Великобритании делали акцент на том, что с немцами, получившими статус военнопленных, придется обращаться в соответствии с нормами международного права. А это потребует немалых материальных затрат, поскольку каждый из узников войны должен быть обеспечен нормальным жильем, полноценным питанием, приличной одеждой и т.д.⁹

Однако в конечном итоге был найден компромисс, предложенный советской стороной и заключающийся в том, что «пленение солдат противника — это право, а не обязанность победителя. Следовательно, союзники вольны поступать с капитули-

ровавшими военными вермахта так, как им заблагорассудится»¹⁰.

Как показали дальнейшие события, компромиссный вариант устроил и англичан, и американцев. Второй пункт статьи второй «Декларации о поражении Германии» предоставлял Главнокомандующему вооруженных сил того или иного союзного государства единолично принимать решение о том, кого именно следует считать военнопленным¹¹.

Эти принципы СССР попытался распространить и на Японию вопреки Потсдамской декларации, девятый пункт которой предполагал не пленение, а демобилизацию поверженных вооруженных сил японской армии и исключал всякую возможность их продолжительного нахождения в плену.

В Японии широко распространено понятие «сибирское интернирование». И в отношении категории лиц, попавших в советские лагеря, в общественных и политических кругах чаще всего применяют термин не «военнопленный» («хорё»), а «интернированный» («ёкурю»). Японские судебные органы также подвергают сомнению правомерность применения в данном конкретном случае определения «военнопленный». Они подменяют его такими категориями, как «лица из числа окруженного противника» или «разоруженные вооруженные силы», и переносят возникающие в связи с этим проблемы из правового поля в политическое.

Возможно, в стремлении отойти от определения «военнопленный» сыграла свою роль древняя национальная традиция, протекающая из феодального кодекса самурайской чести Бусидо. Достаточно напомнить ряд высказываний из показаний бывшего премьер-министра Японии Хидэки Тодзио на Токийском процессе: «Мое заявление, что отношение японцев к вопросу о военнопленных отличается от отношения европейцев и американцев, означает, что еще с незапамятных времен японцы считали позорным сдаваться в плен. Поэтому все воины получали приказ идти на смерть, но не становиться военнопленными.

При таком положении вещей считалось, что ратификация Женевской конвенции заставила бы общественное мнение поверить, что власти поощряют японцев сдаваться в плен. Поэтому в ответ на запрос нашего министерства иностранных дел относительно действия Женевской конвенции военное министерство заявило, что хотя оно не может объявить о полном согласии с его принципами, но и не возражает против их применения с необходимыми оговорками.

В январе 1942 г. министр иностранных дел объявил через посольства Швейцарии и Аргентины, что Япония будет следовать Женевской конвенции с изменениями»¹².

Что означали эти изменения в понимании японских властей? Достаточно яркой иллюстрацией этих слов является судьба плененных Халхин-Гола, большая часть которых по возвращении на родину была предана судебным преследованиям и расстрелу.

В «Памятке японскому солдату и младшему офицеру» того времени военно-политическое руководство Японии предписывало, что «смерть на фронте — это обязанность военного человека». Поощрялся фанатизм при ведении боевых действий, популяризировалось самоубийство при угрозе плена. Внедрялась «тактика поголовной гибели», усиленно готовились смертники — «камикадзе» и т.д.¹³

Но более, чем на традиции, японцы уповают сегодня на исторические и правовые аргументы. При этом в обосновании термина «интернированный» особый акцент делается на то, что большая часть военнослужащих Квантунской армии оказалась в плену не во время боевых действий, а в результате полной и безоговорочной капитуляции страны на основе рескрипта императора.

Сдача в плен происходила добровольно: складывая оружие, японцы рассчитывали на соблюдение со стороны СССР девятого пункта Потсдамской декларации о незамедлительном возвращении их к мирным очагам сразу же после разоружения японской армии. Более того, обращается внимание на то, что бывшие японские военнослужащие Квантунской армии были взяты в плен на территории третьей страны и «интернированы» в СССР уже после подписания 19 августа 1945 г. соглашения о прекращении боевых действий.

В определенной степени четкого разграничения между определением «военнопленный» и «интернированный» не было в то время и в советской правовой науке. Достаточно сослаться на «Положение о военнопленных», утвержденное Советом Народных Комиссаров СССР 1 июля 1941 г., которое практически подменило собой международные конвенции об обращении с военнопленными, которые полностью игнорировало советское руководство.

Здесь сказано, что военнопленными признаются, в частности, «лица, принадлежащие к составу вооруженных сил государств, находящихся в состоянии войны с СССР, захваченные при военных действиях, а также граждане этих государств, интернированные на территории СССР»¹⁴.

В различных же сводках и докладах прослеживается четкое разделение этих категорий лиц. Достаточно сказать, что с 20 февраля 1945 г. в составе Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) было организовано два различных подразделения: Управление по делам военнопленных и Управление по делам интернированных и мобилизованных.

При этом важно исходить из того, что само понятие «военнопленный» претерпевало изменения и добавления, начиная с Гаагской конвенции 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны». Наиболее полное на сегодняшний день его определение содержится в статье IV Женевской конвенции 1949 г. об обращении с военнопленными (III Женевская конвенция). Представляется целесообразным ограничиться лишь наиболее емкой его формулировкой для понимания выносимых на рассмотрение проблем.

Она определяет, что «военнопленные — это лица, принадлежащие к вооруженным силам, входящие в ополчение, добровольческие отряды, участники организованного движения сопротивления, восставшее население, а также медицинский, юридический, интендантский персонал, корреспонденты и другие лица (комбатанты), оказавшиеся во власти неприятельской воюющей стороны»¹⁵.

В международных документах понятие «интернированный» применяется в основном в отношении гражданских лиц, и режим интернирования регулируется Гаагскими конвенциями 1899 г. и 1907 г., а также IV Женевской конвенцией 1949 г. «О защите гражданского населения во время войны». Права же «военнопленных» устанавливаются как теми же Гаагскими конвенциями, так и соответствующими Женевскими конвенциями об обращении с военнопленными 1929 г. и 1949 г.

Само слово «интернирование» происходит от французского «*interneg*», что означает «водворять на жительство». В международном праве под «интернированием» понимается «принудительное задержание одним воюющим государством граждан (не военнослужащих) другого воюющего государства или нейтральным государством военнослужащих воюющих сторон»¹⁶.

В случае же с военнослужащими японской армии интернирование производилось не нейтральным государством, а победившей стороной. Статья 21 Женевской конвенции 1949 г. об обращении с военнопленными предусматривает, что «державая в плену Держава может подвергнуть военнопленного интернированию»¹⁷. При этом статья 19 этой же конвенции дает предписание на то,

что «в возможно более короткий срок после их взятия в плен военнопленные эвакуируются в лагеря, расположенные достаточно далеко от зоны военных действий для того, чтобы они находились в безопасности»¹⁸.

В таком контексте, по-видимому, следует говорить об «интернированных военнопленных», что, на наш взгляд, ни в коей мере не лишает их статуса «военнопленного» и не заменяет его статусом «интернированного».

Более того, в связи с той дискуссией, которая происходит сегодня вокруг этих двух понятий, уместно напомнить и пятую статью Женевской конвенции 1949 г. об обращении с военнопленными. В ней говорится о том, что «в случае, если в отношении лиц, принявших то или иное участие в военных действиях и попавших в руки противника, возникает сомнение в их принадлежности к одной из категорий, перечисленных в статье 4, такие лица будут пользоваться покровительством настоящей конвенции до тех пор, пока их положение не будет определено компетентным судом»¹⁹.

Ситуация очевидна. Разный правовой статус подразумевает и разную правовую защиту международных конвенций, и вытекающие отсюда разные права людей, ставших, по существу, жертвами войны.

Тот же юридический казус мы наблюдаем сегодня и в связи с вопросом о сроках репатриации из СССР японских военнопленных. Этот вопрос стал предметом острых нападок на нашу страну со стороны не только Японии, но и, главным образом, союзных держав и их резких обвинений в сознательном и противоправном задержании на советской территории подданных Японии.

В свою очередь, в работах ряда российских исследователей можно встретить другую точку зрения по этой проблеме. Так, например, военный историк В. П. Галицкий делает акцент на том, что поскольку Советский Союз не признавал в то время положения Женевской конвенции 1929 г., формально его трудно упрекать в нарушении ее статьи 75, согласно которой возврат пленных предусмотрен в кратчайший срок после заключения мира между воюющими сторонами.

В этой связи российский ученый указывает на то, что поскольку между Россией и Японией до сих пор не подписан мирный договор, то с юридической точки зрения у нашей страны даже сегодня были бы все основания удерживать на своей территории японских военнопленных²⁰.

Другой историк — С. И. Кузнецов — ссылается в своих рассуждениях на совместную советско-японскую Декларацию 1956 г., провозгласившую прекращение состояния войны между нашими странами и восстановление дипломатических отношений. На этом основании он не усматривает в действиях СССР нарушение международно-правовых норм, поскольку именно после ратификации этого документа в декабре 1956 г. последний японский военнопленный вернулся на родину ²¹.

Однако, как известно, в Японии так же, как и в Германии, политическая ситуация складывалась таким образом, что после ареста членов кабинета министров в условиях отсутствия национального правительства как такового заключать мир было просто не с кем.

В этой связи Международный Комитет Красного Креста (МККК) еще 21 августа 1945 г. выступил с меморандумом в адрес СССР, США, Великобритании и Франции, призывающим великие державы с пониманием отнестись к сложившейся ситуации, поскольку в любом случае нельзя срок нахождения в плену делать неопределенным. Правительство США поддержало инициативу МККК по поводу созыва в Женеве неофициального совещания по пересмотру конвенции о защите жертв войны и предложило советскому руководству поддержать ее. Однако в наркомате иностранных дел усмотрели в инициативе МККК исключительно намерение поскорее возвратить военнопленных на родину.

Вопросы военной статистики

Постоянное разночтение в терминах «военнопленный» и «интернированный» вносит сегодня немало дополнительных сложностей и в установление точного числа бывших японских военнослужащих, вывезенных в советские лагеря, умерших и похороненных там, а также репатриированных на родину. Эта проблема до сих пор не теряет своей актуальности и является постоянным предметом дискуссий в научных, политических и журналистских кругах.

Одной из первых официальных цифр, появившихся в открытой советской печати, было итоговое донесение Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке А. М. Василевского от 1 сентября 1945 г., согласно которому «было взято в плен 573 984 солдата и офицера японской армии, в том числе 110 генералов» ²².

В сообщении же Совинформбюро от 12 сентября 1945 г. указывалось, что «нашим войскам удалось взять в плен более 594 000

японских солдат и офицеров и 148 генералов, в том числе до 20 тыс. раненых. Из этого количества непосредственно в районе боевых действий было освобождено 70 880 человек»²³.

Другой официальный источник, наиболее точно в те годы отражавший численный состав японских пленных, это — «Всемирная история», на страницах десятого тома которой сообщается о 600 тыс. военнослужащих Квантунской армии, плененных советскими войсками²⁴. Однако, принимая во внимание, что этот том вышел в 1965 г., эта цифра, базирующаяся в значительной степени на обобщенных архивных данных 60-х гг., требует в настоящее время своего уточнения.

Как известно, после начала войны с Японией при управлении тыла трех фронтов (Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных) на территории Маньчжурии было развернуто 19 фронтовых лагерей для военнопленных. Всего за время военных операций они приняли 608300 солдат и офицеров японской армии. Из этого количества к 30 октября 1945 г. на территорию Советского Союза было вывезено 219 356 человек. На этот же период в пути находилось еще 147 882 человека. На фронтах оставалось 211 182 военнопленных²⁵.

На численность в 600 тыс. взятых в плен японских военнослужащих указывает в своих статьях непосредственный участник тех событий известный военный историк генерал армии М. А. Гареев²⁶.

Военный же журналист В. Ларченков, в свою очередь, настаивает на том, что, «потеряв 84 тыс. человек убитыми и 543 990 пленными, Квантунская армия перестала существовать. Это, если можно так выразиться, ходовые цифры, которые кочуют из публикации в публикацию, как в нашей, так и зарубежной прессе. Как видно, они приблизительны. Но есть и другие, более подробные данные»²⁷.

Однако известный публицист и один из первых исследователей этой проблемы В. Цветов обладал иной информацией. «По моим данным, — писал он, — которые расходятся с цифрами американских источников, находившихся в плену, было ни мало ни много шестьсот шестьдесят тысяч. Из них примерно тысяч шестьдесят погибло»²⁸.

Подробный анализ этой проблемы проводит в своих исследованиях В. П. Галицкий. Со ссылкой на архивы Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) он утверждает, что за время войны с Японией с 9 августа по 2 сен-

тября 1945 г. в качестве военнопленных были взяты на учет 639 635 японских солдат, офицеров и генералов и вольнонаемных. Из этого числа до декабря 1945 г. непосредственно на фронтах были освобождены 65 245 человек, 12 318 — переданы правительству Монголии. Умерли во фронтовых лагерях и на армейских приемных пунктах (в основном от ран, контузий и болезней) 15 986 человек.

В итоге, следуя этим данным, он заявляет, что на территории СССР оказалось 546 086 военнопленных, в том числе 170 генералов во главе с командующим армией Ямада Отодзо и 26 345 офицеров. Уже к марту 1949 г. на родину возвратилось 418 152 человека. 62 068 японцев не вернулись из плена к родным очагам. Но это вместе с 15 986 умершими во фронтовых лагерях и на приемных пунктах. На территории же нашей страны прервалась жизнь 46 082 человек»²⁹.

В другой же своей статье тот же исследователь в результате сравнительного анализа официальных данных, направленных в различные инстанции в разное время, приходит к несколько иному выводу. Он заявляет, что «советскими войсками во время кампании на Дальнем Востоке было захвачено в плен 640 105 солдат и офицеров японской армии, из них 577 194 человека репатриировано на родину, 62 096 — умерло в плену по разным причинам»³⁰.

Из сопоставления этих и других сведений, почерпнутых главным образом из докладов руководства МВД в соответствующие советские организации, можно сделать вывод о том, что приводимая в них информация об общем количестве захваченных советскими войсками в плен японских солдат и офицеров в большинстве случаев отличается существенными неточностями и явными, возможно, порой сознательно допущенными ошибками.

К примеру, из разных источников, датированных одним и тем же числом, в частности 1 января 1949 г., можно выявить довольно противоречащие между собой данные. Согласно одному архивному документу, число пленных японских солдат и офицеров в общей сложности составило 590 830 человек, из которых 499 554 было репатриировано, 52 165 умерло в плену, 91 276 оставалось на территории СССР.

В другом донесении эти цифры скорректированы соответственно: 639 776 взятых в плен, из числа которых 418 179 вернулись на родину, 64 888 освобождено на фронтах, 58 942 умерло, 95 461 продолжали находиться в плену. Третья же информация указывает на меньшую цифру японцев, находившихся на тот момент на территории СССР, которая составила 91 612 человек³¹.

В методологическом плане определенную корректировку в уточнение количества пленных японцев могла бы дать статистика умерших в плену и репатриированных. Однако ни смертность в плену, ни репатриация, так же как и регистрация военнопленных, не всегда были достоверно документированы советской стороной.

Кроме того, советские источники в большей части упоминают лишь такую (хотя и основную) категорию узников советских лагерей, как военнопленные. Однако известно, что в лагерях военнопленных содержалось и значительное число гражданских лиц, в том числе бывшие сотрудники японских военных миссий в Харбине, Хайларе, Цицикаре и др., представители японских фирм и компаний, члены их семей, интернированные с Сахалина, Курильских островов и т.д.

Так, например, в лагере военнопленных на станции Хохотуй Восточно-Сибирской железной дороги практически весь контингент японского лагеря состоял из персонала Южно-Маньчжурской железной дороги. Более того, в плену оказались не только военнослужащие Квантунской армии, но и китайцы, маньчжуры, корейцы, монголы и другие национальности (среди них было несколько человек — выходцы из СССР). Однако в большинстве документов все эти люди значатся как японские военнопленные.

В частности, в одном из докладов Управления Совета Министров СССР по делам репатриации в МИД СССР от 25 августа 1950 г. даются сведения о том, что с декабря 1946 г. по 25 августа 1950 г. органами репатриации действительно отправлено в Японию 1 017 095 японцев. Но дальнейшее пояснение раскрывает, что в их состав входили 510 409 военнопленных, 7011 интернированных и 499 675 гражданских лиц с разбивкой по годам ³².

Ряд российских исследователей этой проблемы называют совершенно иные цифры, относя все категории лиц японской национальности, попавших в советские лагеря, исключительно к числу военнопленных. Свидетельством тому может служить вышедшая в 2001 г. в Японии книга «Кто убил принца Коноэ».

Ее автором является журналист В. А. Архангельский, демонстрирующий большое доверие американской статистике. Им приводятся данные о японских пленных, далеко превосходящие миллион человек и превышающие в таком случае даже численность военнослужащих всей Квантунской армии. В такой же пропорции в его интерпретации возросли и людские потери с японской стороны. Эти цифры, как и вся книга в целом, вызвали немало возражений и вопросов у российских и японских историков.

Еще до выхода в свет этого издания в ноябре 1993 г. с похожими заявлениями выступил в гонконгском еженедельнике «Фар Истерн экономик ревью» в то время майор российской армии В.В. Карпов.

Он нашел существенные расхождения между данными МВД и Министерства обороны относительно общего числа японских узников советских лагерей: соответственно — 576 тыс. и 510 тыс. человек — и высказал мнение о том, что данные военного ведомства выглядят более надежными и правдивыми, поскольку они составлены на основе оперативных сводок по репатриации.

По словам В. В. Карпова, цифра погибших в советских лагерях военнопленных занижена вдвое в сравнении с реальными потерями и достигает 113 тыс. В своем интервью гонконгскому еженедельнику Карпов рассказал, что цифра «погибших в лагерях японцев в лагерных отчетах и сводках систематически занижалась. И в послесталинское время манипуляция продолжалась в угоду советским дипломатическим нуждам. Между тем, реальная картина была иной, и если опираться в подсчетах не на фальсифицированные данные Министерства внутренних дел и НКВД-КГБ и Министерства обороны, а на военные документы, то сразу же все встает на свои места».

На этом основании В. В. Карпов предлагает свои расчеты: «По цифрам Министерства обороны в 1945–1956 гг. погибло 113 тыс. японских военнопленных, из которых более 20 тыс. — только за одну зиму 1945-1946 гг.»³³

Примерно схожий порядок цифр называют и американские источники. Объяснение таких расхождений следует в первую очередь искать в сознательной фальсификации со стороны американских оккупационных властей реальных цифр и реальных фактов в условиях «холодной войны», а также и в других причинах.

В частности, в сводках штаба оккупационных войск за СССР числились часто не только японские пленные, перемещенные на территорию собственно СССР, а также так называемых «районов, находившихся под советским контролем», под которыми в первую очередь имелись в виду Китай, Монголия и Северная Корея. Кроме того, можно допустить, что большая путаница в цифрах в американских сводках могла быть вызвана смешением численности военнопленных и гражданских лиц японской национальности.

В самой же Японии сегодня придерживаются иной точки зрения. Так, весьма компетентный в этом вопросе японский исто-

рик, почетный профессор Токийского университета Вада Харуки называет цифру узников советских лагерей в 600 тыс. человек³⁴. Примерно эта же цифра фигурирует в статьях президента Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных Сайто Рокуро. Аналогичное количество японских военнопленных упомянула в своем выступлении в Московском университете 5 мая 1988 г. Дои Такако — крупный политический деятель Японии, председатель нижней палаты парламента Японии, возглавлявшая в тот период Социалистическую партию Японии³⁵.

Однако еще не поставлена последняя точка в этом трудном вопросе, как, впрочем, и во многих других проблемах так называемого «сибирского плена», главной из которых, конечно же, является мотивации этого политического решения советского руководства.

Глава II

СОВЕТСКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА И ЕЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

1. Союзнические обязательства СССР в рамках антияпонской коалиции и его политические планы в отношении Японии

Анализ всего комплекса проблем, связанных с пребыванием японских военнопленных в СССР, невозможен без правильного понимания причин и характера действий СССР, союзников по антигитлеровской коалиции, начиная с 1941 г., когда Япония в последний момент отказалась от военных действий против Советского Союза благодаря срыву немецкого плана «молниеносной» войны.

Вопрос о возможной войне СССР с Японией прозвучал еще задолго до августа 1945 г. 8 декабря 1941 г., уже на следующий день после нападения японского флота на американскую военноморскую базу Пёрл-Харбор, президент США Ф. Рузвельт высказал советскому правительству пожелание об участии СССР в войне против Японии.

Однако И. В. Сталин в весьма дипломатичной форме ответил на это отказом, аргументируя это тем, что принятие этого предложения в тот период было чревато обострением советско-японских отношений и большой вероятностью начала советско-японской войны. В этом случае СССР был бы поставлен перед необходимостью вести борьбу сразу на двух направлениях — против Германии и Японии одновременно.

Лишь после победы советских войск в Сталинградской битве вопрос об участии Советского Союза в войне против Японии стал рассматриваться в практической плоскости. На Тегеранской конференции 1943 г. в ответ на просьбы союзников И. В. Сталин открыто заявил о готовности СССР вступить в военные действия против Японии.

Существует мнение, что, побуждая советское руководство к принятию этого непростого решения, союзники уже в Тегеране, по существу, ставили в зависимость от решения вопроса о советском вступлении в войну с Японией открытие второго фронта в Европе. Тем не менее, на пленарном заседании 28 ноября 1943 г. во время обсуждения хода военных действий на Тихом океане И. В. Сталин обратил внимание присутствовавших на то, что для проведения успешных наступательных операций против японских войск Советский Союз должен увеличить свои силы на Дальнем Востоке по крайней мере в 3 раза, что стало бы возможным после капитуляции Германии. «Тогда — общим фронтом против Японии!» — заключил он широко известную теперь фразу³⁶.

Спустя два года, 11 февраля 1945 г., в ходе Крымской конференции высшие руководители США, Великобритании и СССР в преддверии победы над Германией закрепили эти договоренности в секретном соглашении. Согласно этому документу, Советский Союз брал на себя обязательство присоединиться к союзникам в войне на Тихом океане через два-три месяца после капитуляции Германии.

При этом закреплялось обещание союзников на возвращение Советскому Союзу Курильских островов, южной части острова Сахалин и прилегающих к нему островов Курильской гряды, а также сохранения существующего статуса Монгольской Народной Республики, аренды Порт-Артура и интернационализации порта Дайрен, эксплуатации совместно с Китаем Восточно-Китайской и Южно-Маньчжурской железных дорог³⁷.

Окончательно же основные принципы политики союзников в отношении будущего Японии были сформулированы в Потсдамской декларации, подписанной 26 июля 1945 г. США, Англией и Китаем, но без участия СССР. 8 августа 1945 г. к декларации официально присоединился и Советский Союз, что явилось официальным основанием для начала войны с Японией.

В Потсдамской декларации говорилось о том, что «навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, кто обманули и ввели в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний».

Подтверждалось требование обязательного выполнения условий Каирской декларации от 26 ноября 1943 г. об ограничении японского суверенитета над островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и Сикоку.

Союзники провозглашали решимость подвергнуть строгому наказанию военных преступников и потребовать от японского правительства устранения всех препятствий к возрождению и укреплению демократических тенденций в японском обществе. Они обещали также, что «будут установлены свобода слова, религии и мышления, а также уважение к основным человеческим правам».

В декларации отмечалось, что для достижения указанных целей территория Японии будет оккупирована, но «оккупационные войска союзников будут отведены из Японии, как только будут достигнуты эти цели и как только будет учреждено мирно настроенное и ответственное правительство в соответствии со свободно выраженной волей японского народа»³⁸.

При этом следует обратить особое внимание на девятую статью Потсдамской декларации, которая предписывала, что японским вооруженным силам после того, как они будут разоружены, будет разрешено вернуться к своим очагам с возможностью вести мирную и трудовую жизнь.

В наши дни уже не вызывает сомнений, что участие СССР в войне с Японией отвечало интересам стран-союзниц по антигитлеровской коалиции. Руководители США и Великобритании и, в первую очередь, военное командование этих стран были единодушны во мнении, что объединение военных усилий этих стран с СССР в борьбе с Японией весьма перспективно с военно-стратегической точки зрения. Оно в значительной степени ускоряло завершение войны в целом, сохранив при этом жизни сотен тысяч, а может быть, и миллионов американских и английских солдат и офицеров.

Вовлекая СССР в войну с Японией, западные страны решали и более глобальные для себя стратегические задачи. С большой вероятностью можно утверждать, что Япония представляла в те годы прямую угрозу политическим и экономическим интересам США и Великобритании в Китае, а также в их многочисленных признанных и непризнанных колониях и сферах влияния в азиатском регионе. Для ликвидации этой опасности в условиях сложившейся расстановки сил в мире было вполне логичным использовать огромный международно-политический и военный потенциал СССР.

Советско-японское столкновение решало и другую не менее важную для наших партнеров по коалиции проблему — ослабить

ненавистный им советский режим и предотвратить таким образом начавшуюся «большевизацию» мира.

Одним словом, сегодня можно с большой определенностью заявлять, что вопрос о потенциальной войне СССР и Японии занимал одно из центральных мест в дипломатии и международных отношениях ведущих мировых держав кануна и периода Второй мировой войны.

И наконец, следует признать, что скорейшее завершение Второй мировой войны в полной мере соответствовало и национальным интересам СССР. Они определялись также всем комплексом союзнических отношений между СССР, США и Великобританией, охватывающем не только проблему войны на Дальнем Востоке, но и ход и исход Второй мировой войны, а также послевоенное устройство мира.

Дальневосточная кампания была для И. В. Сталина не только реваншем за поражение царской России в войне 1904–1905 гг. (хотя такой момент, бесспорно, присутствует), преследующим своей целью удовлетворение территориальных притязаний к Японии. В более глобальном ключе она определялась стремлением не остаться в стороне от формирования послевоенного порядка на Дальнем Востоке и продолжением политики насаждения сталинской модели социализма в Азиатском регионе.

Сегодня, опираясь на сравнительно недавно рассекреченные архивные материалы, можно предположить, что помимо официальных ялтинских договоренностей в секретные стратегические планы советского руководства входили новые территориальные приобретения на Дальнем Востоке. Речь идет о том, что в случае успешных боевых операций советских войск в Маньчжурии и Корее Верховное командование готовилось расширить цели своей военной операции до оккупации всего острова Хоккайдо. И такой взгляд на события тех лет рождает новые научные гипотезы по поводу причин так называемого «сибирского плена».

2. Борьба СССР и США вокруг условий оккупации Японии и ее последствия для судеб японских военнопленных

Документы, недавно ставшие доступными для исследования, дают серьезные основания предполагать, что И. В. Сталин рассматривал высадку советских войск на острове Хоккайдо, где

располагался штаб 5-го фронта Квантунской армии, отвечавшего за оборону Южного Сахалина, Курильских островов и Хоккайдо, как акцию, имевшую не только военное значение, но и далеко идущие геополитические последствия.

В частности, некоторые японские исследователи указывают на якобы имевшийся тайный план — после оккупации советскими войсками Хоккайдо придать этой территории статус социалистической республики и назначить на пост ее руководителя своего выдвиженца из числа высокопоставленных японских военнопленных, проявивших особую лояльность к нашей стране.

Исходя из этого, есть основания для рассмотрения версии о том, что, не получив одобрения союзников на оккупацию Хоккайдо, И. В. Сталин сознательно пошел на нарушение девятой статьи Потсдамской декларации. В противовес обязательствам стран-союзниц вернуть японцев на родину после полного разоружения Квантунской армии советский лидер дал приказ об отправке их на принудительные работы в СССР.

Таким образом, с советской стороны этот политический шаг можно рассматривать как своеобразную форму репараций в ответ на отказ США на просьбу Сталина о советской оккупации острова Хоккайдо. Однако за отсутствием соответствующих документальных доказательств эта версия пока еще остается на уровне гипотезы.

Президент Ф. Рузвельт откровенно заявил И. В. Сталину в Ялте о том, что он не хочет высаживать войска в Японии и пойдет на такой шаг только в случае крайней необходимости. «На островах у японцев имеется 4-миллионная армия, и высадка будет сопряжена с большими потерями. Однако, если подвергнуть Японию сильной атомной бомбардировке, то можно надеяться, что все будет разрушено, и таким образом можно будет спасти много жизней, не высаживаясь на острова», — разъяснил он ³⁹.

США не скрывали своей большой заинтересованности в том, чтобы проведение крупномасштабных наземных операций против японских войск, в первую очередь в Маньчжурии, было возложено на Вооруженные силы СССР. При этом союзники хорошо понимали, что выполнение столь масштабных задач требовало от СССР больших усилий, сопряженных с новыми человеческими и материальными потерями. И это заставляло их тогда с уважением относиться к тем политическим условиям, которые выдвигал им СССР.

Еще 19 июля 1943 г. временный поверенный в делах СССР в США А. А. Громыко сообщал в Москву, что ближайший помощник и советник Рузвельта Г. Гопкинс был уверен, что при личной встрече Рузвельт может удивить Сталина тем, насколько далеко американцы готовы были пойти в признании наших прав, в частности по территориальному вопросу ⁴⁰.

О том, что привлечение СССР к разгрому Японии являлось для США вопросом решенным, убедительно свидетельствуют ранее неизвестные американские планы оккупационного режима для японской территории. По этим планам советские войска должны были занять обширные территории японской метрополии, включавшей северный остров Хоккайдо и весь северо-восток основного острова Хонсю. Считалось, что расчленение Японии на зоны значительно ослабит для Вашингтона бремя организации оккупационного режима и позволит США резко сократить численность предназначенных для этого американских войск.

Однако к моменту реализации этих планов отношения между СССР и США уже дали серьезную трещину. Смерть Ф. Рузвельта, с которым у И. В. Сталина за годы войны сложились довольно стабильные отношения честного партнерства, привели к кардинальным изменениям американской стратегии в отношении СССР.

Как известно, между И. В. Сталиным и президентом США Г. Трумэном велась переписка по деталям капитуляции и пленения Квантунской армии. 15 августа Советскому Союзу был предложен подготовленный американцами «Общий приказ № 1», согласно которому старшие командующие и все наземные, морские, авиационные и вспомогательные силы, находящиеся в пределах Маньчжурии, Кореи севернее 38 градусов северной широты и на Карафуто (Сахалин), должны сдаться Главнокомандующему советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке.

И. В. Сталин одобрил его в основе, но предложил внести в текст документа две существенные поправки:

«1. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам все Курильские острова, которые, согласно решению трех держав в Крыму, должны перейти во владение Советского Союза.

2. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, примыкающую на севере к проливу Лаперуза, находящемуся между Карафуто (Сахалин) и Хоккайдо. Демаркационную линию между северной и южной половинами острова Хоккайдо провести по линии,

идушей от города Кусиро на восточном берегу острова до города Румои на западном берегу острова, с включением указанных городов в северную половину острова»⁴¹.

Ставя вопрос об оккупации северной части острова Хоккайдо, И. В. Сталин убеждал Г. Трумэна в том, что это предложение имело бы особое значение для русского общественного мнения. «Как известно, — писал Сталин, — японцы в 1919-1921 гг. держали под оккупацией весь Советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории»⁴².

Мысль о том, чтобы отстранить СССР от послевоенного урегулирования в Восточной Азии перевесила в конечном итоге все остальные аргументы в стратегии Г. Трумэна. Его жесткий и однозначный ответ на обращение Сталина по поводу оккупации Хоккайдо сводился к тому, что генерал Д. Макартур будет использовать символические союзные вооруженные силы, которые, конечно, будут включать и советские вооруженные силы, для временной оккупации такой части собственно Японии, какую он сочтет необходимым оккупировать.

В тот же день, 16 августа 1945 г., Г. Трумэн подписал директиву SWNCC 70/5, которая решила послевоенную судьбу Японии: раздела на оккупационные зоны по «германской формуле» не будет, страна целиком станет контролироваться американскими войсками. Тем самым президент США упразднял документ JWPC 385/1, подготовленный объединенным комитетом военных планов министерства обороны.

В нем предусматривалось расчленение Японии на пять оккупационных зон союзных держав-победительниц. Хоккайдо и северо-восточные районы Хонсю предполагалось передать под контроль СССР. На четыре сектора предполагалось разделить и Токио — американский, советский, китайский и английский⁴³.

В мемуарах Д. Макарура так комментируются эти события: «Русские стали сразу же проявлять беспокойство. Они требовали, чтобы их войска могли оккупировать Хоккайдо... и таким образом расколоть Японию на две части. Другим требованием было, чтобы их войска не только не находились под контролем Верховного главнокомандующего (Макартура. — Е. К.), но и были совершенно независимы от его власти. Я решительно отказался»⁴⁴.

Вышеизложенные события стали началом многолетней советско-японской конфронтации в связи с послевоенным устройством Японии и, в определенной степени, определили судьбу японских военнопленных, ставших последними пленниками Второй мировой войны.

В пользу этой версии говорит кардинальная смена политического решения советского руководства относительно дальнейшей судьбы взятых в плен бывших военнослужащих Квантунской армии. Именно утром 16 августа, когда об отказе Г. Трумэна о разделе Японии по «германской формуле» еще не знали в СССР и по-прежнему готовились к оккупации Хоккайдо, рассчитывая при этом на соблюдение предварительных договоренностей со стороны союзников, в адрес маршала А. М. Василевского поступил приказ, подписанный Л. П. Берия, Н. А. Булганиным и А. И. Антоновым.

В этом приказе было четко определено, что военнопленные японо-маньчжурской армии на территорию СССР вывозиться не будут, что полностью соответствовало духу Потсдамской декларации. В шифровке на имя А. М. Василевского, в частности, говорится: «Военнопленные японо-маньчжурской армии на территорию СССР вывозиться не будут. Лагерь военнопленных необходимо организовать по возможности в местах разоружения японских войск. Лагерь организовать распоряжениями командующих фронтами, выделив для их охраны и конвоирования военнопленных необходимое количество войск. Питание военнопленных производить применительно нормам, существующим в японской армии, находящейся в Маньчжурии, за счет местных ресурсов. Для организации и руководства вопросами, связанными с содержанием военнопленных в лагерях, от НКВД СССР командирован начальник Главного управления НКВД по делам военнопленных генерал-лейтенант Кривенко с группой офицеров»⁴⁵.

Не успело это распоряжение вступить в силу, как 23 августа ГКО во главе со Сталиным принимает Постановление за № 9898 под грифом «совершенно секретно» «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии». В нем говорилось о направлении 520 тыс. японских военнопленных на принудительные работы в Советский Союз. При этом четко определялось их распределение по хозяйственным объектам страны и устанавливались меры по организации их работы и жизнедеятельности.

Для выполнения этого постановления Главным управлением по делам военнопленных НКВД СССР в короткие сроки были проведены организационные мероприятия по приему военнопленных, формированию батальонов и отправке их в СССР. При управлениях тылом Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов были организованы отделы НКВД по работе с военнопленными. На Забайкальский фронт в срочном порядке и в полном составе перебросили отдел НКВД 1-го Прибалтийского фронта, на 1-й Дальневосточный — с Карельского фронта и т. д.

Документ был подписан председателем ГКО И. Сталиным. Таким образом, в течение недельного срока с 16 по 23 августа советское руководство выработало совершенно иной политический курс в определении судеб пленных японских солдат и офицеров, пойдя на сознательное нарушение недавно изданного приказа и своих союзнических обязательств, вытекающих из Потсдамской декларации.

По всей видимости, это была неделя еще не совсем утраченных надежд на возможные переговоры с союзниками с целью корректировки политической линии США, отвечающей интересам СССР, очередная и последняя своего рода умышленно взятая пауза с расчетом на изменение ситуации на театре военных действий в пользу СССР.

И. В. Сталин, по всей видимости, выжидал компромисса в своем диалоге с Г. Трумэном. И лишь, по-видимому, полностью убедившись в неизменности позиции США и полной бесперспективности для СССР настаивать на оккупации острова Хоккайдо, 22 августа он отдает приказ о приостановке подготовки к высадке десанта на территорию Японии. Вслед за этим 23 августа, как бы решившись на реванш за огромное политическое поражение, которое в значительной мере нарушало его планы послевоенного устройства Японии, Государственный комитет обороны принимает решение об отправке японских военнопленных в СССР и их использовании на хозяйственных объектах нашей страны.

3. Мотивация политического решения советского руководства об отправке на принудительные работы в СССР японских военнопленных

Анализируя причины, побудившие СССР, вопреки союзническим договоренностям, приступить к массовой переброске солдат

и офицеров разоруженной Квантунской армии на трудовой фронт в СССР, трудно настаивать на правомерности лишь военно-политической версии в данном вопросе. По всей очевидности, оно было продиктовано целым комплексом причин, в том числе экономического, идеологического и иного характера.

Начнем с того, что массовая сдача в плен японских военнопленных создавала большие трудности советским военным органам в Маньчжурии. Пленные подразделения Квантунской армии направлялись в созданные советскими военными властями сборные и приемные пункты, фильтрационные пункты, фронтовые лагеря военнопленных. Больные и раненые были помещены во фронтовые госпитали. В этих учреждениях военнопленных допрашивали, заводили на них соответствующие документы — личное дело и карточку военнопленного. Во фронтовых лагерях формировались этапы военнопленных для их последующей отправки на родину.

Бывший командующий войсками 1-го Дальневосточного фронта маршал К. А. Мерецков писал в своих воспоминаниях о том, что в целом проблема военнопленных оказалась весьма сложной: «Всю эту массу людей нужно было обеспечить продовольствием (своего им хватило ненадолго), квалифицированным медицинским обслуживанием, обмундированием, решить вопросы об их временном размещении и многое другое. По наиболее крупным и важным вопросам мы получали указания, а все остальные вынуждены были решать на месте, причем незамедлительно»⁴⁷.

Участник событий тех лет генерал армии М. А. Гареев в частной беседе отмечал, что у советских военных властей не существовало тогда иного выбора для сохранения жизней взятых в плен японских солдат и офицеров, как отправить в СССР. Об организации быстрой переброски более чем 600-тысячной разоруженной группировки противника на родину не могло идти и речи из-за отсутствия у советского военного руководства на местах транспортных и других возможностей.

В то же самое время, по его словам, длительное пребывание в Маньчжурии японских военнопленных не могло быть обеспечено ни с точки зрения материально-технического снабжения, ни с точки зрения медико-санитарного обслуживания, а также охраны в условиях усиливающихся антияпонских выступлений со стороны китайского населения.

И в этих обстоятельствах отправка плененных японцев на территорию СССР, возможно, было единственной из остававшихся

возможностей спасти жизнь значительной части разоруженных японских солдат и офицеров.

До сих пор в Японии говорят о том, что просьба об отправке японских солдат и офицеров на территорию СССР исходила якобы от руководства Квантунской армии и была изложена во время переговоров с представителями советского военного командования по условиям прекращения огня в местечке Жариково Приморского края 19 августа 1945 г. Однако документально подтвердить эту версию пока не представилось возможности.

Тем не менее, о возможности такого обращения свидетельствует найденный японскими исследователями в Центральном архиве Министерства обороны РФ в 1993 г. важный исторический документ — текст письма Ставки Верховного командования Японии в адрес маршала А. М. Василевского, датированный 21 августа 1945 г. Среди прочих японских инициатив, упомянутых в письме, содержалось предложение использовать японских военнопленных в качестве бесплатной рабочей силы вплоть до лишения их японской национальности, если это будет продиктовано интересами советского руководства ⁴⁸.

Вышеизложенная версия исторических событий вовсе не означает, что у СССР не было иных причин и целей в использовании труда японских военнопленных. Одним из определяющих факторов в этом вопросе являлось разрушенное войной народное хозяйство СССР, понесшего огромные человеческие жертвы в результате войны и крайне нуждавшегося в рабочей силе. И эта прибавка хотя и не решала полностью проблему, но все же сыграла определенную роль в компенсации материальных потерь, понесенных в войне.

Для понимания тактики советского руководства и его подходов к этой проблеме целесообразно, на наш взгляд, привести выдержку из служебной записки заместителя министра иностранных дел Я. А. Малика на имя В. М. Молотова от 15 сентября 1946 г. В ней, в частности, говорится: «...С точки зрения народно-хозяйственных интересов Советского Союза является желательным, чтобы период использования труда японских военнопленных в СССР был продлен как можно дольше.

С другой стороны, исходя из международно-политических соображений, особенно в свете предстоящих переговоров с союзниками по вопросам мирного договора с Японией, для нас было бы выгодно начать частичную репатриацию из СССР японских военнопленных и гражданских лиц уже сейчас. Причем, репатри-

ацию японских военнопленных производить пока в таких размерах, которые не могут помешать существенным образом выполнению наших народно-хозяйственных планов...»⁴⁹

Таким образом, трудовое использование и репатриация представляли собой два взаимосвязанных элемента политики СССР в отношении японских военнопленных.

Думается, не меньшее основание имеет и предположение о том, что И. В. Сталин в своем решении руководствовался стремлением нанести решительный удар по вооруженным силам Японии с целью окончательно ликвидировать на долгие годы возможность возрождения боевой мощи страны и новой военной угрозы в адрес СССР. Об этом свидетельствует, в частности, недавно опубликованный в японском журнале «Тюокорон» отрывок из беседы Сталина с сыном Чан Кайши, состоявшейся в конце 1945 г.

Судя по японскому источнику, в 1945 г., готовясь к войне с Японией, Сталин в значительной мере переоценил военную силу Японии и поэтому опасался возможности того, что после поражения Япония вновь могла стать противником СССР. «Сталин тогда сказал, что проблемой является то, что Америка, оккупируя Японию, не берет в плен японскую армию. Это — тот же принцип, что был использован в отношении Германии после Первой мировой войны». И далее он продолжил: «Конечно это (возрождение вооруженных сил) возможно. Население страны большое, у японцев силен дух мести. Япония попытается вновь встать на ноги. Чтобы предотвратить это, надо взять в плен от 500 тыс. до 600 тыс. офицеров и примерно 12 тыс. представителей командного состава. Американцы не имеют опыта находиться под японской оккупацией»⁵⁰.

Не без основания можно предположить, что решение о переброске японских пленных на работы в СССР диктовалось не в меньшей степени и идеологическими причинами. Прежде всего, как убеждают нас многие исторические факты, преследовалась цель перевоспитания японцев в духе марксистско-ленинской идеологии и создания таким путем после их возвращения на родину нашей мощной «пятой колонны» для продвижения интересов «мирового коммунизма».

При этом трудно не согласиться с широко распространенным суждением о том, что в международной практике военнопленные всегда являлись политическим рычагом давления на противо-

борствующую сторону при решении вопросов о перемирии и мирном договоре, а также других дипломатических переговорах.

СССР, естественно, с самого начала также не исключал из своей тактики этот сильный дипломатический аргумент, который И. В. Сталин имел в виду использовать в случае будущих переговоров с Японией о заключении мирного договора между нашими странами. Японские военнопленные таким образом объективно стали заложниками советско-японских отношений и одновременно последними пленниками Второй мировой войны.

Все эти факторы в значительной степени определяли подходы советского руководства к вопросам содержания, трудового использования и репатриации японских военнопленных.

ГЛАВА III

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СССР ПО ВОПРОСАМ СОДЕРЖАНИЯ, ТРУДОВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И РЕПАТРИАЦИИ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

1. Положение японских военнопленных в советских лагерях

Первый лагерь для иностранных военнопленных, причем именно для японцев, появился на территории СССР еще в 1939 г. в ходе боев на р. Халхин-Гол. Лагерь был рассчитан на несколько тысяч человек и размещался в г. Нижнеудинске Иркутской области. Однако общее количество солдат и офицеров, находившихся в советском плену, было ничтожно мало по сравнению с планируемыми НКВД и немногим превышало 100 человек. Поэтому они вскоре были переведены в отдельный корпус Читинской тюрьмы, так как содержать лагерь оказалось нецелесообразным.

О зарождении системы лагерей можно говорить в связи с созданием в 1939 г. в Народном комиссариате внутренних дел СССР нового подразделения — Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ), впоследствии переименованного в Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ). Эта организация стала выполнять все функции по содержанию, медицинскому обслуживанию, трудовому использованию, проведению идеологической работы среди военнопленных и даже вести оперативно-разведывательную деятельность.

Одновременно с этим за подписью народного комиссара внутренних дел Л. П. Берия был издан приказ № 00931, который определял порядок оформления арестов военнопленных. Хотя делалось это в преддверии ввода советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию, приказ сыграл роковую роль и в судьбе солдат и офицеров Квантунской армии.

В 1945 г. лагерная система Советского Союза пополнилась многотысячным японским контингентом, присланным из Маньчжурии, Сахалина и Курильских островов. По данным учетных подразделений ГУПВИ НКВД СССР, на 31 октября 1945 г. за время операций было принято от 1-го Дальневосточного фронта — 281 253 человек, от 2-го Дальневосточного фронта — 115 416 человек, от Забайкальского фронта — 211 691 человек. Всего — 608 360 солдат и офицеров Квантунской армии (в подавляющем большинстве это — люди в возрасте от 18 до 35 лет)⁵¹. Из районов боевых действий военнопленных, как правило, эвакуировали в максимально короткие сроки.

Прием военнопленных органами НКВД СССР от военного командования осуществлялся во вторых эшелонах каждой армии на армейских приемных пунктах военнопленных (АППВ). В них проводился бесперебойный прием японских солдат и офицеров от войсковых частей и соединений, от поисковых и дивизионных пунктов сбора военнопленных, а также первичный персональный учет военнопленных (составлялись именные списки). Полное оформление персонального учета завершалось на сборных пунктах военнопленных (СПВ) и во фронтовых приемно-пересыльных лагерях (ФППЛ) — основном месте концентрации военнопленных, поступавших от частей и соединений флота, с СПВ и АППВ.

Здесь же фильтровались и отсеивались те из них, кто был заподозрен в совершении воинских преступлений, в том числе против китайцев и монголов, которых предполагалось передать соответствующим органам этих стран для последующего суда над ними. Формировались этапы военнопленных для их последующей отправки в СССР.

На каждого военнопленного заводилось учетное (личное) дело, к которому приобщался опросный лист и специальная анкета (справка). Кроме того, на каждого офицера и генерала составлялись учетные карточки в двух экземплярах (первый экземпляр направлялся в ГУПВИ НКВД СССР, а второй поступал в справочную картотеку фронтового лагеря).

Органы НКВД СССР по делам военнопленных, начиная с АППВ, занимались изъятием у военнопленных военных документов, днев-

ников и других записей, а также личных документов и вещей. Оформление изъятия закреплялось соответствующими актами.

Эти же органы отвечали за сортировку раненых, больных, за оказание им первой медицинской помощи и эвакуации их в лечебные учреждения, а также оценку санитарного и физического состояния военнопленных, поступивших на АППВ, СПВ и во ФППЛ. В их задачу в этот период входила организация и проведение противоэпидемических и санитарно-профилактических мероприятий. Органы НКВД СССР занимались организацией специальных госпиталей для военнопленных в районе СПВ и ФППЛ для тяжелооболых и раненых, не могущих по состоянию здоровья следовать в тыл страны. В их функции также входило обеспечение надлежащего режима и охраны военнопленных на АППВ, СПВ, ФППЛ и в пути следования, организация и проведение политической, разведывательной и другой работы среди военнопленных.

К январю 1946 г. перевозка военнопленных на территорию СССР в основном была закончена.

Существует мнение, что советское руководство планировало использовать японских военнопленных как дешевую рабочую силу еще до начала войны с Японией. В частности, журналист В. А. Архангельский заявляет о том, что лагеря для японских военнопленных начали создаваться еще задолго до начала вступления СССР в войну против Японии, и таким образом, отправка японских военнопленных на территорию СССР была заранее и хорошо подготовленной операцией.

Исследователь же Е. Ю. Бондаренко указывает на то, что только 8–9 августа 1945 г. на крупнейшие предприятия Хабаровского края было передано указание НКВД о необходимости скорейшей подготовки рабочих мест для военнопленных, а в управление НКВД по Хабаровскому краю поступило распоряжение о срочном развертывании системы лагерей для военнопленных японцев⁵².

Эту же ситуацию подтверждают многие архивные документы, свидетельствующие о том, что решение советского руководства на интернирование японцев сразу же выявило неготовность материальной базы для их размещения. В некоторых лагерях японские военнопленные пополнили их постоянный контингент, состоявший из граждан Германии и других стран.

Однако большая часть лагерей, предназначенных исключительно для японцев, была сооружена в срочном порядке во время военных действий с Японией и в основном после их окончания. Для этого на территории СССР были определены места их дислока-

ции, главным образом в ближайших к Маньчжурии районах Сибири и Дальнего Востока: на территории Приморского, Хабаровского, Красноярского, Алтайского краев, Читинской, Иркутской, а также Восточно-Казахской, Джамбульской областей, Бурят-Монгольской АССР и Узбекской ССР. Одновременно с этим в этих регионах стали создаваться республиканские, краевые и областные отделения по делам военнопленных и интернированных.

Судя по данным российских исследователей, для содержания военнопленных было создано 49 лагерей. По подсчетам же разведки США, в СССР в 1945–1946 гг. было развернуто 71 управление лагерей японских военнопленных, каждое из которых включало в себя многочисленные лагерные отделения⁵³. Один из самых больших лагерей — № 7 («Тайшетский» или «Тайшетлаг») в Иркутской области имел до 50 таких лагерных отделений.

Кроме того, существовали и так называемые «командировки» — небольшие группы военнопленных, работающих отдельно от основных лагерных отделений.

В частях, хозорганах и на строительных объектах в восточных областях действовали Отдельные рабочие батальоны (ОРБ) НКО, число которых на 1 января 1946 г. насчитывало 54. Численный состав каждого ОРБ определялся в 1000 — 1500 человек. ОРБ состоял из трех рот, рота — из трех взводов, взвод — из четырех отделений. Командирами указанных подразделений назначались японские военнопленные офицеры и унтер-офицеры. Они стремились поддерживать в вверенных им подразделениях порядок и дисциплину, как в японской армии, что приводило к многочисленным конфликтам между рядовым и офицерским составом военнопленных.

Состав военнопленных и дислокация лагерей иногда менялись. Это было связано, например, с необходимостью обеспечения рабочей силой форсированного строительства капитальных сооружений. Для этого организовывался новый лагерный пункт для военнопленных. Возникали и другие причины, связанные с движением военнопленных. Из-за чрезмерно высокой заболеваемости и смертности военнопленных, крайне неблагоприятных условий содержания лагеря расформировывались, а их контингент направляли в другие места содержания.

Под системой лагерей военнопленных следует понимать не только разветвленную сеть лагерных отделений и ОРБ. Система лагерей — это организация труда и распределение рабочей силы по отраслям промышленности и сельского хозяйства, механизм идеологической обработки военнопленных, формы и методы принуждения.

Одним из важнейших аспектов деятельности НКВД (МВД) являлось поддержание такого физического состояния военнопленных, которое позволяло бы эффективно использовать их труд. К этому относились: создание необходимых жилищных условий, вещевое снабжение, питание, медицинская помощь, условия работы и т. д.

Однако на практике система организации лагерей для японских военнопленных не была четко продумана и подготовлена. Лагеря создавались без учета возможностей местной экономики, обеспечения необходимых условий размещения и снабжения и т. д. Размещение японских военнопленных, которые стали прибывать в СССР в условиях поздней осени и начавшейся суровой зимы 1945 г., также вызывало большое беспокойство ответственных за это лиц. При этом более 300 тыс. из них размещалось в суровых климатических условиях Западной и Восточной Сибири.

Положение усугублялось неподготовленностью советских лагерей к принятию большого количества военнопленных и недостаточно оперативным и качественным медицинским обслуживанием и нехваткой продуктов питания. Потребность в медицинских учреждениях, госпиталях возникла буквально сразу же по прибытии первых эшелонов из Маньчжурии. Многие японцы еще не оправились от ран, полученных на фронте, другие болели в пути.

Приближалась сибирская зима, о которой японцы не имели представления. Жильем в таежных районах они обеспечивали себя сами. Оно представляло из себя палатки, в лучшем случае — землянки.

Питание японских военнопленных согласно директивным документам должно было быть организовано с учетом национальных традиций. Для них были утверждены специальные нормы суточного довольствия. По сравнению с военнопленными западных армий в продовольственное снабжение японцев включались в необходимых объемах рис, рыба, овощи по основной норме № 6, которая практически мало чем отличалась от суточной нормы довольствия тылов советской армии.

Однако в реальной жизни лагерей японские военнопленные сталкивались с проблемой нехватки питания, не всегда качественной и непривычной для их рациона пищи. Снабжающие органы зачастую несвоевременно высылали наряды для получения отдельных видов продуктов.

В лагере № 36 в Алтайском крае, например, по прибытии в него японских военнопленных больше месяца ситуация с питанием была катастрофической — они не получали ничего, кроме

400 г. крупы на человека. Многие продукты не выдавались и ничем не заменялись.

Существовали и другие объективные и субъективные трудности. Например, трудная адаптация к непривычному суровому климату, большие физические нагрузки и тяжелые условия труда, отсутствие системы охраны труда и техники безопасности. Имели место и жестокое отношение к военнопленным со стороны конвоиров и некоторой части обслуживающего персонала. В начальный период плена запрещалась переписка с родными и т. д.

В связи с этим Совет Министров СССР, НКВД СССР вынуждены были пойти на принятие ряда экстренных мер по улучшению условий содержания этой огромной массы людей. Однако на практике своевременно осуществить эти мероприятия не удалось. На это влияло и тяжелое экономическое положение в СССР в первые послевоенные годы, и неразворотливость снабженческих структур, и затрудненная доставка продуктов из-за удаленности многих лагерей, отсутствие нормальных дорог, транспортных средств, хищений и т. д.

Это обрекло японских военнопленных на жизнь в тяжелых непривычных для себя условиях Сибири и привело к массовым заболеваниям и смертности, особенно в первый год нахождения в СССР. Из всего времени плена самыми тяжелыми для японских военнопленных стали 1945–1946 гг. Это был период деятельности ГУПВИ НКВД СССР по совершенствованию лагерной машины (удешевление управленческого аппарата, улучшение бытовых условий, упорядочение системы тыловых лагерей и т. д.) с весьма жестким режимом. Именно на эти годы приходится наибольшее количество смертных случаев среди японских военнопленных, быстро росло число больных и нетрудоспособных военнопленных.

К началу 1946 г. каждый пятый военнопленный японец относился к категории «ослабленных». Быстро росло число заболевших (на 1 ноября 1945 г. — 1,7%, на 1 декабря — 2,9%, на 1 января 1946 г. — 4,5% всех военнопленных) и умерших (в декабре 1945 г. — 3385 человек, или 0,84%, в январе 1946 г. — 5168 человек, или 1,23%).

Так, в лагере № 1 на станции Мули Хабаровского края с октября 1945 г. по март 1946 г. умерло 70% от всех находившихся в нем военнопленных⁵⁴. Основными причинами смерти японских военнопленных в это время были дистрофия — 48,2%, воспаление легких — 11,9%, сыпной тиф — 8,4%⁵⁵. Свиристствовали туберкулез, дизентерия.

Конец 1946 г. принес с собой новые испытания для узников лагерей, связанные с ухудшением питания. Из-за засухи и неуро-

жая этого года ряд районов страны охватил голод, и это, в свою очередь, сразу же сказалось на снабжении лагерей продовольствием и вызвало резкое снижение уровня питания. Если раньше нормы питания варьировались в зависимости от норм выработки, то в условиях ограниченных ресурсов один за другим следуют приказы МВД СССР о прекращении надбавок на картофель и овощи, хлеб и крупу. С 1 декабря как ослабленные, так и работающие военнопленные лишались всех видов дополнительного питания, нормы которого находились теперь практически на грани физиологического минимума человека.

Проблема обострялась перебоями в снабжении, неполноценными заменами отсутствующих продуктов другими, хищениями продовольствия, с которыми лагерное начальство вынуждено было усилить борьбу. Все эти обстоятельства, естественно, не могли не отразиться на здоровье военнопленных.

В связи со сложившейся бедственной ситуацией в лагерях, а также, главным образом, вследствие сильного нажима США СССР вынужден был начать репатриацию японских военнопленных на родину.

4 октября 1946 г. выходит Постановление Совета Министров СССР о репатриации японских военнопленных и японского гражданского населения из СССР, где эта работа была возложена на Уполномоченного по репатриации при СМ СССР. На основании этого Постановления Генштабу Вооруженных сил, МИД СССР было рекомендовано приступить к координации вопросов обеспечения репатрируемых японцев продовольствием, обмундированием и так далее и одновременно с этим дать указания соответствующим военным властям в Северной Корее и на Ляодунский полуостров о подготовке и проведении репатриации японцев из этих районов⁵⁶.

11 октября 1946 г. вслед за правительственным постановлением о начале репатриации выходит приказ МВД СССР, который предусматривал передачу органам репатриации 25 тыс. здоровых военнопленных, отправлять которых предписывалось в составе существующих рабочих батальонов.

Вопреки логике событий Москва прорабатывала непривычный для своей практики сценарий репатриации. В нарушение сложившемуся в советских лагерях порядку первоочередной отправки на родину наиболее больных и ослабленных по здоровью военнопленных в данном случае эту категорию лиц в число репатрируемых включать запрещалось.

Отправка первой партии граждан Японии из Советского Союза на родину диктовалась в те дни какими-либо иными сообра-

жениями, нежели стремлением советских властей по возможности смягчить удручающую картину возвращения на родную землю инвалидов, больных, ослабленных дистрофией людей. Такой «нежелательный» контингент репатриантов из СССР мог лишь только усугубить без того страшные картины советского плена, которые рисовала в Японии местная и зарубежная пресса. Этот момент бдительно учитывался руководством МВД.

26 ноября между штабом Макартура и советским представителем в Союзном Совете для Японии в результате обмена письмами было достигнуто согласие о репатриации этой первой группы японцев с предполагаемой датой прибытия японских судов в советские порты к 7 декабря. Однако репатриация в полном объеме была отложена до официального подписания советско-американского Соглашения о репатриации японских граждан из Советского Союза и контролируемых им районов, а также корейских граждан из Японии, которое состоялось 19 декабря 1946 г.

Вскоре после этого Японии была предъявлена первая заявка на судно для репатриантов. Первый пароход с 2 555 репатриированными японцами прибыл в Японию в конце декабря 1946 г. На этом, вопреки договоренностям с бывшими союзниками, СССР, ссылаясь на тяжелые климатические условия зимы и завершения навигационного периода, приостановил репатриацию до весны следующего года.

Этот политический демарш советских властей, вероятно, не вызвал бы такой сильной озабоченности союзников, если бы не отношение Москвы к проблеме в целом. Вокруг барачников за колючей проволокой царил атмосфера повышенной секретности. Строго дозированная переписка, запрет на посещение лагерей любыми правительственными и общественными организациями, отказ от гуманитарной помощи пленным через иностранные посольства и миссии — все это отнюдь не способствовало росту доверия к СССР со стороны союзников и вызывало усиливающуюся тревогу среди населения Японии. По всей стране прокатились акции протеста против задержки репатриации соотечественников из СССР.

Тем временем советское руководство использовало взятую в репатриации паузу для принятия срочных мер по улучшению физического состояния японских военнопленных.

30 января 1947 г. министр внутренних дел С. Н. Круглов подписал целую серию приказов, директив, циркулярных писем, констатирующих высокую заболеваемость и смертность в лагерях и содержащих ряд мер по исправлению создавшегося положения, в том числе улучшению питания, санитарного обслуживания и т. д.

Были утверждены «Организационные мероприятия по физическому оздоровлению военнопленных», в соответствии с которыми на базе собственного жилого фонда НКВД организовывались оздоровительные лагеря на 100 тыс. мест. Все здоровые военнопленные переводились в производственные лагеря, организуемые на базе жилфонда хозяйственных организаций. ГУПВИ получило указание все отпущенные на строительные нужды средства полностью использовать на благоустройство и расширение собственных лагерей. В директиве, адресованной начальникам управлений лагерей и их заместителям по политчасти и оперативной работе, предупреждалось о высокой мере ответственности за выполнение указаний МВД по снижению смертности и заболеваемости вплоть до снятия с занимаемой должности или отдачи под суд.

В январе—феврале 1947 г. по заданию С. Н. Круглова в неблагополучные лагеря для военнопленных были направлены представители ГУПВИ, которыми были выявлены причины плохого физического состояния и высокой смертности его обитателей. Вслед за этим последовали конкретные меры по их устранению. 2 марта министры внутренних дел республик, начальники УНКВД краев и областей получили директиву НКВД СССР о максимальном использовании по специальности в лагерях медицинских работников из числа военнопленных. При этом в директиве были определены виды работ, к которым военнопленных медработников допускать запрещалось.

В результате этих и других мер физическое состояние военнопленных существенным образом изменилось. Снизилась заболеваемость и смертность, выросло число военнопленных 1-й и 2-й группы трудоспособности.

В сложившейся сложной обстановке в стране в 1947 г. увеличились факты хищений для военнопленных как со стороны самих военнопленных, так и со стороны административно-управленческого персонала управления лагерей. Возникла острая необходимость для усиления борьбы с хищениями. Приказом ГУПВИ МВД СССР от 27 марта 1947 г. в его структуре было создано 6-е отделение по борьбе с хищениями социалистической собственности в лагерях для военнопленных. Чрезвычайное положение в лагерях было отменено только 1 мая 1947 г.

В течение 1947 г. из лагерей МВД СССР, рабочих батальонов для интернированных и военнопленных МВД СССР согласно постановлению Совета Министров СССР было отправлено и переведено в лагеря органов репатриации 177 419 японцев.

Однако в целом положение оставалось тяжелым вплоть до конца 40-х гг. Большое количество нетрудоспособных военнопленных снижало экономическую эффективность их использования в народном хозяйстве, вынуждало постоянно уделять повышенное внимание улучшению условий содержания и их физического состояния.

О неблагоприятной обстановке в лагерях военнопленных не хуже других был осведомлен и И. В. Сталин. Но советского вождя в то время больше заботили не столько смертность и заболеваемость лагерного контингента, сколько угроза срыва производственных планов и заданий, а также малая экономическая рентабельность содержания не слишком дееспособной рабочей силы.

И, отвечая этому требованию, администрация лагерей переориентировала свой курс на репатриацию военнопленных в первую очередь из числа тяжелобольных и нетрудоспособных. В ряды репатриантов включались в первую очередь инвалиды, больные туберкулезом, хронические больные с хирургическими заболеваниями, больные дистрофией 1-й и 2-й степени, а также длительно нетрудоспособные.

Судя по архивным источникам, в течение апреля–ноября 1947 г. в Японию было отправлено 166 240 человек. Причем, в их числе были не только транспортабельные больные, но и военнопленные, размещенные в неблагоприятных лагерях, отделениях и особых рабочих батальонах МВС СССР.

Кроме указанных лиц в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 28 августа 1947 г. МВД СССР освободило и передало органам репатриации 12 500 военнопленных японских офицеров в звании не выше капитана, не занятых на работах, и гражданских чиновников ⁵⁷.

При этом с 1947 г. репатриация всех военнопленных стала производиться только через Управление по делам репатриации при Совете Министров СССР. По-видимому, И. В. Сталин и В. М. Молотов не испытывали полного доверия к органам МВД и поэтому решили несколько ограничить их prerogatives в решении проблемы, приобретавшей большой международный резонанс и находившейся в центре постоянного внимания союзников.

Введенная в 1947 г. практика советских властей по затягиванию сроков репатриации под предлогом прекращения навигации на зимний период была использована и в 1948 г. Правда, теперь ссылка шла не только на климатические условия, но и транспортные и технические возможности, якобы не позволяющие закончить работу по репатриации в короткий срок.

При этом в качестве дополнительных аргументов в свою пользу советские представители в Токио стали больше говорить о трудностях, связанных с доставкой, размещением и содержанием военнопленных в пунктах отправки, о больших затратах на медицинское, материальное и другое обслуживание репатрируемых и т. д.

Практически ситуация в эти годы складывалась таким образом, что чуть ли не единственной возможностью возвращения на родину для японских пленных становилась потеря трудоспособности, и это толкало их на путь членовредительства и сознательного истощения, что пагубно отражалось на моральном состоянии лагерного коллектива.

Стараясь противодействовать этому, работники ГУПВИ МВД СССР, начиная с середины 1947 г., предприняли ряд мер по включению в число репатрируемых отличников производства. Этот шаг вскоре возымел свой эффект. Он способствовал нормализации морального климата в лагерях, повышению производительности труда. И одновременно с этим в какой-то степени улучшил общее впечатление японцев о физическом состоянии возвращающихся в Японию репатриантов из СССР.

2. Идеологическая работа с японскими военнопленными

Кроме передовиков производства, шанс репатрироваться в первую очередь имели проявившие свою приверженность коммунистической идеологии военнопленные из так называемого «антифашистского состава». Отправка этой категории лиц на родину, как правило, проводилась по решениям ЦК ВКП (б) по персональным спискам. И дело здесь было отнюдь не в традиционном советском бюрократизме. Впрочем, стоило любому антифашисту усомниться в правильности решений лагерной администрации, как его неизбежно ждала та же самая участь, что и всех других военнопленных.

Начиная с декабря 1946 г. Министерство внутренних дел СССР издало директиву о создании в системе ГУПВИ МВД СССР политотделов при УМВД республик, краев и областей и развертывании их работы в целях обеспечения быстрой организации политической и антифашистской работы в лагерях для военнопленных. В связи с созданием политотделов в системе ГУПВИ МВД СССР всем лагерям предписывалось в срочном порядке организовывать подобные структуры на местах, укомплектовав их политработниками.

В состав политотделов лагерей входили антифашистское отделение и культурно-воспитательная часть, которые работали в тесном взаимодействии с оперативно-чекистскими отделами. Последние контролировали идеологическую обстановку в среде военнопленных и располагали подробной информацией о враждебно настроенных в отношении нашей страны, так же как и о лояльных, готовых к сотрудничеству военнопленных.

Политаппарат при лагерях японских военнопленных строил свою работу в соответствии с марксистско-ленинской идеологией, решениями советских партийных и государственных органов. При этом особо учитывались национальные особенности лагерного контингента.

Как показала практика, развертывание идеологической работы в лагерях японских военнопленных поначалу сопровождалось большими трудностями. Это было связано в первую очередь с труднопреодолимыми различиями в менталитете, обусловленными особенностями мышления японцев, их традиций и обычаев.

Большую роль играла проблема языкового барьера, усугубленная нехваткой квалифицированных переводчиков с японского, практическим отсутствием политической и художественной литературы на японском языке и т. д. Но, широко используя годами накопленный опыт работы с военнопленными других стран, лагерной администрации в большинстве случаев удавалось находить рычаги идеологического воздействия на японский лагерный контингент.

Основными формами идеологической работы являлись выявление грамотных в политическом отношении и настроенных в коммунистическом духе японцев для использования их как функционеров антифашистской работы среди контингента японских военнопленных, а также дружелюбно настроенных к Советскому Союзу военнопленных с целью подготовки их как активистов-антифашистов; выборы демократических комитетов и руководство их работой; проведение среди военнопленных лекций, бесед по вопросам политики, производства, трудового соревнования; обеспечение военнопленных информационно-пропагандистской литературой, в том числе и на японском языке, контроль за их политическим самообразованием и т. д.

Антифашистская работа среди военнопленных, как это следует из Справки об итогах работы ГУПВИ МВД СССР за 1946 г., ставила своей задачей «добиться лояльного отношения основной массы военнопленных к СССР; достичь понимания военнопленными своей ответственности за причиненные их армиями на территории

СССР разрушения и на этой основе добросовестного труда в лагерях; воспитать из числа военнопленных стойких антифашистов, способных по возвращении на родину вести борьбу за переустройство своих стран на демократических началах и выкорчевывание остатков фашизма; использовать их сотрудничество в разоблачении участников зверств и фашиствующих элементов»⁵⁸.

Одной из основных целей проведения политико-воспитательной работы среди японских военнопленных была эффективная организация их трудовой деятельности: обеспечение выполнения производственных норм, внедрение в производство новых форм и методов труда, развертывание производственного соревнования, ударничества, пропаганда успехов передовиков производства. Работая в производственных бригадах, антифашисты наравне с остальными членами бригады должны были оказывать большую помощь в повышении производительности труда и соблюдения дисциплины в бригадах. С помощью антифашистского актива лагерная администрация обеспечивала мобилизацию остальных пленных на выполнение производственных заданий.

Подъему трудового энтузиазма служила вся агитационная работа в лагерях. В первую очередь к этим мероприятиям относились митинги и собрания демократического актива военнопленных, на которых обсуждались различного рода обращения самих военнопленных по вопросу дальнейшего подъема производства вплоть до принятия конкретных предложений о замене тех или иных должностных лиц из числа японцев, которые плохо справились со своими производственными обязанностями.

Каждый день до военнопленных офицеров и солдат на собрании или совещании доводился план работы, который являлся обязательным для выполнения. Итоги работы подводились ежедневно в большинстве отделений. Вывешивались специальные стенды, на которых отражались показатели выполнения работ за день и вывешивались портреты отличников производства с указанием процента выполнения ими задания, который в некоторых случаях доходил до 150 и выше. В среде японских военнопленных процветало стахановское движение. Передовым бригадам, выполнявшим производственные задания, вручались красные флажки, переходящие знамена хозорганов и т. д. В свою очередь, отстающие подвергались критике.

Наряду с подъемом производственной активности важным условием проведения всей политико-воспитательной работы было поддержание порядка и дисциплины в лагерях. При этом основной упор делался на создание и укрепление актива из числа ло-

яльно настроенных к советскому режиму японских военнопленных, которые могли бы стать ядром в работе со всем контингентом лагерей. В этих целях политорганами, заместителями начальников лагерных управлений по политчасти тщательно изучалась документация, заведенная на военнопленных.

В этом процессе участвовали оперативно-чекистские сотрудники. Этой категории должностных лиц вменялось проведение личных бесед с пленными, выяснение их настроений, мировоззрения, выявление возможности привлечения их к демократическому активу, который, по существу, являлся центром всей жизни военнопленных. Через него передавались всевозможные просьбы, благодарности в адрес администрации лагерей. Одновременно с этим демократический актив влиял на массу инертных и даже враждебно настроенных пленных.

Настроение основной массы японских военнопленных и отношение их к политической пропаганде были нейтральными. Они, не нарушая лагерный режим, пассивно ожидали репатриации. Это не исключает того факта, что среди лагерного контингента были и те военнопленные, кто искренне разделял идеи социализма. Наиболее широкий отклик коммунистическое учение имело среди выходцев из крестьян и военнопленных в возрасте до 30 лет.

Но было немало и таких, кто шел на сотрудничество с администрацией лагерей, побуждаемый стремлением получить дополнительный паек, освобождение от тяжелого физического труда, быстрее репатриироваться и т. д.

Другая же часть японцев, в основном из офицерского состава, пыталась противодействовать лагерной администрации, сохраняя враждебное отношение к СССР в целом. Это главным образом пленные офицеры — кадровые военнопленные, воспитанные в соответствии с кодексом самурайской чести и считавшие, что в плену они должны продолжать вести скрытую войну.

Основными формами протеста являлись создание нелегальных организаций и групп, саботаж и вредительство на производстве. Эти акции выражались в порче заводского оборудования, призывах к неповиновению лагерной администрации. Имели место факты прямого отказа от работы. При этом о мощной волне саботажа и диверсий на предприятиях со стороны японских военнопленных говорить не приходится.

Японские офицеры нередко чинили произвол по отношению к младшим по чину, что нередко являлось причиной побегов последних из лагерей. Кроме этого, к побегу военнопленных толкали голод, произвол конвоя и другие причины. В основном это были

спонтанные поступки людей, доведенных до отчаяния, но также имели место случаи хорошо организованных и спланированных побегов. В большинстве случаев их участниками были японские офицеры, которые шли при этом даже на вооруженный разбой и убийства. По статистике ГУПВИ, большинство побегов было совершено в особенно тяжелом для японцев 1946 г.

Однако такие проявления нелояльного отношения к администрации и нарушения установленной дисциплины не были массовыми среди японцев. Упомянутые выше антифашистские комитеты наряду с политической работой способствовали предотвращению подобных акций протеста, а сформированная широкая агентурная сеть позволяла администрации быть в курсе дела всех событий лагерной жизни. Оперативно-чекистская служба через сеть своих агентов позволяла выявлять нарушителей и применять к ним административные меры пресечения.

Об этом свидетельствует, в частности, письмо заместителя уполномоченного Совета Министров СССР К. Д. Голубева заместителю министра внутренних дел В. В. Чернышеву об отправке первых партий японских репатриантов из Находки, датированное 11 декабря 1946 г.

В письме говорится: «...первоначальный опыт репатриации японцев позволяет нам сделать следующие выводы: наиболее реакционно настроенная часть японских офицеров и солдат в противовес нашим мероприятиям ведет враждебную нам агитацию, которая, надо полагать, находит свой отклик в среде наиболее отсталой части японских военнопленных. Отправка этой реакционной части солдат и офицеров в Японию в первую очередь не является необходимой и даже может быть направлена нам во вред.

Исходя из этого, считаю необходимым провести следующие мероприятия:

1. Отсев наиболее реакционной части солдат и офицеров производить в лагерях министерства внутренних дел и направлять их в лагеря органов репатриации в последнюю очередь. Это дает возможность проведения среди этой части солдат и офицеров более длительной воспитательной работы.

2. Наиболее демократически настроенную часть солдат и офицеров направлять в лагеря органов репатриации для отправки в Японию в первую очередь, чтобы они по возвращении на родину сыграли положительную роль в демократическом преобразовании в Японии»⁵⁹.

По мере роста демократического движения при лагерных отделениях стали создаваться школы антифашистского актива по

10–15 человек, а также группы антифашистского актива по 25–30 человек, которые проходили специальную подготовку для проведения антифашистской работы среди основной массы военнопленных. К занятиям допускались только наиболее надежные и грамотные общественные активисты, занятия проводились по программе политического отдела ГУПВИ.

При каждом лагерном отделении были оборудованы так называемые «антифашистские комнаты», которые были оформлены портретами вождей революции, руководителей компартии и советского правительства, а также японских коммунистических лидеров, лозунгами и макетами пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР на японском и русском языках.

Большой отклик среди пленных находила стенная печать, которая была организована в каждом лагерном отделении, созданы группы спецкоров, с которыми проводилась специальная работа. Стенгазеты выпускались на японском языке раз в неделю и вывешивались в общественных местах. Наряду с общеполитической тематикой в стенгазетах подробно отражалась внутренняя жизнь лагеря, производственная деятельность, назывались передовики производства и отстающие и т. д. Регулярно в лагерях проводились смотры низовой печати и литературного творчества военнопленных.

Одной из форм политической работы с военнопленными были проводимое японскими инструкторами чтение газет вслух, а также информации, беседы и дискуссии на политические темы, например: «За что борется японская компартия», «Соревнование и стахановское движение в СССР» и т. д.

С июля 1947 г. кроме газет в лагерь начала поступать политическая литература на японском языке: «История ВКП(б)» (краткий курс), биографии В. И. Ленина и И. В. Сталина. Для изучения политической литературы были организованы кружки.

Главным печатным органом МВД СССР в лагерях японских военнопленных была издаваемая на японском языке тиражом в 50 тыс. экземпляров газета «Ниппон симбун» («Японская газета»). На первых порах основное назначение этой газеты виделось ее редакторам в ознакомлении японских военнопленных с официальными инструкциями для военнопленных центральных директивных и местных органов. Однако с конца 1946 г. на страницах газеты развернулась массированная пропагандистская кампания.

В директивных документах рекомендовалось доходчиво доводить до сведения японских военнопленных причины объявления СССР войны Японии. Разъяснялось, что кроме необходимости

выполнения Советским Союзом обязательств, взятых на себя перед западными державами, основной целью было сокращение сроков войны в целом и спасение жизней тысяч японцев от неизбежной гибели.

Одновременно с этим в газете появлялись материалы, описывающие с критических позиций жизнь трудящихся в современной Японии и политику японских официальных кругов, однако основным нападкам постоянно подвергалась оккупационная политика американских властей.

Типичный набор статей и рубрик «Ниппон симбун» выглядел следующим образом: «Новый демократический курс», «Зеркало» — комментарии к передачам токийского радио, «Народ в Японии голодает» и т. д. Публиковались также повести и рассказы, стихи и статьи на бытовые темы, но имеющие четко выраженную политическую направленность.

Отношение к этой газете среди японских военнопленных было неоднозначным: некоторые не воспринимали ее из-за ярко выраженной политизированности материалов.

Наряду с организацией политической работы и в поддержку ей для японских военнопленных была развернута культурно-просветительская и спортивная работа, которая проводилась в свободное от работы время. В большинстве лагерных отделений работали театральные кружки, которые ставили пьесы советских и японских драматургов, организовывались концерты художественной самодеятельности, работали библиотеки и т. д.

Широко процветало в лагерях так называемое народное творчество. Среди японских военнопленных было много талантливых художников, скульпторов, резчиков по дереву и т. д. Большое значение придавалось кинопропаганде. В архивных документах можно найти названия фильмов, которые демонстрировались японским военнопленным. Это — «Девушка с характером», «Каменный цветок», «Сказание о земле сибирской», «Конек-горбунок» и т. д. Советские фильмы оказали на японских военнопленных большое идеологическое и культурное воздействие, так как многие японцы только в СССР впервые познакомились с этим видом искусства.

Таким образом, при проведении политико-воспитательной и агитационно-массовой работы среди японских военнопленных использовался весь арсенал традиционных форм и методов агитации и пропаганды.

Наиболее способные и проверенные активисты из числа японских военнопленных направлялись для обучения в центры идеологической подготовки в Москву — Московскую школу идеоло-

гической подготовки — и Хабаровск, где действовали Демократическая школа, Молодежная школа и Политическая школа. Структуры аналогичного профиля действовали практически во всех крупных городах, где находились военнопленные.

В них японцы слушали лекции по истории ВКП(б), принципам устройства советского государства, теории научного коммунизма и т. д. Большое место отводилось изучению Конституции СССР, работ Ленина и Сталина, биографий советских вождей. После обучения, длившегося от двух до трех месяцев, прошедшие подготовку военнопленные направлялись для работы в лагерях в качестве инструкторов.

В числе 73 756 военнопленных, обучавшихся на антифашистских курсах и в школах, было 21 137 японцев, то есть до 28% их состава. Все эти кружки и школы выполняли не только просветительские функции. Военнопленные проходили в них массированную идеологическую обработку с целью вовлечения их в компартию Японии. Особенной активностью в этом отношении отличалась организация «Кикан тосо» («Борьба за репатриацию»), действовавшая в дальневосточных регионах.

Массированное идеологическое воздействие на японских военнопленных имело свои значительные результаты. Десятки тысяч солдат и офицеров, прошедших школы и демократические клубы, впитали в себя коммунистические идеи и искренне поверили в преимущества советского строя.

Согласно негласным установкам советских директивных органов, при отправке на родину японские военнопленные писали благодарственные письма советскому правительству и лично И. В. Сталину с выражением признательности за гуманное отношение к ним в советских лагерях. Характерно, что все эти письма художественно оформлялись и подписывались всеми военнопленными.

По данным газеты «Дзидзи Симпо», среди возвратившихся в начале 1950 г. репатриантов 1899 человек отнесли себя к группировкам левого крыла, и всего 304 — к правой патриотической группе «Восходящее солнце»⁶⁰.

3. Вопросы трудового использования японских военнопленных

Принудительный труд японских военнопленных с самого начала рассматривался в СССР в качестве одной из основных форм неосуществленных репараций, что вполне соответствовало уста-

новкам советского руководства в военный период. Еще на Тегеранской конференции И. В. Сталин (не особо концентрируя внимание на этом вопросе) достаточно четко дал понять, что намерен использовать на восстановительных работах в Советском Союзе в течение нескольких лет примерно 4 млн. немцев⁶¹.

И хотя эта тема не получила своего развития в ходе дальнейших переговоров, премьер-министр Великобритании У. Черчилль и президент США Ф. Рузвельт с пониманием отнеслись к планам И. В. Сталина. Прямым следствием было то, что в дальнейшем при обсуждении проблемы репараций на конференции в Ялте требование о предоставлении победившим странам германской рабочей силы было признано вполне обоснованным.

Теоретическое обоснование идеи принудительного труда как главенствующей формы репараций побежденной Германии принадлежала советскому дипломату И. М. Майскому. Возглавляя комиссию по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу, он предложил В. М. Молотову удерживать не менее 5 млн. пленных немцев, которые «под командованием НКВД будут выполнять предписанные им задания». Преимущества использования принудительного труда, помимо прочего, мотивировались тем, что немцы, «прошедшие школу работы в СССР», будут прибывать на родину с «более здоровыми взглядами и настроениями». Этот процесс, по мнению Майского, будет протекать еще успешнее, если принять «надлежащие воспитательно-пропагандистские меры»⁶².

В. М. Молотов, как, впрочем, и некоторые другие члены правительства, не разделял столь идеологизированный подход к проблеме экономического характера. Кроме того, он считал, что таким образом незаслуженно принижаются такие формы репараций, как демонтаж германского оборудования и ежегодные товарные поставки. Тем не менее, Майский, заручившись поддержкой Сталина, сумел отстоять свою точку зрения.

На Потсдамской конференции данный вопрос больше не поднимался, и отправка военнопленных на восстановительные работы воспринималась союзниками как само собой разумеющееся, хотя США, например, отказались от использования труда немцев.

Тем не менее, уже в первых числах сентября 1945 г. министр иностранных дел В. М. Молотов в конфиденциальной беседе с госсекретарем США Дж. Бирнсом прямо задал ему вопрос о том, почему американцы отправляют японских военнопленных на родину, а не используют в качестве рабочей силы, как это делает СССР. Тем самым он озвучил недавно принятое высшим руко-

водством страны решение и дал ясно понять о его дальнейших планах. Чем они диктовались?

Японские солдаты представляли собой мобильную, фактически даровую рабочую силу. Такую рабочую силу легко было перемещать по усмотрению властей из одной отрасли хозяйства в другую, в том числе в неосвоенные районы с тяжелым климатом и отсутствием элементарных условий быта, на самые тяжелые и вредные производства.

По состоянию на декабрь 1945 г. размещение трудовых лагерей было предусмотрено в Алтайском, Красноярском краях, Иркутской, Кемеровской, Читинской областях, Казахской, Киргизской, Узбекской, Туркменской ССР, Бурят-Монгольской АССР, на строительстве БАМа. В дальнейшем вышеприведенные регионы размещения японских военнопленных на трудовых объектах были расширены.

Что касается распределения по отраслям народного хозяйства, то военнопленные японцы использовались на крупных предприятиях и стройках, подведомственных практически всем наркоматам. Большая часть этого контингента привлекалась к работам на тех объектах, где требовался малоквалифицированный ручной труд, наиболее тяжелый и трудоемкий. Японцы работали бурильщиками, кузнецами, молотобойцами, слесарями, заготовщиками дров и т. д.

Больше всего японских военнопленных было занято в лесной и горнодобывающей промышленности, в промышленном и гражданском строительстве, в промышленном производстве и сельском хозяйстве. Обычно в колхозы отправляли больных и ослабленных японцев, преследуя при этом также цель восстановления их здоровья.

При этом отраслями наиболее широкого использования труда японских военнопленных являлись дорожное строительство и угледобыча, где требовался максимум рабочих рук и минимум квалифицированных специалистов. В Сибири и на Дальнем Востоке, пожалуй, не было ни одного крупного угольного бассейна, где бы не работали японцы: Кузбассуголь, Киселевскуголь, Приморскуголь, Хабаровскуголь и т. д.

Это — наиболее трудоемкие отрасли народного хозяйства как по сложности работ, так и по условиям труда, поэтому количество умерших и погибших здесь было самым большим.

В нарушение международных конвенций, запрещающих использование труда военнопленных в отраслях оборонной промышленности, значительное число бывших японских солдат и офицеров было задействовано на предприятиях оборонного комплекса

— танкостроительных, авиационных заводах, строительстве оборонных сооружений (кроме строительства военных аэродромов) и т. д. «Положение о военнопленных» 1941 г. допускало такое применение труда военнопленных.

При распределении на работы учитывались гражданские специальности военнопленных, а в случае отсутствия таковых — вопросы их профобразования. Особое внимание НКВД уделял поиску высококвалифицированных специалистов, стремясь к максимальному использованию квалификации и специальностей военнопленных для выполняемых работ. Среди японского контингента лагерей были люди различных профессий: строители, сталевары, инженеры, работники культуры. Большинство из этих профессионально подготовленных специалистов работали с присущим японцам усердием и высокой ответственностью за выполняемую работу. Более того, труд японцев характеризовался особой тщательностью, изобретательностью, внесением элементов японской культуры в архитектуру построенных ими зданий.

Одной из основных организационных форм трудового использования японских военнопленных было направление их на работы на различные предприятия, стройки, в колхозы, с которыми управления лагерей заключало соответствующие договоры. В этих документах определялись обязанности сторон по предоставлению и использованию рабочей силы. При этом оговаривались все производственные и финансовые моменты, а также вопросы дополнительного питания и размещения, обеспечения необходимой спецодеждой, организацией труда и обогрева в холодное время года.

Особое место в системе трудового использования военнопленных занимали отдельные рабочие батальоны (ОРБ), сформированные для использования на строительных, восстановительных, ремонтных и других работах. По состоянию на 1 апреля 1948 г. в 55 ОРБ находилось 45 116 человек. Они использовались на объектах Министерства Вооруженных сил СССР в 11 республиках, краях и областях, в том числе в Приморском крае — 19, Хабаровском крае — 9 и т. д.

Важным фактором в трудовом использовании японских военнопленных явилось принципиальное отличие от других их физическое состояние. В своем подавляющем большинстве они попали в плен в результате капитуляции японских войск, не перенесли большого воздействия боевых действий, не узнали «усталости» от войны, ранений и т. д. Все это позволило большинству пленных японцев сохранить в определенной степени физические и нравственные силы, необходимые для участия в работах самого широкого спектра.

Другим важным фактором в трудовом использовании японских военнопленных явился богатый опыт в этой области, приобретенный ГУПВИ, НКВД и сотрудниками лагерных управлений, администрацией трудовых лагерей в обращении с военнопленными Германии и ее союзников. Это позволило в сокращенные сроки осуществить организационные мероприятия и приступить к решению конкретных задач по использованию японских военнопленных в различных отраслях народного хозяйства.

Правда, в дальнейшем объективно встанет вопрос о малой экономической эффективности труда военнопленных и не окупающих его расходах на их содержание. Средняя выработка военнопленных на угольных шахтах Дальнего Востока, например, составляла 30–40% от выработки кадрового рабочего, на заводах региона — от 45 до 60%, в строительных организациях — от 31 до 70%. Самая низкая производительность труда была в лесной промышленности, где на валке, корчевке, обрубке и вывозке леса она составляла 1,9–9,4%. Это было обусловлено в первую очередь низкой организацией труда, неудовлетворительной подготовкой местных организаций к приему военнопленных, невозможностью обеспечить их даже примитивными инструментами и спецодеждой.

Документальные данные о проверках трудового использования военнопленных показали, что типичным являлась «неподготовленность рабочих мест для японцев и, как следствие, скученность пленных, простой механизмов, неразбериха в распределении людей на объектах, отсутствие у рабочих инструментов и материалов, слабое техническое руководство военнопленными или его полное отсутствие»⁶³. Несколько лучше складывалось дело с использованием труда японских военнопленных на строительстве.

Изучение документов, содержащихся в фондах российских архивов, позволяет сделать вывод, что особенно в первое время лагерная система, использовавшая труд иностранных военнопленных в СССР, была убыточной.

С 1 октября 1945 г. лагеря МВД СССР для военнопленных финансировались полностью из союзного бюджета, а весь заработок военнопленных поступал в доход бюджета. К маю 1946 г. на дотации госбюджета находились 139 лагерных управлений из 252 и лишь 113 полностью себя окупали. Из финансового отчета ГУПВИ за апрель 1946 г. видно, что расходы на содержание лагерей военнопленных составили 376 млн. рублей, а валовая выработка военнопленных за этот же период не превысила и 343 млн. рублей. Таким образом, на покрытие разницы потребовались дотации из госбюджета в размере 33 млн. рублей⁶⁴.

Причем следует отметить, что содержание военнопленных из европейских стран обходилось бюджету дешевле, чем содержание японских военнопленных. Так, если на 1 сентября 1946 г. немецкие военнопленные покрывали свое содержание на 91,7%, зарабатывая в среднем в день 13 руб. 58 коп., то японские военнопленные окупали свое содержание менее чем на 70% при среднем дневном заработке всего 10 руб. 90 коп.⁶⁵ В лагерях Хабаровского края, где содержался самый крупный по численности контингент японских военнопленных — свыше 140 тыс. человек, за 1946–1949 гг. потребовалась дотация из бюджета на их содержание в сумме 643 124 рублей⁶⁶.

Однако в работе лагерей МВД для военнопленных были периоды, когда лагеря сами себя окупали. Так, во втором квартале 1946 г. лагеря заработали на 32 млн. рублей больше, чем потребовалось на их содержание, а в третьем квартале — на 33 млн. В 1949 г. военнопленные покрыли расходы на свое содержание на 108%⁶⁷.

Основным нормативным документом, регламентирующим работу военнопленных японцев в народном хозяйстве СССР, являлось «Положение о трудовом использовании военнопленных» от 24 сентября 1945 г. Положение состояло из трех разделов, первый из которых содержал «Инструкцию по трудовому использованию военнопленных». Она определяла порядок распределения военнопленных на работы, режим рабочего времени, организацию труда, денежное вознаграждение и другие меры поощрения, а также наказание военнопленных. В частности, на ее основе предусматривался обязательный труд для военнопленных рядового и младшего офицерского состава, заработная плата этой категории лиц должна была выплачиваться непосредственно по месту работы.

При этом военнопленные своим трудом должны были возместить свое содержание, а отказ от работы рассматривался как нарушение дисциплины и влек за собой наказание.

Вполне очевидно, что сегодня не сохранились соответствующие архивные документы предприятий и лагерей, отражающие лицевые счета японских военнопленных. И вообще вызывает большие сомнения, велись ли они на каждого военнопленного и повсеместно.

Размер предполагаемого заработка зависел от множества условий: характера предприятия, на котором работал военнопленный, его квалификации, разряда, от вида работ и выполненной им нормы, процентов ее перевыполнения, а иногда и от совести мастеров и нормировщиков. В 1945 г. он колебался от 50 до 250 рублей,

в том числе: 200 рублей — на тяжелых работах, 150 рублей — на других, в угольной промышленности — без ограничений ⁶⁸.

Однако в реальности данное вознаграждение на руки военнопленному, как правило, не выдавалось. Каждые 10 дней составлялись списки военнопленных с указанием суммы вознаграждения, которые передавались в ларьки при лагерных отделениях. По этим спискам военнопленным отпускались товары первой необходимости и дополнительные продукты питания.

При этом самое главное условие для получения такого вознаграждения определялось устанавливаемой суммой содержания военнопленного в лагерях, что представляло собой весьма удобный механизм для оперативного регулирования всех расчетов с ним. Так, в соответствии с действующим до этого времени постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. решением ГКО от 4 июня 1945 г. заработная плата начислялась только тем военнопленным, которые выполняли и перевыполняли норму выработки при условии, что их заработок покрывал 200 рублей, предназначенных на содержание одного военнопленного.

Далее, согласно распоряжению МВД от 11 октября 1946 г. в связи с ухудшением условий содержания военнопленных и связанной с этой необходимостью повышения стоимости их содержания, выплата денежного вознаграждения стала производиться с 16 сентября 1946 г. — от суммы заработка военнопленного, превышающего 400 рублей, а с 21 апреля 1948 г. — 456 рублей и т. д. ⁶⁹ В результате этого число военнопленных, имеющих право на получение вознаграждения, резко уменьшилось. Теперь мало кто из военнопленных мог позволить себе приобрести продукты в ларьке при лагере.

В реальности же заработок военнопленных редко покрывал полностью расходы на его содержание. Так, в 1946 г. за счет заработка военнопленных было возмещено 93,5% расходов на содержание всех военнопленных, а в 1947 г. — только 72% и т. д. ⁷⁰

В 1948 г. в связи со значительным сокращением численности военнопленных в некоторой степени улучшается учет выполненных военнопленными работ, усиливается контроль за начислением и выплатой денежного вознаграждения. И лишь в 1949 г. впервые за все годы пребывания иностранных военнопленных в СССР их заработок превысил расходы на содержание всех лагерей и спецгоспиталей. Таким образом, несмотря на предписания, получить заработок в реальности представлялось крайне проблематичным.

Примерно такая же картина наблюдалась и с премиями. 24 сентября 1945 г. НКВД СССР в целях стимулирования труда в лаге-

рях по обеспечению выполнения военнопленными плановых заданий, повышения производительности труда и достижения полной самоокупаемости лагеря была введена премиальная система оплаты труда. Премия полагалась при полной самоокупаемости лагеря, выходе на работы не менее 70% списочного состава контингента, из которых не менее 95% должны были выполнять нормы выработки. Премияльная система просуществовала чуть более года, а затем из-за выявленных в лагерях случаев приписок и других негативных фактов была отменена.

Постоянная смена правительственных директив, неналаженная система индивидуального учета труда, высокие производственные нормы и явно завышенные показатели стоимости содержания военнопленных наряду с низкой производительностью и плохой организацией их труда, а также и другие причины не позволяют с достаточной степенью уверенности утверждать, что оплата труда в действительности производилась повсеместно и регулярно.

В основном зарплату получали те, кто работал на производстве, строительных объектах, шахтах, но работавшие на лесоповалах, в колхозах, а также на внутрилагерных работах либо не получали ничего, либо в несколько раз меньше, чем работающие на предприятиях. Скорее, зарплата являлась редким исключением, и о тех или иных формах вознаграждений за труд можно судить лишь по косвенным доказательствам. Так, в воспоминаниях очевидцев можно встретить упоминания о том, что военнопленные время от времени приобретали продукты питания, табак, предметы личной гигиены в магазинах Коопторга и ОРСа (отдел рабочего снабжения), созданных в некоторых лагерях, а также на местных рынках.

Особую проблему наличие определенных денежных сбережений на руках у военнопленных составило при их репатриации. Неверно заявлять, что советские власти упустили этот момент из поля своего внимания. В 1947 г. МВД СССР определяет порядок расходования при репатриации денежных средств, заработанных военнопленными и находящихся на их лицевых счетах. Работникам лагерей было указано, что эти средства на руки военнопленным выдавать не следует. Суммы, находящиеся на лицевых счетах, разрешалось расходовать в ларьковой сети при лагерях на приобретение предметов личного обихода, разрешенных к бесполоштинному вывозу за границу, и продуктов питания для улучшения питания в пути следования. Неиспользованные суммы предлагалось перечислить на текущие счета МВД—УМВД, на которых они должны были храниться до особого указания.

Вывозить советские денежные знаки за границу военнопленным было категорически запрещено. Чтобы не допустить этого, работникам лагерей предписывалось перед посадкой освобождаемых в эшелоны производить тщательный личный обыск и досмотр вещей. Изъятые денежные знаки по именной ведомости полагалось сдавать на хранение в финотдел лагеря. Однако, несмотря на подробно разработанные положения и инструкции, на местах эти предписания очень часто нарушались как лицами, ответственными за репатриацию, так и самими военнопленными.

Зачастую на руках у репатриантов оставались рубли и ценные вещи, которые в дальнейшем, как правило, все-таки изымались в порту Находка сотрудниками таможенной службы. При этом практически никогда не оформлялись соответствующие документы, и весь полученный таким образом доход шел либо в пользу государства, либо использовался в целях личной наживы.

В этой связи 18 марта 1947 г. министерство финансов Японии через посредство Генерального штаба верховного командования союзническими войсками направило просьбу о посреднической миссии союзников в контактах с советским правительством по поводу имевших место многочисленных случаев конфискации на границе СССР личных сбережений и остатка заработка у бывших военнопленных и погашения их в счет будущих торговых операций. Однако этот запрос остался без ответа.

В целом же, сравнивая средства, заработанные иностранными военнопленными за период пребывания в СССР и затраченные на их содержание, следует сделать вывод о том, что контингенты военнопленных не приносили прибыли. Однако идея практически бесплатного принудительного труда, так широко практиковавшегося долгие годы в СССР не только в отношении иностранных военнопленных, но и своих граждан, не вызывала сомнений у советского руководства.

Ободренные неплохими экономическими результатами, достигнутыми в первые послевоенные годы, И. В. Сталин и его ближайшее окружение решают увеличить ряд показателей четвертой пятилетки. В создавшейся ситуации Госплан не рискнул отказаться от использования принудительного труда иностранных подданных. Тем более что на этом настаивали руководители министерств и ведомств и директора предприятий, видевшие решение всех проблем не в создании условий для повышения производительности труда, а в максимальном увеличении числа работающих.

Руководство СССР использовало любую возможность, чтобы как можно дольше использовать труд военнопленных. По состав-

ленному плану репатриации 70% из находившихся на то время в лагерях иностранных военнопленных должны были покинуть их во второй половине 1949 г. При этом из основных министерств репатриация пленных откладывалась на конец года. Оставшихся в 1949 г. в СССР японских военнопленных продолжали концентрировать в решающих отраслях промышленности: в строительстве, включая дорожное и железнодорожное, в топливно-энергетическом комплексе, в оборонной промышленности, на объектах Министерства Вооруженных сил и т. д.

4. Проблема уголовного наказания японских военнопленных

Хорошо понимая, что сознательное затягивание сроков репатриации может вызвать протест не только союзников, но и самых военнопленных, в конце 1948 г. МВД СССР дает указание своим органам на местах усилить агентурную работу среди военнопленных по выявлению и преданию суду «реакционно-настроенных военнопленных, являющихся организаторами и инициаторами враждебных действий в лагерях». Эта же акция позволяла одновременно оставить этих людей на принудительных работах в СССР.

Как явствует из сообщения ТАСС от 20 мая 1949 г., число репатриированных за период с 1 декабря 1946 г. по 1 мая 1949 г. определялось цифрой в 428 166 человек⁷¹. С мая по ноябрь 1949 г. предполагалось репатриировать всех остальных военнопленных, за исключением некоторой группы лиц, в отношении которых проводилось следствие по подозрению в совершении ими военных преступлений.

В связи с поднявшейся в Японии волной возмущения и протеста против представленных в этом сообщении цифр 10 июня 1949 г. Совет Министров СССР принимает постановление о дополнительной репатриации в Японию в июне—июле того же года еще 95 461 японских военнопленных. Однако, забегаая вперед, следует сказать, что до 1 ноября 1949 г. органам репатриации было передано 89 213 человек.

В своей внутренней переписке с МИД СССР от 27 июля 1949 г. Управление по делам репатриации оперирует следующими данными: репатриировано на родину 440 523 японских военнопленных и интернированных и 497 889 японских граждан, из них в 1949 г. уже отправлено 22 722 человека (4708 гражданских лиц и 18 014 военнопленных)⁷².

По мере приближения сроков окончания массовой репатриации японцев на родину во всех лагерях начался целенаправленный поиск военных преступников. При этом следует отметить, что репрессивные акции советских правоохранительных органов базировались на довольно хорошо отработанных в годы Второй мировой войны практике и теории судебного преследования немецких военнопленных, которые из области международно-правового урегулирования в большей степени были смещены в такие сферы, как пропаганда и дипломатия.

Важная роль в разработке этой теории принадлежит профессору А. Н. Трайнину, который опирался на так называемое «учение о соучастии», у истоков которого стоял А. В. Вышинский. В частности, речь идет об определении двух категорий лиц, которые подлежали привлечению к уголовной ответственности: так называемых соучастников и исполнителей. В свое время к группе соучастников были причислены члены правительства Германии, руководство фашистской партии, армейское командование и гитлеровские эмиссары на оккупированной советской территории. К исполнителям были отнесены рядовые гитлеровцы, творившие беззаконие по собственной и чужой воле⁷³. В дальнейшем эти определения были распространены и на японцев.

Дискуссии по вопросу уголовной ответственности плененного противника не прошли мимо внимания руководителей союзных держав. На встрече И. В. Сталина с президентом США Ф. Рузвельтом и британским премьер-министром У. Черчиллем в Ялте 9 февраля 1945 г. разговор шел о дальнейшей судьбе главных военных преступников и наказании исполнителей их злой воли. Тогда Сталин выдвинул перед своими западными союзниками неожиданную для них дилемму: «Могут ли в число преступников попасть военнопленные? До сих пор существовало мнение, что военнопленных судить нельзя»⁷⁴.

Положительный ответ У. Черчилля и молчаливое согласие Ф. Рузвельта вполне удовлетворили главу советского государства. Союзники в те годы были едины в стремлении покарать нарушителей законов и обычаев войны. 8 августа 1945 г. СССР, США, Великобритания и Франция подписали Лондонское соглашение «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран».

После окончания войны дискуссия вокруг вопроса об уголовном преследовании военнопленных продолжилась во время Нюрнбергского процесса. 20 декабря 1945 г. союзники приняли закон № 10 «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях про-

тив мира и человечности». Этот документ подробно проанализировал профессор Б. С. Маньковский⁷⁵. Особенно горячо поддерживал автор широкую трактовку понятия «соучастник» — это и организатор, отдавший приказ, и так называемый «подстрекатель» — лицо, хотя и не участвовавшее в совершении преступления, но давшее на это согласие.

Вопрос об определении военного преступления вновь встал на повестку дня в связи с послевоенным урегулированием на Дальнем Востоке. В основу рекомендаций Дальневосточной комиссии был положен известный документ «Политика Соединенных Штатов в отношении ареста и наказания военных преступников на Дальнем Востоке», обнародованный в ноябре 1945 г. Согласно этому документу, все военные преступления японской армии разделялись по нескольким категориям.

Так, к военным преступлениям класса «А» было отнесено «планирование, подготовка, развертывание или ведение агрессивной войны и войны в нарушение международных договоров, соглашений и заверений или участие в общем плане или заговоре для достижения вышеуказанных целей».

В класс «В» включались нарушения законов или обычаев войны. «Такие нарушения должны были включать, но не ограничиваться убийствами, плохим обращением или депортацией для подневольного труда или для каких-либо целей гражданского населения оккупированной территории или населения, находящегося на ней, убийством или плохим обращением с военнопленными или лицами, находящимися в море, или неправильным обращением с заложниками независимо от места их нахождения, грабежом общественной или частной собственности, бесцельным уничтожением больших и малых городов или деревень или опустошением, не оправданных военной необходимостью».

Класс «С» — это «убийство, истребление, порабощение, депортация или другие бесчеловечные акты, совершенные против любого гражданского населения до войны или в течение таковой, или судебные преследования на политической, расовой и религиозной основе и в порядке совершения или в связи с любым преступлением, определенным данным документом, в независимости от того, нарушало ли таковое или не нарушало внутренние законы страны, в которой оно было совершено»⁷⁶.

Документа, который бы узаконил статус осужденных в СССР иностранных подданных, на уровне советского правительства принято не было, хотя МВД и МИД СССР дважды предпринимали попытки в этом направлении. Положение осужденных воен-

но пленных в спецлагерях МВД не выходило за рамки обычной практики советских пенитенциарных учреждений.

Весь процесс выявления военных преступников находился под строгим контролем Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР. Без санкции этой организации органы внутренних дел на местах не имели права направлять законченные следственные дела на рассмотрение в военные трибуналы.

В это время МВД СССР ускоряет отделение и концентрацию военнопленных, находящихся на особом учете, растет число судебных процессов. По решению советского руководства к уголовной ответственности были привлечены в первую очередь те граждане Японии, в которых оно видело, во-первых, идейных противников, хорошо знакомых со существовавшей моделью социализма, во-вторых, потенциальные командные кадры будущей армии Японии. В пользу этой версии говорит и тот аргумент, что количество осужденных японцев оказалось не столь велико, чтобы их труд мог сыграть существенную роль в восстановлении народного хозяйства СССР.

По решению Прокуратуры СССР от 3 августа 1949 г. аресту и привлечению к уголовной ответственности подлежали лица, в отношении которых могли быть предъявлены доказательства о ведении ими враждебной деятельности против СССР. Разведчиков, контрразведчиков, агентуру, командно-преподавательский состав и курсантов шпионско-диверсионных школ и отрядов предписывалось судить по статьям 58-6 и 58-4 УК РСФСР, военных преступников, участвовавших в подготовке военного нападения на СССР, организаторов военных конфликтов на озере Хасан и Халхин-Гол — по статьям 58-2 и 58-4 УК РСФСР, руководящий состав общества «Кёва-кай» — по статьям 58-4 и 58-11⁷⁷.

В заключении МИД СССР на предложение МВД СССР от 10 августа 1949 г. о предании суду группы военнопленных солдат, офицеров и генералов, состоявших на особом учете, в частности, говорится: «Эта группа составляет 5777 человек, в том числе 1072 человека, на которых собраны материалы об их враждебной деятельности против СССР, 3647 человек, находящихся под следствием, и 1058 человек, подлежащих передаче китайским властям. Репатриация указанной группы без суда нежелательна. Так как в основном она состоит из сотрудников бывшей разведки и контрразведки Японии и представляет ценный материал для подобных американских органов»⁷⁸.

Для окончательного рассмотрения собранных компрометирующих материалов на 4547 граждан Японии и решения вопроса об их репатриации на родину или отдаче под суд 2 ноября 1949 г. по предложению МВД СССР на основании Постановления СМ СССР создается межведомственная комиссия из представителей МВД, МГБ и Прокуратуры СССР. Этим же постановлением комиссия обязывалась представлять в СМ СССР свои предложения о количестве военнопленных и интернированных японцев, дела на которых подлежали передаче в Военный трибунал, и о тех военнопленных и интернированных, которые подлежали репатриации.

Комиссия рассмотрела материалы на 4547 человек и сочла целесообразным предать суду Военного трибунала 2883 военных преступников, на которых имелись материалы, изобличающие их в преступной деятельности против СССР. Особое внимание членов комиссии обращалось на военнопленных, которые были взяты на оперативный учет по формальным признакам и на которых не было обнаружено компрометирующих материалов об их преступной деятельности, достаточных для предания суду. Их число составило 1662 человека. Их предписывалось репатриировать на общих основаниях в четвертом квартале 1949 г.⁷⁹

По другим источникам, комиссией было принято решение «репатриировать еще 1664 японских военнопленных, 971 человек, совершивших преступления на территории Китая, передать правительству КНР. В СССР было предложено оставить 4573 японских военнопленных, в том числе 1690 уже осужденных»⁸⁰.

С 23 ноября 1949 г. всем осужденным и подследственным военнопленным запрещается переписка с родственниками (для японских военнопленных разрешена лишь 11 апреля 1952 г.). А 30 ноября 1949 г. СССР принимает решение о содержании всех военнопленных, осужденных военными трибуналами по заключению межведомственной комиссии, в специальных лагерях ГУПВИ.

Всего для их содержания 23 марта 1950 г. министр внутренних дел С. Н. Круглов утвердил список из 11 лагерей, 2 из которых предназначались для японцев. Это — лагерь для высшего военного состава в селе Чернцы Лежневского района Ивановской области и лагерь № 16 в Хабаровске. Жизненный уклад находившихся там японских военнопленных регламентировали приказы и инструкции МВД СССР.

20 ноября 1950 г. начальник ГУПВИ СССР в подписанной им директиве указывал своим подчиненным на недопустимость либерального отношения к военным преступникам. Он требовал

установить строгий режим содержания и охраны лагерей, усилить агентурно-оперативную работу в целях пресечения «враждебных преступлений, подрывных актов на производстве».

Через несколько дней после выхода этой директивы, 27 ноября, оперативно-чекистские отделы получили «Оrientировку об активных враждебных проявлениях в лагерях для осужденных военнопленных». К разряду «враждебных» были отнесены такие действия, как отказ от работы, призыв к коллективным забастовкам, избиение лагерных агентов и осведомителей, попытки выйти на связь с иностранными посольствами ⁸¹.

Следует признать, что вынесение смертного приговора в отношении военнопленных в практике пятидесятых годов — явление чрезвычайно редкое. 26 мая 1947 г. вышел Указ Верховного Совета СССР «Об отмене смертной казни». Однако было бы ошибочным расценивать принятие Указа как осознанный шаг руководства страны на пути к правовому государству. Прежде всего, это была политическая акция. В соответствии с Указом, даже военным преступникам высшая мера наказания не грозила, и этот факт должен был подчеркнуть гуманный характер советского законодательства.

Однако в конце марта 1950 г. заместитель начальника ГУПВИ генерал-лейтенант А. З. Кобулов подготовил текст письма на имя И. В. Сталина с предложением осудить на смертную казнь наиболее злостных и активных преступников из числа военнопленных.

Необходимость высшей меры наказания мотивировалась тяжестью совершенных ими преступлений, а возможность ее использования — вышедшим 12 января 1950 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О применении смертной казни к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам». Однако этот проект не получил дальнейшей поддержки. Тем не менее, случаи смертной казни в отношении японских военнопленных все-таки имели место быть.

Для понимания сути проблемы в целом в ее историческом аспекте представляется исключительно важным выделить два момента. Во-первых, отметить, что судебные процессы над японскими военнопленными не были для советской юстиции каким-либо особым чрезвычайным явлением. Они полностью соответствовали логике политических репрессий, широко применявшихся в годы сталинского режима. По информации МИД СССР на 8 сентября 1949 г., судебные органы СССР осудили около тысячи японских военнопленных ⁸². Причем характерно, что наибольшее

число закрытых процессов над японскими военнопленными в СССР приходится на конец 1949 г.

Во-вторых, практику коллективной ответственности за военные преступления, совершенные военнослужащими японской армии, сотрудниками полиции и жандармерии, ошибочно считать чисто русским явлением. Подобных же методов придерживались и американские военные трибуналы в период 1945–1948 гг. Другое дело, что уже с конца 1948 г. США неизменно следовали курсу на помилование преступников и пересмотр вынесенных им приговоров, прекращение уголовного преследования бывших осужденных.

В СССР же по состоянию на 1 апреля 1950 г. было осуждено и находилось под следствием 1487 граждан Японии. Показательны и сроки их наказания, самые длительные из которых заканчивались в 1974 г. для 512 человек, в 1975 г. — для 125 человек, и, наконец, 1 человек должен был находиться в советских лагерях до 1976 г.⁸³. Судьба эти людей стала предметом двусторонних переговоров между СССР и Японией.

Глава IV

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫХ СИЛ ЯПОНИИ В ОТНОШЕНИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, НАХОДИВШИХСЯ В ПЛЕНУ В СССР

I. Общественное движение в Японии за ускорение репатриации военнопленных соотечественников из СССР

В отличие от действий оккупационных властей, для которых проблема так называемого «сибирского плена» была превращена в конечном итоге в удобное и эффективное орудие в противоборстве с СССР, для японского народа она обернулась настоящей национальной трагедией, затронувшей почти каждую японскую семью. В отсутствие какой-либо официальной информации о судьбах бывших солдат и офицеров Квантунской армии, взятых в плен советскими войсками, Японию наполняли страшные слухи об ужасах советского плена, подогреваемые местными и западными средствами массовой информации.

В этих условиях из числа семей и родственников японских солдат офицеров, оказавшихся в советском плену, начало стихийно зарождаться общественное движение за их скорейшее возвращение на родину. Вскоре оно приобрело широкую общественную поддержку по всей стране, вовлекая в свою сферу как школьников, студентов, рядовых граждан, так и политиков и государственных деятелей различного уровня.

В повестке дня главным был вопрос об ускорении процесса репатриации, и население Японии ориентировалось на первых порах прежде всего на помощь СССР. «Мы были счастливы узнать, что репатриация должна будет начаться скоро благодаря усилиям Вашего Превосходительства, потому мы выражаем нашу сердечную признательность и благодарность за Ваше любезное внимание, — писали в своей петиции жители города Отару советскому представителю в Союзном совете генералу К. Н. Деревянко. — Однако, — продолжали они в своем письме, — к нашему великому сожалению, эта работа, по-видимому, будет продолжаться несколько лет, прежде чем закончится репатриация. В это время мы видим, как многие семьи ожидают своих отцов, братьев, благополучно возвращающихся домой, но каждый день ожидания кажется им годами.

Мы смеем надеяться, что репатриация будет проведена как можно быстрее с максимальным использованием всех транспортных возможностей и, по крайней мере, до наступления зимы следующего года. Более того, мы будем благодарны Вам, Ваше Превосходительство, если эта петиция станет предметом обсуждения на Союзном Совете для Японии»⁸⁴.

Однако в большинстве случаев это и подобные ему многочисленные прошения населения страны в адрес политического руководства СССР оставались без ответа. Поэтому параллельно с обращением к советским властям японцы все чаще стали адресовать этот вопрос непосредственно к главнокомандующему союзными оккупационными войсками генералу Д. Макартуру, рассчитывая на его содействие в этом вопросе.

15 августа 1947 г. — спустя ровно два года после капитуляции Японии — на имя И. В. Сталина, а также президента США Г. Трумэна и государственного секретаря Дж. Маршалла были отправлены три телеграммы, подписанные миллионом японских семей с просьбой о скорейшей репатриации бывших японских солдат с территорий, контролируемых Советским Союзом. Однако соответствующие действия последовали лишь с американской стороны в лице оккупационных властей.

Постепенно стихийное движение за ускорение репатриации в виде просьб и обращений отдельных граждан и организаций к советским представителям стало приобретать в Японии свои организованные формы. В январе 1947 г. были созданы первые общественные структуры — «Лига членов палаты представителей по помощи японцам, оставшимся за границей» и «Лига семей по ускорению репатриации находящихся за границей солдат и моря-

ков» (за отсутствием в архивных документах точного названия этих организаций на японском языке здесь и далее дается только их русский перевод).

Видную роль в этих организациях играл Иосики Хосино — брат генерального секретаря и министра без портфеля в кабинете Тодзио — Наоки Хосино, ставшего затем главой японской администрации в Маньчжурии. По возвращении из советского плена в начале 1947 г. И. Хосино провел в центре Токио 40-дневную голодовку в знак протеста против задержки японских военнопленных. Эта шумевшая акция в дальнейшем принесла ему не только широкую известность, но и место депутата в палате советников японского парламента.

С этого времени все попытки отдельных граждан и организаций Японии привлечь внимание японской общественности к нарушению СССР достигнутых договоренностей стали расцениваться советской стороной как «антисоветские» выступления и «антисоветская» пропаганда, вся ответственность за которые возлагалась на штаб оккупационных войск и лично генерала Д. Макартура.

Так, в одной из служебных справок «К созданию в Японии прогрессивных организаций репатриантов для противодействия реакционной и враждебной СССР пропаганде» от 21 августа 1948 г., составленной аппаратом политического советника советской части Союзного Совета для Японии, открыто говорилось о том, что «репатриацию японцев из Советского Союза американские оккупационные власти стремятся использовать в качестве одного из главных средств ведения в Японии враждебной СССР пропаганды». При этом авторы справки особо подчеркивали, что «вся эта проводимая под руководством американцев антисоветская деятельность субсидируется японским правительством из средств, отпускаемых на оказание помощи репатриантам»⁸⁵.

На этом основании практически все общественные организации в поддержку репатриации, которые стали активно создаваться в Японии в это время, сразу же причислялись советскими представителями в Японии к разряду «антисоветских». Среди них «в качестве основной опоры американцев» особо выделяли «Лигу по ускорению репатриации из северных районов» и «Студенческий союз по оказанию помощи отцам и братьям, остающимся за границей».

Первая имела широко разветвленную сеть отделений по всей Японии. Возглавлял ее всё тот же член палаты советников И. Хосино. Деятельность второй организации концентрировалась главным образом в городах и заключалась в основном в проведении

работы по «перевоспитанию» репатриантов, вернувшихся из советских районов.

Наряду с вышеперечисленными организациями в 1947 г. образовались также «Студенческая лига помощи соотечественникам, находящимся за границей», «Национальная лига по ускорению репатриации» и другие. Последняя из них приобрела особую известность своей крупномасштабной акцией — проведением 8 октября 1947 г. в Осака 50-тысячного митинга, выступившего с резолюцией в поддержку принятия мер для ускорения репатриации японцев из Советского Союза. 15 октября 1947 г. соответствующая петиция, скрепленная подписями 3 млн. человек, поступила в советскую миссию в Японии.

Другие многочисленные лиги и ассоциации по содействию репатриации были созданы как в центре, так и на местах. Особой активностью среди них отличалась «Лига семей репатриантов, находящихся за границей», инициировавшая известную «декабрьскую демонстрацию» у здания советской миссии в разгар политического скандала, разразившегося в Союзном Совете для Японии 21 декабря 1949 г. В ней приняло участие 6 членов японского парламента, а также члены «Национальной лиги по ускорению репатриации».

Вопрос о репатриации японских военнопленных из СССР превратился в одну из главных общенациональных задач японского общества, которая находила широкое освещение в средствах массовой информации. Она стала главной темой радиопередач и кинофильмов, заметных культурных событий, охвативших всю Японию.

В частности, в апреле 1948 г. в Токио была организована выставка на тему «Жизнь в советских репатриационных лагерях», устроители которой поставили своей целью дать «правдивое представление о трудностях, которые переносят японцы в лагерях». Они исходили из того, что «макеты, плакаты и картины, представленные на выставке, могут вызвать у посетителей сочувствие, которое вскоре может превратиться в конкретные усилия по возвращению домой задерживаемых репатриантов»⁸⁶. Вслед за этим в марте 1949 г. крупнейшая в Японии кинокомпания «Тохо» приступает к съемкам фильма о страданиях семей, ожидающих возвращения своих родных из Сибири.

По мере затягивания со стороны СССР сроков возвращения на родину японских военнопленных эта широко развернувшаяся в Японии общественная кампания начинала приобретать все более ярко выраженный наступательный характер в отношении

Советского Союза. И для противодействия ей советские представители старались предпринять свои идеологические контрмеры.

К этой работе в первую очередь были привлечены члены японской компартии и так называемых отдельных демократических групп репатриантов, которые через печать и митинги старались противостоять антисоветским настроениям в Японии и создать у японского населения положительный образ СССР. Однако отсутствие до начала 1948 г. такого рода организаций просоветского толка и разрозненность демократических организаций, работавших среди репатриантов, вели к распылению их сил, ограничивали их деятельность.

В этих целях под видом инициативы репатриантов-коммунистов и левых организаций в апреле 1948 г. был создан «Союз по оказанию помощи репатриированным из СССР» и вслед за ним в мае 1948 г. — центральный руководящий и координирующий орган по работе с репатриированными — «Совет по репатриации».

Союз ставил своей целью «ведение среди организаций репатриантов и их семей широкой разъяснительной работы против «реакционной пропаганды». В задачи организации входило «освещение истинного положения японских военнопленных, находящихся в лагерях на территории Советского Союза, а также улучшение материального положения самих репатриантов и семей еще не вернувшихся военнопленных». От имени репатриантов Союз неоднократно выступал с критикой в адрес властей, предъявлял экономические и политические требования японскому правительству.

Другой наиболее крупной организацией этого профиля, созданной по замыслу СССР и по инициативе Компартии Японии, являлся «Совет по репатриации» — своеобразный координирующий центр. Как указывали его организаторы, «учитывая трудности прямой борьбы с реакционными силами, поддерживаемыми американцами, японская компартия пришла к выводу о необходимости объединить демократические и реакционные организации репатриантов в единый Совет для того, чтобы подчинить их своему воздействию и вести демократическую работу среди репатриантов и их семей»⁸⁷.

В состав «Совета по репатриации», кроме представителей КПЯ, входили следующие демократические объединения: уже упомянутый «Союз по оказанию помощи репатриированным из СССР», «Студенческий клуб ЮНЕСКО», «Юношеское общество ЮНЕСКО», «Корейская лига», «Кооперативный союз репатриантов г. Токио».

Одновременно к нему примкнули структуры без четко выраженной политической ориентации — «Федерация организаций репатриантов г. Токио», «Женское общество взаимопомощи», а также федерации и общества, причисленные советскими экспертами к числу «реакционных»: «Всеяпонская федерация организаций репатриантов», «Общество помощи соотечественникам, остающимся в Маньчжурии и Монголии», «Союз действий учащихся», «Общество Зеленого креста». Четыре последних организации выступали с резкой критикой в отношении СССР. Но благодаря тому, что руководство Советом находилось под сильным влиянием коммунистов, им удавалось контролировать деятельность всех входящих в его состав организаций и направлять его в нужное им русло.

Тактика коммунистов заметно ослабила влияние на репатриантов упомянутых выше наиболее критически настроенных в отношении СССР организаций. Однако трудно было предположить возможность полного совпадения мнений и единства действий этих по-разному ориентированных сил, а значит, их продолжительного и плодотворного сотрудничества.

Несмотря на вышеупомянутые сложности, советские представители в Токио, судя по всему, были удовлетворены результатами работы японских коммунистов и отмечали усиление политической активности прибывающих из СССР репатриантов. Это относили в основном на счет работы, проводимой с ними в лагерях в СССР, но в то же самое время не принижалось значение и деятельности прокоммунистических организаций репатриантов в Японии.

В частности, к факторам противостояния антисоветской пропаганде в Японии сотрудники советской миссии причисляли: увеличение в печати количества статей, рассказывающих в позитивных тонах о жизни в СССР, о хорошем отношении советских властей с японскими военнопленными, с одной стороны, и о тяжелых условиях жизни репатриантов в Японии — с другой, о посещениях советского представительства японскими делегациями с выражением благодарности от имени семей вернувшихся репатриантов за заботу советских властей и т. д.⁸⁸

Вместе с тем в дальнейшем советские политические эксперты в Токио предлагали учесть и, по возможности, удовлетворить ряд пожеланий, высказанных руководителями близких к СССР новых общественных организаций. Речь в первую очередь шла об увеличении количества радиопередач на японском языке из цикла «Правда о Советском Союзе», которые пользовались большой

популярностью и привлекали много слушателей. Ставилась задача улучшить и ускорить почтовую связь военнопленных со своими родственниками в Японии и т. д.

Одновременно с этим в беседах с посетителями советской миссии в Токио под видом демонстрируемой заботы о японских военнопленных, возвращавшихся из СССР, особое внимание стало обращаться на бедственное положение репатриантов на родине. Этот проверенный долгими годами пропагандистский прием был широко введен в практику работы советского представительства в Токио.

Однако все эти мероприятия не могли приостановить новую череду общественных волнений, заполнивших собой и следующий год. Крупным событием в движении за репатриацию стал митинг перед императорским дворцом в Токио 29 апреля 1949 г., организованный по инициативе «Совета движения за счастье человечества».

Стремясь предотвратить дальнейшую эскалацию общественных настроений в Японии с резким осуждением в адрес СССР, 20 мая 1949 г. Москва впервые со времени начала репатриации решается на важный политический шаг — информирует японскую сторону о ходе выполнения своих обязательств по отправке японских военнопленных на родину.

Однако, вопреки ожиданиям советского руководства, известное сообщение Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации, переданное по каналам ТАСС, лишь убедило японцев в их самых мрачных предположениях. Оно со всей очевидностью выявило громадное расхождение данных о численности находившихся в советских лагерях граждан Японии, представленных советским и японским правительствами, и тем самым вызвало негативную реакцию в различных слоях японского общества, выразившуюся в новых общественных и политических выступлениях.

10 августа 1949 г. в парке «Хибия» прошел крупный митинг семей японцев, находящихся на территории СССР. На нем вновь была продемонстрирована решимость граждан Японии добиться скорейшей репатриации своих соотечественников из Советского Союза, а также с территорий, контролируемых китайскими коммунистами. Для реализации поставленных на митинге задач делегация его участников сразу же направилась в советскую миссию в Токио.

Советские представители на сей раз попытались снять напряженность ситуации своими заверениями в том, что в ближайшее

время советские власти сообщат имена всех умерших в СССР японских военнопленных, а также, что 95 тыс. японских военнопленных будут репатриированы к ноябрю 1949 г., как это было заявлено ранее советским правительством.

Однако наступивший ноябрь не принес никаких обещанных результатов, на что Япония ответила новой волной общественных возмущений. 11 ноября 1949 г. была организована общенациональная кампания по сбору одного миллиона подписей под петицией, требующей скорейшей репатриации японцев из-за границы, и в особенности из Советского Союза и коммунистического Китая. Эту кампанию возглавило руководство Токийского центрального совета «Движения братской любви».

Незадолго до этого, 8 ноября 1949 г., делегация «Национального совета содействия репатриации японцев из-за границы» организовала очередную манифестацию перед зданием советской миссии в Токио. Манифестанты намерены были передать свой очередной протест советским представителям. 35 делегатов, включая женщин, в течение двух часов стояли перед зданием миссии и требовали встречи с главой миссии генерал-лейтенантом К. Н. Деревянко. В этой встрече им было отказано, но заявлено, что репатриация японских военнопленных, находящихся в Сибири, будет продолжаться. При этом было особо подчеркнуто, что «в настоящее время в Сибири находится в ожидании своей репатриации 17 тыс. японских военнопленных, а не 53 тыс., как утверждают официальные японские и американские круги»⁸⁹.

Но и эти обещания вновь остались лишь провозглашением намерений советских властей, и японцы предприняли новые общественные акции. 11 февраля 1950 г. на улицах Токио вновь протестовали против задержки возвращения на родину японских узников советских лагерей. Это выступление поддержали буддийские священнослужители, которые провели свой марш протеста перед зданием советской миссии, а также парламента Японии.

Но, как и прежде, японское общественное мнение не возымело должного воздействия на политическую линию СССР. В этой ситуации 6 марта 1950 г. из Японии поступило сообщение о том, что семьи и знакомые японских военнопленных намерены обратиться к премьер-министру Индии Дж. Неру за его содействием в этом сложном вопросе. В этих целях общенациональный «Совет по репатриации» принял решение о направлении специальной петиции в адрес индийского руководителя.

Одновременно с этим японская общественность не прекращала своих традиционных методов борьбы за спасение своих сооте-

чественников. 6 апреля 1950 г. в Токио состоялся очередной митинг семей военнопленных, на котором присутствовало 170 посланцев из всех районов страны. Во второй половине дня они вручили свою петицию парламенту и премьер-министру Японии и по уже сложившейся к тому времени традиции посетили советскую миссию в Токио. Здесь они вновь потребовали незамедлительного обнаружения имен оставшихся в живых, а также умерших в советских лагерях своих соотечественников, предоставления списка японцев, подозреваемых в военных преступлениях, а также программы их дальнейшей репатриации на родину.

Давление на СССР усиливалось. И тем самым советские должностные лица вновь были поставлены перед необходимостью публичного ответа на все постоянно ставившиеся перед ними в Японии вопросы. Но вместо ответа 20 апреля 1950 г. выходит сообщение ТАСС об окончании репатриации японцев из Советского Союза. Всей Японией оно было встречено с большим недоверием и глубоким разочарованием.

От имени общественных сил страны свое возмущение в связи с этим событием высказал представитель «Совета по репатриации»: «Мы никогда не будем считать правдой сообщение ТАСС о том, что репатриация японских пленных, находящихся в Советском Союзе, за исключением 2458 обвиняемых в военных преступлениях и 9 больных, закончена. На основании корреспонденций военнопленных в Японии полагали, что число японских граждан, все еще задерживаемых на советской территории, по крайней мере, превышало цифру 2458»⁹⁰.

В свою очередь, «Национальная лига по ускорению репатриации» в ответ на заявление ТАСС приняла решение о проведении 12 июня демонстрации перед зданием советской миссии. Однако в связи с запретом на организацию собраний и митингов в черте Токио она вскоре была вынуждена отменить намеченную акцию и ограничить свои действия опубликованием 9 июня специального заявления. В нем опровергалось сообщение советской стороны о полном окончании репатриации и на основании писем, поступивших на адреса семей японцев, находящихся за границей, подчеркивалось, что на территории Советского Союза по-прежнему продолжало находиться значительное число японцев.

Общественные акции в защиту граждан Японии, оказавшихся в советском плену, с разной степенью активности и охвата продолжали будоражить страну из месяца в месяц вплоть до репатриации на родину последней партии узников советских лагерей в декабре 1956 г. В основе своей это движение развивалось само-

стоятельно, в большей части случаев дистанцируясь от действий японских официальных органов, строго ограниченных в своих полномочиях условиями оккупационного режима и потому не всегда способных ответить адекватно на ту или иную общественную инициативу.

И только после вступления в силу Сан-Францисского мирного договора 28 апреля 1952 г., когда Япония получила статус суверенного государства, а вместе с ним и право на самостоятельные внешнеполитические действия, общественное движение Японии в поддержку репатриации своих соотечественников из СССР стало все больше солидаризироваться с акциями японского правительства и парламента и идти в русле официальной политической линии страны в отношениях с Советским Союзом.

2. Политические акции японских властей в поддержку граждан страны, находившихся в советском плену

Политику основных ветвей государственной власти Японии — правительства и парламента — в вопросе репатриации японских военнопленных из СССР во многом определяли те внешнеполитические и внутривнутриполитические условия, в которых оказалась страна в условиях оккупационного режима.

Союзный Совет для Японии — совещательный орган четырех стран-союзниц: СССР, США, Великобритании и Китая, на который были возложены также функции контроля за деятельностью главнокомандующего оккупационными войсками, был создан лишь в апреле 1946 г.

Поэтому в первые месяцы после поражения в войне единственно доступным для японских властей каналом связи с внешним миром оставался Международный Комитет Красного Креста. К его посредничеству в решении этого вопроса, а также в установлении контактов с союзными державами обращались японские дипломаты. Однако печальный опыт сотрудничества этой организации с руководством СССР во время войны с Германией уже заранее предвещал бесперспективность призывов к правительству СССР по поводу необходимости соблюдения международных норм в отношении военнопленных.

Более благоприятная ситуация для действий японских политиков в этом направлении складывалась внутри страны, где органы власти, хотя в значительной мере номинально, не потеряли окончательно всех рычагов управления. В отличие от Германии,

в Японии были задействованы механизмы так называемой косвенной системы управления. На практике это означало, что назначенный правительством США главнокомандующий оккупационными войсками был ориентирован на то, чтобы действовать через японское правительство и другие официальные органы, включая императора. Определяя направления преобразований в Японии, он издавал обязательные для исполнения рекомендации (меморандумы и директивы главнокомандующего) и передавал их правительству Японии, которое проводило их в жизнь от своего имени, под свою ответственность и во многих случаях при необходимом законодательном оформлении.

В структуре власти Японии вопрос репатриации соотечественников из-за рубежа находился в ведении двух министерств — министерства иностранных дел и министерства здравоохранения Японии. Помимо них в правительственных структурах вопросами репатриации занимались так называемые 1-й и 2-й демобилизационные департаменты, созданные в конце 1945 г. на основе слияния военного и морского министерств Японии. В дальнейшем эти структуры были объединены в демобилизационные департаменты, где хранились все документы на демобилизованных японских солдат и офицеров.

Одновременно с этим постоянное внимание вопросу репатриации уделял и японский парламент. Депутаты явились инициаторами создания при обеих палатах парламента Специальных комиссий по ускорению репатриации: при палате советников — в 1947 г., при палате представителей — в 1949 г. Однако еще до появления этих комиссий вопрос о репатриации стал предметом бурных дебатов на заседаниях парламента, а также его комиссий, которые приняли особо острый характер с середины 1946 г.

Страна переживала период политического подъема и демократических преобразований. В апреле 1946 г. при большой активности всех слоев населения в Японии были проведены первые послевоенные парламентские выборы в палату представителей, куда вошли кандидаты практически от всех недавно созданных в стране партий, в том числе и Коммунистической партии Японии. При всей разнородности политической ориентации нового депутатского корпуса всех их как граждан Японии объединяла одна политическая задача — добиться скорейшего возвращения на родину своих соотечественников из советского плена.

Не имея практически никаких продвижений на этом направлении своей деятельности, японские официальные лица вынуждены были периодически демонстрировать перед депутатами свои

инициативы по решению этого вопроса, которые в основном сводились к робким и безуспешным шагам по поиску международного посредника.

Так, в очередном традиционном отчете МИД Японии на заседании бюджетной комиссии нижней палаты парламента 27 июня 1946 г. вновь прозвучало признание японского правительства в том, что, несмотря на все приложенные им до сих пор усилия, оно мало чего достигло в вопросе репатриации из районов, контролируемых Советским Союзом.

Было также отмечено, что, судя по официальным сводкам штаба Макартура, «репатриация японцев с Курильских островов, с острова Сахалин, из Северной Кореи и Маньчжурии, к сожалению, задерживается в противовес замечательному прогрессу, достигнутому в деле репатриации японцев из районов, находящихся под контролем Соединенных Штатов. Англии и Китая». При этом, по сведениям МИД Японии, незадолго до этого небольшое число японцев все-таки было репатриировано из Маньчжурии, а также нескольким удалось эвакуироваться из Северной Кореи, где на тот момент находилось свыше 100 тыс. японцев ⁹¹.

Эти первые, хотя и не столь значительные, шаги в деле репатриации давали японскому правительству основания для того, чтобы «по-прежнему адресовать просьбы в соответствующие международные органы о репатриации в возможно кратчайшие сроки до 1 млн. 500 тыс. японцев из контролируемых русскими районов» ⁹². Одновременно с этим соответствующие обращения по поводу предоставления помощи японцам, ожидавшим репатриации в Маньчжурии и других контролируемых Советским Союзом территориях, были направлены союзным державам.

Отсутствие заметных успехов в решении одного из самых насущных для нации в те дни вопроса репатриации из СССР граждан Японии не могло не вызывать острой критики со стороны членов парламента. 17 сентября 1946 г. на заседании верхней палаты в адрес правительства Японии поступила интерпелляция. В ней вновь прозвучали обвинения в адрес СССР в нарушении Потсдамской декларации. Острой критике было подвергнуто и японское правительство за его недостаточную оперативность и настойчивость в решении этого вопроса. Перед ним ставилась задача добиться до зимы текущего года возвращения на родину из Советского Союза не менее миллиона японских граждан.

Важность и острота поднятого вопроса вынудили назначенного в мае 1946 г. премьер-министра Японии Сигэру Иосида выступить с ответами в парламенте. Он вновь напомнил депутатам о

создавшейся ситуации, при которой репатриацию японцев из Китая и районов южных морей фактически предполагалось закончить с помощью США в конце текущего или в первой половине следующего года. В то же самое время, несмотря на все предпринимаемые усилия, из СССР на тот период не было получено даже сведений о японцах, находящихся на его территории.

Сославшись на то, что «в условиях, в каких находилась Япония, она могла только обратиться за помощью к Объединенным Нациям», японский премьер вместе с тем выразил надежду на положительное решение этой проблемы с помощью союзных держав в ходе советско-американских переговоров, которые в это время проходили в Вашингтоне⁹³. Дебаты в парламенте сразу же приобрели большой общественный резонанс и были переданы по информационным каналам многих стран.

Практически спустя несколько дней после этих событий в парламенте советско-американские переговоры, о которых упомянул японский премьер, завершились достижением договоренности о начале репатриации граждан Японии из СССР. В ответ на это со стороны официальных лиц Японии последовала немедленная реакция.

30 сентября 1946 г. на заседании нижней палаты японского парламента была принята резолюция, выражающая благодарность генералу Д. Макартуру, чье сообщение о том, что «в октябре начнется репатриация японцев из районов, находящихся под контролем русских», как говорилось в этом документе, «принесло надежду, подобно лучу света во мраке»⁹⁴.

Первые итоги репатриации, о которых информировал депутатов нижней палаты представитель МИД Японии Кацуми Оно 4 августа 1947 г., оценивались японским правительством как «вполне удовлетворительные». Он подчеркнул, что «японское правительство прилагает все усилия для ускорения репатриации. По данным МИД Японии, на тот период на советской территории все еще находилось около 850 тыс. бывших японских солдат»⁹⁵.

Теперь перед японскими государственными органами встала задача ускорения темпов репатриации и создания для этого всех необходимых условий. Это ярко продемонстрировало выступление генерального директора Управления помощи репатрированным при министерстве здравоохранения Сёити Сайто 31 октября 1947 г.

Он заявил о готовности Японии принимать ежемесячно до 160 тыс. человек, представив в доказательство следующие данные: «Порт Хакодате может обеспечить помещением 6200 репат-

рированных, Майдзуру — 11 тыс. и Сасебо — 20 тыс., транспортные возможности в этих портах находятся в хорошем состоянии, за исключением порта Хакодате» ⁹⁶.

Несмотря на все предпринимаемые меры внутри страны и большие надежды на помощь союзных держав, японское правительство было не в состоянии повлиять на советские власти с тем, чтобы обеспечить обоюдные усилия для активизации процесса репатриации. На 17 ноября 1947 г., по данным секции по делам японских граждан за границей министерства внутренних дел Японии, ситуация складывалась таким образом, что «в контролируемых СССР районах все еще находилось 744 816 японцев, в том числе 527 775 — в Сибири, 212 999 — на Сахалине и Курильских островах, 3000 — в Дайрене и 1042 — в Северной Корее. Во всех других районах за границей находилось 76 780 человек. Около 67 тыс. японцев числились в Северной Маньчжурии, контролируемой Компартией Китая, и более 9 тыс. — в районах южных морей и других местах» ⁹⁷.

Было также подсчитано, что при соблюдении существующего соглашения, предусматривающего ежемесячную отправку в Японию 50 тыс. японцев, репатриация из контролируемых СССР районов должна была быть закончена через 15 месяцев. При этом эксперты рассуждали о возможности увеличения этого срока в случае возникновения неожиданных сбоев с транспортом. Не исключались также шансы на ускорение этого процесса в случае, «если Россия откликнется на готовность Японии выполнить задачу по репатриации в течение 5 месяцев, как об этом было заявлено на заседании Союзного Совета для Японии 29 октября» ⁹⁸.

Однако все эти оптимистические предположения вскоре рассеялись, когда советская сторона, как и в прошедшем году, объявила о приостановке репатриации в связи с зимними климатическими условиями. Это оказалось для японских властей совершенно непредвиденным обстоятельством, которое вынудило их отложить все свои приготовления к встрече новых партий репатриантов до весны будущего года.

Как сообщала газета «Ниппон таймс» 15 апреля 1948 г., японское правительство и его подразделения, имеющие отношение к работе по приему японцев — репатриантов из-за границы, с удовлетворением встретили сообщение о возобновлении в мае репатриации японских граждан из районов, контролируемых Советским Союзом.

Представители «Лиги членов парламента по оказанию помощи репатриантам» заявили, что первые суда, которые прибудут с

японскими репатриантами из СССР, будут торжественно встречены в портах Хакодате и Майдзуру. Сотрудники министерства здравоохранения, в свою очередь, подтвердили, что необходимая подготовка к приему репатриантов в портах Хакодате, Майдзуру и Сасебо уже полностью закончена. Кроме того, еще в 1947 г. государством было выделено 100 млн. иен для строительства общежитий для проживания репатриантов на Хоккайдо и в шести префектурах Японии и т. д.

Новый кабинет министров Японии столкнулся, по существу, с теми же задачами, которые не смогло осуществить прежнее правительство. В этой связи ставший премьер-министром Японии Хитоси Асида в своем интервью в Майдзуру открыто заявил: «До тех пор, пока позиция Советского Союза не изменится, я могу с сожалением сказать, что нет возможности для ускорения репатриации». Он высказался в критическом тоне в адрес министерства здравоохранения страны в связи с его прогнозами о возможности завершения репатриации японцев из СССР в текущем году и еще подчеркнул, что ответственность за репатриацию несет МИД Японии⁹⁹.

Реальные события подтвердили правильность этого предположения премьер-министра. В течение 1948 г. репатриация из СССР не только не была завершена, но и с наступлением очередного зимнего периода была полностью приостановлена по аналогии с прошлым годом. На это решение советской стороны не могло повлиять ни заявление японского правительства от 26 октября 1948 г. о готовности принять репатриантов, задержанных в СССР до наступления навигации, ни предложение штаба генерала Макартура предоставить ледоколы с целью предотвратить приостановку репатриации. Эти попытки нового нажима на СССР не возымели никакого успеха, и репатриация вновь была отложена до наступления навигационного периода будущего года, который также не был определен.

Решение советских властей о возобновлении репатриации было доведено до сведения японской стороны только 21 мая 1949 г. практически одновременно с заявлением Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации от 20 мая 1949 г.

Премьер-министр Японии прокомментировал это событие следующим образом: «Если даже принять во внимание то, что некоторые военнопленные японцы переданы китайским коммунистическим властям, а также смертность, то в Советском Союзе должно быть не меньше 300 тыс. военнопленных. Опубликованная же Советским Союзом цифра в 95 тыс. человек вызывает беспокойство у всех, у кого близкие находятся в плену. В этом вопросе

правительство будет действовать сообща со всеми политическими партиями»¹⁰⁰.

В связи с этими заявлениями 26 ноября на заседании финансовой комиссии палаты представителей наконец впервые были оглашены результаты этой кропотливой работы, которые, по мнению японского правительства, наиболее достоверно отражали реальное положение вещей. Было заявлено, что «в контролируемых Советским Союзом районах до сих пор содержится 386 929 человек»¹⁰¹.

Вместе с тем впервые обнародованные японским правительством официальные данные о количестве задерживаемых в СССР японских военнопленных вызвали в парламенте неоднозначную реакцию. С запросом по поводу достоверности этих цифр выступил депутат от компартии Сандзо Носака. Он потребовал от правительства разъяснения, на основании какой информации штаб генерала Макартура определил численность не вернувшихся из СССР японцев и имеет ли правительство свои данные по этому вопросу. Внимание присутствовавших также было обращено на то обстоятельство, что опрос семей перепатриированных, проводимый для выяснения этих данных, проходил некорректно и неточно и такой подход не дает основания для объективного обсуждения данного вопроса.

В ответ на это представитель министерства иностранных дел подтвердил, что при определении численности перепатриированных правительство исходило из данных штаба генерала Макартура и никогда официально не сообщало своих данных, хотя они существуют и переданы американцам.

Публикуемые в средствах массовой информации Японии статьи о жестокостях в советских лагерях и страданиях японских пленных еще больше подогревали чувство отчаяния японского народа и вынуждали японские власти искать новых путей для освобождения из плена своих граждан.

После неоднократных попыток найти самостоятельные пути для решения этого вопроса 15 декабря 1949 г. японский парламент решил обратиться к США с просьбой вмешаться в сложившуюся ситуацию и добиться от советской стороны необходимой информации о японских военнопленных, находящихся в СССР. В этой связи японские депутаты подписали соответствующую петицию, адресованную администрации США с просьбой о рассмотрении этой проблемы в рамках ООН.

1 февраля 1950 г. Комиссия по иностранным делам палаты представителей японского парламента провела очередные слуша-

ния по вопросу репатриации, приведшие к новому конфликту между коммунистами и официальными властями. В частности, коммунист С. Носака обвинил министерство иностранных дел Японии в том, что его сотрудники уничтожили документы, касающиеся данных о репатриации. Носака настаивал на расследовании в парламенте этого дела, заявив, что «он знает, когда и как были уничтожены документы, и может представить свидетелей в случае необходимости».

На это высказывание резко отреагировал начальник административного бюро министерства иностранных дел Вадзима, который, пытаясь снять это обвинение, вынужден был признать, что «некоторые ненужные бумаги были сожжены из-за опасения того, что в составе персонала министерства могут находиться коммунистические фракционеры».

Вместе с тем, пользуясь ситуацией, он сообщил парламентариям о том, что репатриация военнопленных из Советского Союза на сей раз будет продолжаться и в зимние месяцы, если японским ледоколам будет дозволено направиться в советские воды. Основанием для такого предположения давало то обстоятельство, что незадолго до этого советские власти впервые за время репатриации разрешили двум судам доставить военнопленных в зимнее время ¹⁰².

Одновременно с этим на заседаниях парламента обозначились и новые требования к советской стороне. Так, 3 февраля, выступая с интерpellацией в бюджетной комиссии палаты советников, правый социалист Эйити Накамура высказал точку зрения относительно того, что Япония должна выдвинуть свои требования к СССР по возмещению убытков семьям военнопленных за незаконное задержание в Советском Союзе. Однако эта идея не получила своего развития. Премьер-министр С. Иосида, присутствующий при этом, предпочел не усугублять и без того сложную ситуацию в отношениях с СССР, сославшись формально на отсутствие официальных дипломатических отношений между нашими странами.

Вместе с тем в своем ответе на интерpellацию другого депутата — Суэки Одзаки — в бюджетной комиссии палаты представителей премьер счел возможным заявить, что «число лиц, еще не репатриированных из Советского Союза, точно неизвестно. Однако, беря за основу численность лиц, которые были задержаны непосредственно после окончания военных действий, а также принимая во внимание сообщения репатриантов и доклад штаба генерала Макарута и т. д., я считаю, что в настоящее время на

советских территориях остается еще, по-видимому, около 379 тыс. человек»¹⁰³. В этой связи уместно сослаться на появившееся за два дня до этого заявления сообщение в японской прессе, рассказывающее о том, что «в отделениях благосостояния префектур было запрещено опубликовывать данные о числе не репатриированных из южных районов японцев»¹⁰⁴.

По данным министерства иностранных дел Японии, на территориях, контролируемых Советским Союзом, продолжало оставаться 314 тыс. японцев. Эта цифра была названа 3 марта 1950 г. в регулярном отчете о состоянии репатриации министерства иностранных дел. Причем, как ни парадоксально, но эта информация практически не подверглась никакой корректировке по сравнению с данными министерства, составленными на 1 мая прошлого года. Согласно им, на территории Сахалина, Маньчжурии и Сибири на тот период все еще находилось свыше 314 тыс. японцев¹⁰⁵.

Противоречивость очередного сообщения МИД вполне очевидна: в нем не были отражены результаты репатриации лета-осени 1949 г., не говоря уже о том, что, по признанию самого представителя японского МИДа, выступившего с этим отчетом, в 1950 г. впервые при помощи ледоколов репатриация продолжалась и в зимнее время. По словам этого сотрудника, официальные лица со стороны американских оккупационных войск в Японии были склонны считать всех этих людей погибшими, принимая во внимание высокий процент смертности среди японских военнопленных, особенно в начальный период их пребывания в плену.

25 апреля на пленарном заседании нижней палаты японского парламента от лица МИД Японии прозвучало заявление следующего содержания: «Согласно недавнему сообщению агентства ТАСС, репатриация японских граждан из Советского Союза окончена, за исключением 2400 человек военных преступников и нескольких больных. Это сообщение является всего-навсего сообщением агентства Советского Союза, — подчеркнул он. — Наше правительство считает, что на 23 апреля общее число не репатриированных соотечественников из Сибири, с Курильских островов, с Сахалина и из других районов составляет 309 тыс. человек. До сего времени правительство неоднократно обращалось через штаб генерала Макартура с просьбой сообщить о судьбе задерживаемых соотечественников, но правительство Советского Союза ни разу не ответило на нашу просьбу. Ввиду этого мы при содействии семей репатриантов и семей, главы или члены которых от-

сутствуют, занимаемся расследованием. Наше правительство надеется получить от Советского правительства официальный ответ о судьбе наших соотечественников»¹⁰⁶.

В качестве официального ответа со стороны СССР 8 июня последовало новое заявление ТАСС, которое вновь повторяло все до этого поступавшие данные о количестве репатриированных и в завершении констатировало, что, «несмотря на исчерпывающие данные, приведенные в этих официальных заявлениях, в Соединенных Штатах Америки и в Японии распространяются вымышленные сообщения о большом количестве военнопленных, якобы оставшихся на территории СССР. ТАСС уполномочен заявить, что указанные сообщения иностранных кругов имеют злобно клеветнический характер в отношении Советского Союза и имеют цель отвлечь внимание японского народа от политики США, направленной на экономическое и политическое закабаление Японии»¹⁰⁷.

В результате проведенного японским правительством официального расследования были обнародованы следующие цифры: 369 382 японца были еще не репатриированы из СССР и Маньчжурии, из них 309 070 все еще находились на территории СССР. Эти цифры привел в своем интервью 9 августа 1950 г. представителям печати в городе Нагоя депутат парламента Кусаба. Он также заявил, что резолюция по вопросу репатриации, принятая 7-й сессией парламента, была представлена Организации Объединенных Наций. И добавил, что, как он надеется, этот вопрос будет скоро поставлен на обсуждение в Комиссии ООН по вопросу о правах человека, а также на Генеральной Ассамблее ООН. При этом японские власти рассчитывали на учреждение специальной комиссии ООН для расследования положения дел с репатриацией на месте¹⁰⁸.

Наиболее четко позиция правительства была изложена в «Белой книге по репатриации», изданной 25 июля 1951 г. В ней сообщалось, что японское правительство зарегистрировало смерть 234 тыс. японских военнопленных в советских лагерях. В ней также отмечалось, что японские власти решительно требуют возвращения 78 тыс. военнопленных, все еще остающихся в СССР, и сведений о судьбе 29 тыс. без вести пропавших. Опубликованию этого документа предшествовала крупная манифестация семей военнопленных, находящихся в Сибири. Незадолго до этого в Иокогаме прошел митинг, на котором 900 делегатов единодушно решили объявить голодовку до тех пор, пока не будут приняты какие-либо положительные меры для освобождения военнопленных.

В «Белой книге» акцентировалось внимание на усилиях премьер-министра С. Иосида, передавшего председателю Генеральной Ассамблеи ООН два письма — 4 и 19 июня, в которых просил эту международную организацию вмешаться в этот вопрос и направить специальную комиссию для тщательного расследования на месте. Авторы «Белой книги» обвиняли СССР в плохом обращении с японскими военнопленными, в нарушении конвенций по правам человека.

В тот же день советский представитель опроверг содержание этого официального отчета и заявил, что в СССР находится в настоящее время не более 1500 военнопленных, из которых около тысячи находятся в пути на родину.

Выход «Белой книги» состоялся незадолго до подписания Сан-Францисского мирного договора в сентябре 1951 г., который начал для Японии не только прекращение состояния войны и нормализацию отношений со многими странами, но и окончание периода оккупации страны. Однако отказ СССР от присоединения к нему вновь поставил труднопреодолимые барьеры для установления двустороннего диалога с советскими властями.

По мере того, как приближалось время вступления в силу Сан-Францисского мирного договора, в Японии разгорались дискуссии по вопросу того, как строить свои дальнейшие отношения с СССР в связи с целым комплексом нерешенных двусторонних проблем, и в первую очередь с вопросом репатриации оставшихся на его территории японских военнопленных, ставшей одной из первоочередных общенациональных задач.

3. Особенности социальной адаптации бывших японских военнопленных на родине

Несмотря на взятый жесткий и наступательный тон в отношениях с СССР и настойчивые требования об ускорении репатриации японских военнопленных, японские власти столкнулись у себя в стране с практически невыполнимыми задачами по обеспечению репатриантов необходимыми условиями для нормальной и безболезненной адаптации к новым послевоенным реалиям. По возвращении на родину бывших военнопленных ожидали, пожалуй, не меньшие бытовые и психологические испытания, нежели в советском плену.

Тяжелое экономическое положение осложнялось миграционными процессами. После войны в Японию вернулось более 5 млн.

демобилизированных и репатриированных из бывших колоний. Их нужно было накормить, обеспечить жильем, работой. К тому же к прежним местам жительства возвращались и многие насильно призванные на работу в военную промышленность (их было более 6 млн. человек). На декабрь 1945 г. насчитывалось 13 млн. 200 тыс. человек, искавших новое место работы. В апреле 1946 г. число фактически безработных превышало 10% трудоспособного населения, а вместе с лишь частично занятыми — 20% ¹⁰⁹.

Как было написано в «Справочнике для репатриантов», изданном Бюро помощи репатриантам в г. Хакодате в мае 1947 г.: «Правительство и соответствующие органы, преодолевая исключительно тяжелые трудности, прилагают все свои усилия к тому, чтобы достойно встретить бывших солдат и офицеров всех степеней, прошедших величайшие испытания в борьбе за счастье своей родины, а также своих соотечественников, которые в качестве пионеров отдали свои силы в далеких заморских странах на благо и процветание своего отечества.

Однако мы сожалеем о том, что величайшие лишения, следовавшие в результате военного поражения, а также нищета и разруха в нашей экономике не дают возможности оказать Вам ту помощь, которую Вы по праву заслужили. Возвратясь после долгих лет разлуки на родину, Вам многое покажется странным, так как в результате поражения многое на родине изменилось, но Вам не следует падать в отчаяние. Вы должны дружно, как можно скорее приступить к строительству мирной Японии» ¹¹⁰.

Для встречи возвращавшихся на родину японцев штабом американских оккупационных сил были разработаны основные принципы репатриации. 6 мая 1946 г. штаб генерала Макатура издал обширный меморандум о репатриации под названием «СКАПИН-927», который отменил все изданные ранее директивы штаба по вопросам репатриации и установил общую политику репатриации японцев в Японии и неяпонцев из Японии, центры приема и отправки репатриантов в Японии, порядок обеспечения и перевозки репатриантов, медико-санитарный контроль, нормы и порядок ввоза и вывоза репатриантами валюты, акций, других ценных бумаг и имущества.

Для оказания помощи репатриантам при министерстве здравоохранения и социального обеспечения было создано специальное управление, в подчинении которого находились все репатриационные бюро на местах. Эти бюро располагались в каждом порту, где высаживались репатрианты. Начальником репатриационного бюро являлся губернатор соответствующей префектуры. В функции бюро

входили прием репатриантов, оказание им медицинской помощи, выдача справок о репатриации, снабжение их одеждой и продовольствием, предоставление временного жилья, оказание содействия по проезду по железным дорогам, перевозке багажа, оказания различного рода консультаций и т. д. Кроме того, все вопросы бывших военнослужащих находились в ведении первого (сухопутного) и второго (морского) отделов по демобилизации.

Работе правительственного Бюро помощи репатриантам в пунктах высадки репатриантов и на местах оказывали содействие две проправительственные гражданские организации — «Ассоциация по оказанию помощи соотечественникам» и «Ассоциация оказания помощи соотечественникам за границей». Первая из них возникла как орган оказания помощи пострадавшим в войне. Она имела центральное отделение в Токио и филиалы в каждой префектуре, причем губернатор каждой префектуры являлся по совместительству начальником этого филиала.

Вторая была организована, как это видно из ее названия, как орган помощи соотечественникам, находившимся за границей. Эта ассоциация практиковала командировки за границу своих представителей для оказания помощи соотечественникам. Внутри же страны она занималась работой в портах высадки репатриантов, а также в ее ведение входили такие вопросы, как предоставление репатриантам временного жилья и медицинской помощи, трудоустройство, оказание консультаций и помощь в составлении докладов репатриантов об их имуществе, оставленном за границей, и т. д.

Помимо этих двух основных гражданских организаций в Японии действовали и сотрудничали с правительственными органами и другие общественные организации: «Ассоциация содействия репатриантам, проживающим в Корее», «Ассоциация по оказанию помощи соотечественникам в Маньчжурии и Монголии», «Ассоциация по оказанию помощи японцам, проживающим в Китае». Эти организации имели свои участки работы в соответствии со спецификой каждой из них. Кроме того, в каждом порту по приему репатриантов имелись органы помощи последним, организованные из рабочих и служащих.

В дальнейшем была произведена реорганизация этих структур. Если первоначально отдельно существовали Управление по оказанию помощи репатриированным и Бюро по оказанию помощи демобилизованным, то с 31 мая 1948 г. начало функционировать вновь созданное Бюро по оказанию помощи репатриированным, созданное на базе двух вышеназванных организаций. Министер-

ство здравоохранения назначило генеральным директором вновь созданного бюро бывшего генерального директора Управления по оказанию помощи репатриированным Сёити Сайто.

Порядок высадки репатриантов устанавливался следующий. Порт высадки находился в полном ведении и под контролем оккупационных властей, которые строго следили за соблюдением установленных правил. Еще до прибытия на родину на борту корабля репатриантам выдавались анкеты, где следовало было указать свои имя и фамилию, профессию, постоянное место жительства после возвращения, состав семьи, состояние здоровья, наличие оружия и т. д.

После высадки на берег по указанию специального лица репатрианты формировались в группы для следования к месту карантинной службы. Здесь проходил досмотр багажа и личных вещей специальным представителем таможенной службы под наблюдением представителя оккупационных войск. Особое внимание обращалось на наличие писем, фотографий, вещей американского происхождения, оружия, биноклей, медикаментов и т. д. После получения разъяснений о порядке прохождения карантина производились дезинфекция вещей, прививка против оспы и профилактические инъекции, после чего производился личный медицинский осмотр.

После окончания осмотра репатриантам, включая демобилизованных, выдавалось одно удостоверение о репатриации на всю семью. Этот документ, являвшийся, по существу, удостоверением личности, был необходим при оформлении проезда к дому и поступлении на работу, при обмене старых денег на новые, получении дополнительного снабжения и т. д.

Обмен иностранной валюты производился отделениями японского банка на территории портов. При этом уже упоминавшимся меморандумом штаба оккупационных войск от 6 мая 1946 г. были строго определены ограничения на ввозимые в страну японские денежные знаки: для вольнонаемных — 1000 иен, для офицеров — 500 иен, унтер-офицеров и рядовых — 200 иен.

К категории разрешенных к ввозу финансовых документов относились обменные сертификаты на японские иены в пределах указанных выше сумм, выданные в портах Северного Китая, Южной Кореи, Маньчжурии; почтовые сберегательные книжки почтовой сберегательной системы, выданные на Южном Сахалине, Корее, Маньчжурии, Окинаве и странах южных морей, в Японии и на Тайване; почтовые и другие полисы страхования жизни и т. д. Конфискации и аресту подлежали деньги и денежные зна-

ки, ценные бумаги и сертификаты, превышающие вышеуказанные пределы, золотые и серебряные монеты.

Особо следует отметить, что бывшим военнопленным разрешался ввоз денег и ценных бумаг на сумму, которая соответствовала сумме накопленных ими средств из своего жалования во время пребывания в лагерях. Все ввозимые ценные бумаги покрывались японским правительством в соответствии с их нарицательной стоимостью. Однако репатриантам строго запрещался свободный ввоз иностранной валюты. В случае попытки ввоза в Японию иностранной валюты она подлежала конфискации и аресту до дальнейшего распоряжения штаба Макартура.

В этой связи уместно напомнить об обращении Компартии Японии в компетентные советские органы с просьбой об обмене на японские иены нелегально вывезенных из СССР репатриантами советских рублей. Ответ был заранее предсказуем: советские власти не несли ответственности за противозаконные действия граждан Японии, так как по национальному законодательству советские рубли не подлежали вывозу за границу.

В дополнение к общим правилам репатриации в Японии, установленным американскими оккупационными властями, репатрианты имели право провозить при себе одежду и личное имущество, имевшие ценность для владельца, но только в том объеме, в котором позволяла его ручная кладь. Эта установка касалась также определенной категории административных документов: справки о продвижении по службе, наградах, жаловании, состоянии здоровья, протоколы военно-полевых судов, свидетельства об арестах, списки пропавших без вести и дезертиров, официальные документы, необходимые для осуществления расчетов с семьями погибших и т. д.

После прохождения карантинного контроля производилась поименная проверка группы, после чего под руководством ответственного лица пешком или на машинах репатрианты направлялись в общежития. Ручной багаж брался с собой, тяжелые грузы передавалась специальной службе для доставки в общежитие.

Для проезда к местам проживания репатриантам выдавались рейсовые талоны и продукты питания на дорогу. Рейсовые талоны предъявлялись в столовых, в гостиницах, без них невозможно было купить даже чай на вокзале. Кроме того, каждому репатрианту предоставлялись билеты на проезд по железным дорогам, как государственным, так и частным.

Для отправки людей и багажа производилась разбивка по группам, по районам и пунктам следования. Иногда формировались

специальные поезда или пароходы. Большинство репатриированных предпочитали возвращаться домой в день прибытия на родину. Другие же были расквартированы в специальных общежитиях.

На территории порта при Бюро помощи репатриантам, а также при каждом общежитии были организованы консультативные службы. В портах были также организованы комнаты отдыха, почтовые отделения, магазин, места общественного питания, пункт медицинской помощи.

По возвращении к местам проживания демобилизованные должны были в первую очередь обратиться к местным властям (в городскую управу, сельскому старосте и т. д.) и доложить письменно о своем прибытии. Лица, считавшиеся погибшими на войне, но на самом деле оставшиеся в живых и вернувшиеся на родину, должны были сообщить об этом через местные власти по месту прописки в районный отдел содействия семьям военнослужащих и внести соответствующие исправления. После этого каждый должен был пройти необходимые формальности для того, чтобы беспрепятственно получать продовольствие, одежду и прочие товары первой необходимости.

Для репатриантов была разработана специальная система правительственной поддержки и социальных льгот для адаптации к новым реалиям жизни. В частности, им полагалась определенная материальная помощь. Если у репатриированной семьи имелось в наличии не более 500 иен, то государственным казначейством и «Ассоциацией по оказанию помощи соотечественникам» ей выдавалось по 50 иен на человека при условии, что общая сумма не превышала 500 иен. Репатрианты, не имевшие сменной одежды, могли ее получить по каналам социальной помощи.

С мая 1946 г. в целях помощи репатриантам, а также лицам, пострадавшим во время войны, безработным и т. п., народный банк стал выдавать ссуду в размере до 3000 иен на одну семью. Срок возвращения ссуды устанавливался в пределах 5 лет частями — ежемесячно или ежегодно. Для получения ссуды было необходимо представить гарантийное поручительство не менее одного лица и план предполагаемых работ. Более того, в течение года со дня возвращения на родину репатрианты освобождались от подоходного налога, а также имели некоторые льготы в области имущественного налога.

В реальности же эти меры зачастую оставались лишь на бумаге. Экономическое положение Японии в течение первых двух лет оккупации продолжало оставаться очень тревожным. Рост

производства мало прогрессировал. Даже в сельском хозяйстве, восстановление которого проходило относительно быстрыми темпами, объем производства в 1948 г. все еще не достигал довоенного уровня. Росла только инфляция. К январю 1946 г. стоимость прожиточного минимума в Токио выросла почти в 15 раз по сравнению с 1937 г., а номинальная заработная плата — примерно в 4,5 раза.

По данным объединенной организации по оказанию помощи репатрируемым, приблизительно из 6 млн. японцев, подлежащих репатриации, 4 млн. 700 тыс. было уже репатриировано и 1 млн. 300 тыс. в скором времени должны прибыть на родину. Из 4 млн. 700 тыс. репатриированных японцев лишь 20% получили работу. Многие же не имели жилья, зимней одежды и продуктов питания ¹¹¹.

По сведениям журнала «Дзирон», на 1 февраля 1947 г. из 3 млн. 410 тыс. бывших солдат 2 млн. 520 тыс., или 74%, являлись безработными. Помимо отсутствия работы многие репатрианты оказались без крова или в исключительно плохих жилищных условиях. По сообщению агентства Киодо Цусин 13 марта 1947 г., «приблизительно 70% репатриантов, вернувшихся в Токио, находятся в ужасных жилищных условиях» ¹¹².

Чтобы хоть в какой-то степени облегчить жизнь недавно прибывших на родину, японское правительство выступило с инициативой предоставить репатриантам кредиты с целью организации ими своего дела. Для этого, согласно первому правительственному плану, предполагалось выделить на эти цели общую сумму в 1 млрд. иен, по второму плану эта сумма снижалась до 660 млн. иен. Согласно третьему плану, который находился в то время в стадии разработки, непосредственно каждому репатриированному на обустройство предполагалось выдать по 7 тыс. иен. Об этом упомянул министр здравоохранения Японии в своей речи в парламенте 8 ноября 1947 г. ¹¹³

Следующий год не внес каких-либо позитивных изменений в создавшееся положение. По официальным статистическим данным, в 1949 г. только 22% репатриантов получили постоянную работу. В декабре 1949 г. в одном из районов Токио был произведен опрос самих репатриированных по просьбе Бюро по обеспечению работой. Предполагалось опросить 184 человека, однако 18 человек выехали в другие районы, на 14 человек сведения не были собраны. Из них безработных оказалось 23 человека, временно работающими разнорабочими или поденными рабочими — 7 человек, получили работу, но живут в бедности — 23 человека,

без постоянной работы было зафиксировано 28 человек, без определенных занятий — 45 человек, живут сносно — 15 человек.

По тем же данным, японское правительство закупило или заново построило следующее количество домов после войны: 1946 г. — 2500, в которых было вселено 186 096 человек, в 1947 г. — 227 домов для 29 тыс. человек, в 1948 г. — 6002 дома для 30 011 человек и в 1949 г. — 12 677 домов для 63 205 человек. Указанная жилплощадь удовлетворила нужды только 20% репатриированных, которых насчитывалось 6 млн. 500 тыс. человек. Дома почти совершенно не были оборудованы. Многие семьи вынуждены были жить в комнатах площадью около 2 кв. м или в антисанитарных условиях. Помощь деньгами и необходимыми материалами оказывалась лишь номинально — лишь 15 тыс. иен на одну семью и около 60 коек для каждой префектуры на зимнее время. Эти данные были приведены в петиции японских общественных организаций в адрес Генеральной Ассамблеи ООН от 9 октября 1950 г.¹¹⁴

О тяжелом положении в стране и бедственном положении вернувшихся на родину бывших японских солдат и офицеров открыто заявил генеральный директор Бюро по оказанию помощи репатриированным С. Сайто 17 апреля 1950 г. на митинге жителей префектуры Гумма. «Я должен с чувством сожаления констатировать, что некоторые репатрианты из-за нужды совершают такие трагические поступки, как самоубийство, — прояснил он ситуацию в стране. — Ввиду этого каждой семье выдается ссуда в размере 15 тыс. иен в виде фонда на благоустройство жизни. Я намерен добиваться увеличения этой суммы в два раза». Помимо этого, «на этот год было ассигновано 200 млн. иен для постройки 4 тысяч небольших домов для репатриантов»¹¹⁵.

Одновременно с этим японские власти уделяли большое внимание психологической адаптации репатриантов, чьи мировоззренческие ориентиры подверглись серьезной корректировке в советском плену, к новым условиям жизни. В этой связи японское правительство еще в первые годы репатриации разработало целый комплекс мер. И одним из первых стало решение об отправке на суда, предназначенных для репатриации бывших военнопленных и гражданских лиц, газет и другой литературы.

«В скором времени, — писала газета «Старс энд страйпс», — будет разработана программа, включающая чтение лекций капитанами судов, на которую министерство просвещения ассигновало 2 млн. иен». Представители министерства просвещения заявили корреспонденту агентства Ассошиэйтед Пресс, что «эта программа не рассчитана на противодействие каким-либо опреде-

ленным слухам. Почти 1 млн. лиц, подлежащих репатриации, прибудет из районов, контролируемых Советским Союзом, и, по всей вероятности, многим из них в течение длительного времени внушались идеи Советами»¹¹⁶.

Как указывалось в материалах американских оккупационных властей, «для Главнокомандующего и для представителей японского правительства по делам демобилизации, которые с момента окончания военных действий в 1945 г. внимательно следили за ходом репатриации, было очевидно, что степень идеологической обработки японских военнопленных в коммунистическом духе в Советском Союзе будет находиться в прямой зависимости от срока их пребывания в советских лагерях»¹¹⁷.

Американские разведывательные органы подробно описывали в своих отчетах эту систему идеологической обработки японских военнопленных в СССР, отождествляя ее с «громадной центробежной машиной, рассчитанной на то, чтобы переделать жизнь и политическое будущее каждого военнопленного в возможных пределах» и выделяя в ней несколько фаз.

Первая фаза — так называемая программа «просвещения», которая была рассчитана на то, чтобы искоренить вошедшие в привычку недоверие и ненависть к СССР.

Эта кампания, по мнению американцев, началась в лагерях в марте 1946 г., когда «горечь поражения, лишения, перенесенные за долгую холодную сибирскую зиму, ожесточающая работа при голодном пайке — все это ослабляло моральный дух пленных и их способности к сопротивлению. Единственной надеждой в их жизни стала надежда на репатриацию в ближайшее время. В этой обстановке полного уныния министерство внутренних дел сделало свой первый шаг, сформировав антифашистские группы под названием «Общества друзей» («Томо-но кай»). Они призывали всех интересующихся политикой и социальными проблемами вступить в дискуссионные группы, однако на этот призыв откликнулись лишь единицы»¹¹⁸.

По наблюдению американской разведки, в 1946 г. среди репатриантов были только пожилые и больные военнопленные, ибо эти лица не поддавались обработке. Среди них были сильны антикоммунистические и антисоветские настроения. Тем не менее, как следует из сообщения агентства Дзидзи Цусин 7 декабря 1946 г., по возвращении на родину они выразили недовольство в адрес премьер-министра Иосида, который уделил беседе с ними всего лишь 3 минуты и заявил о своем стремлении продолжать

бороться за возвращение своих соотечественников, которых игнорирует правительство ¹¹⁹.

Далее, по донесениям американской разведки, репатрианты 1947 г. уже выказывали некоторые признаки «перевоспитания». В 1948 г. еще в большей степени увеличилась степень идеологической обработки репатриантов, кульминационный момент которой наступил в ноябре. Тогда репатриированные впервые отказались сотрудничать с оккупационным персоналом и с японскими чиновниками в пункте для приема репатриантов в Майдзуру. Они не стали заполнять установленные формы, распевали революционные песни, позволяли себе оскорбительные выходки в адрес обслуживающего персонала во время раздачи продуктов и одежды.

Газета «Акахата» писала: «Пропорционально увеличению числа тех репатриированных из Советского Союза, которые осознали советскую демократию и возвращаются в Японию с тем, чтобы усиленно работать для реконструкции страны на основе своих убеждений, сформировавшихся во время работы в Советском Союзе, систематически увеличивается число актов насилия правых реакционных элементов по отношению к активистам демократических групп» ¹²⁰.

Акты насилия происходили на репатриационных судах, в лагерях для репатриированных, и даже в портах прибытия на родину. Имели место даже случаи убийства, о чем регулярно информировала коммунистическая печать, которая вместе с тем отмечала, что «правительство и полицейские власти, а также другие органы страны, которые должны защищать репатриантов от подобных действий, на деле скорее помогают этим бандитам из числа правых элементов» ¹²¹.

В связи с участвовавшими инцидентами такого рода 29 ноября 1949 г. коммунистическая фракция в японском парламенте вынуждена была даже сделать запрос об исчезновении репатриантов. Поводом для этого послужил случай, произошедший незадолго до этого, 4 ноября, в порту Майдзуру. После высадки с парохода 8 репатриантов были изолированы от других, подверглись допросу и после жестокого избиения под конвоем полиции отправлены на автомобилях в неопределенном направлении.

Не вдаваясь в подробности происходящих событий, японские власти ужесточили меры идеологического воздействия на прибывающих на родину японских репатриантов. Так, прибывшие 6 мая в Майдзуру репатрианты подверглись строгому обыску со стороны властей для выяснения того, не имеют ли они при себе каких-либо газет, журналов, книг, оружия или других запрещенных ве-

шей, после чего они были отправлены в отведенное для них помещение и в течение двух дней подвергались проверке их мировоззрения. После этого чиновники министерства просвещения произнесли нравоучительные речи и распространили среди них газеты, изданные министерством просвещения.

Для получения сведений разведывательного характера в отношении СССР штаб генерала Макартура стал практиковать усиленные допросы бывших японских военнопленных. Ежедневно на допросы, продолжавшиеся с 7 часов утра до 5 часов вечера и проводимые американскими офицерами японского происхождения, вызывалось до 100 человек. Во время допросов репатриированные обязаны были давать подробные показания о военных и промышленных объектах. Все расходы по осуществлению этой работы оплачивались японским правительством¹²².

Обращает на себя внимание, что в одном из финансовых документов за 1947 г. был обнародован официальный отчет за подписью министра финансов Японии Такэо Курусу о расходах резервного фонда за период с 16 мая по 27 июня 1947 бюджетного года. Во втором пункте отчета о расходах по министерству внутренних дел говорилось, что «расходы на допрос репатриантов по приказу Главнокомандующего союзных держав в портах Сасебо, Майдзур, Хакодате и Саката составили 2 580 000 иен. Все вышеупомянутые порты заняты приемом японских репатриантов из Советского Союза»¹²³.

11 августа 1949 г. правительство опубликовало следующее заявление: «В соответствии со статьей 9-й Потсдамского соглашения, после безоговорочной капитуляции Японии и разоружения армии военнослужащие возвращаются к себе на родину и обеспечиваются работой. Обязанность правительства Японии, возложенная на него верховным командующим союзными войсками в Японии, состоит в том, чтобы предоставить каждому военнослужащему возможность беспрепятственно вернуться на родину. Между тем в последнее время поведение репатриантов носит ненормальный характер. С чувством сожаления приходится констатировать случаи беспорядков. Однако репатриированные не виноваты в таких беспорядках, так как эти беспорядки происходят не по вине большинства. Не подлежит сомнению, что причина возникновения беспорядков заключается в том, что, будучи в лагерях, репатрианты находились под влиянием особой составляющей меньшинства среды, а также подвергались специальной обработке. Таким образом, цель этого специального мероприятия правительства состоит в том, чтобы предоставить военноплен-

ным возможность быстро вернуться на родину, не став жертвой насилия и произвола» ¹²⁴.

В этих целях правительство ввело в действие специальный императорский указ № 300, обязывающий возвращающихся из-за границы репатриантов вести себя в рамках этого закона. Указ призывал репатриантов размещаться по установленным для них поездам, ограничивал право посадки на электропоезда только членами семей репатриированных, регулировал порядок приветствий репатриантов на станциях, запрещал оказание всякого давления на возвратившихся на родину военнопленных ¹²⁵.

Наблюдение за репатриантами в 1949 г. привело представителей американских оккупационных властей к выводу о том, что их деятельность отличалась интенсивностью и скоординированностью по сравнению с предыдущим годом ¹²⁶. Об этом они судили даже по первым акциям протеста репатриированных в порту по прибытии на родину, которые зачастую перерастали в крупные политические акции и коммунистические митинги по всей стране.

Как сообщал токийский корреспондент агентства Франс Пресс 2 июля 1949 г.: «Прорусские действия репатриированных объясняются, по-видимому, двумя причинами: во-первых, большинство репатриированных являются новообращенными коммунистами... Во-вторых, репатриированные совершенно уверены в том, что их возвращение стало возможным в результате усилий советских властей, а не штаба Макартура...» ¹²⁷

О приверженности репатриантов коммунистической идеологии можно судить и по другим сообщениям печати, в которых говорилось о том, что многие из них покидали встречавших их в портах или на железнодорожных станциях родственников и сразу же отправлялись на коммунистические митинги, в штаб компартии или в советскую миссию в Токио, чтобы засвидетельствовать советским представителям свою благодарность.

Как сообщало агентство Ассошиэйтед Пресс 29 июня 1949 г. из Вашингтона, представители государственного департамента заявили по этому поводу, что «Советский Союз проводит активную кампанию, рассчитанную на “коммунизацию Японии изнутри”». В качестве доказательства эти представители ссылались на сообщение о том, что 2 тыс. бывших японских военнопленных, вернувшихся в Японию из Советского Союза в составе последней партии репатриантов, по прибытии на родину распевали коммунистические песни. Основываясь на этих и других фактах, они предсказывали, что «93 тыс. других военнопленных докажут, как они хорошо обучены советской идеологии» ¹²⁸.

Выступая 9 июля в Сан-Франциско, председатель Союзного Совета для Японии У. Себолд признал, что «в связи с репатриацией демократически настроенных японцев из Советского Союза Соединенные Штаты столкнулись с серьезными проблемами в отношении компартии Японии», — подчеркнул он ¹²⁹.

4. Репатриации японских военнопленных и борьба с коммунистической идеологией в Японии

Опасность распространения в Японии коммунистических идей и рост влияния Коммунистической партии в связи с репатриацией значительной массы японцев из советского плена не переставали беспокоить японские правительственные круги и американские оккупационные власти. Они были поставлены перед необходимостью предпринять активные меры по противостоянию так называемой «коммунистической угрозе». В их число был включен план постоянного контроля над так называемой «коммунистической деятельностью» тысяч бывших военнопленных, репатриированных из Советского Союза, к подготовке которого японское правительство приступило в 1949 г.

Вопрос о репатриации японских военнопленных из СССР стал предметом острой политической борьбы японского правительства с Коммунистической партией Японии.

Задержка возвращения на родину бывших военнослужащих Квантунской армии искусно использовалась официальными кругами Японии в качестве довольно эффективного рычага давления на компартию для подрыва ее растущего авторитета и популярности коммунистических идей среди населения страны.

С другой стороны, японские коммунисты старались противостоять мощной антисоветской кампании в стране, развернутой под предлогом проблемы репатриации японцев с советской территории, которая ширилась по мере ухудшения отношений между США и СССР.

После роспуска 14 сентября 1945 г. «Политической ассоциации Великой Японии» в стране началось образование настоящих, самостоятельных и неподконтрольных государству политических организаций. Освобожденные из тюрем коммунисты немедленно начали восстановление партии, практически полностью разгромленной еще в 1935 г. жестокими репрессиями со стороны правительства.

Численность коммунистической партии в эти годы заметно росла, в том числе и за счет репатриировавшихся на родину бывших военнопленных, прошедших соответствующую идеологическую обработку в советских лагерях.

Как указывало агентство Телепресс 8 декабря 1948 г. со ссылкой на печатный орган КПЯ — газету «Акахата», «ежедневно организации японской коммунистической партии во всей Японии получают около 500 заявлений о приеме в члены компартии. Среди лиц, подавших заявления о приеме в компартию, насчитывается 6 тыс. бывших японских военнопленных, возвратившихся недавно из Сибири»¹³⁰.

Рост влияния компартии в первые послевоенные годы в значительной степени стимулировался задачами преодоления острого социально-экономического кризиса в стране, критикой агрессивного курса политики прежнего руководства среди широких слоев населения. И поскольку цели совпадали с основными задачами оккупационной политики на первом этапе оккупации, поначалу коммунисты и оккупационные власти избегали всякого рода конфронтации друг с другом.

Однако по мере кардинального изменения внутривнутриполитической ситуации в стране в сторону сворачивания оккупационными властями демократических реформ политическая линия компартии Японии стала приобретать все более ярко выраженный антиамериканский характер. В стране все отчетливее наблюдалось усиление политического диктата США и экономической стабилизации по американскому образцу, предполагавшему неизбежную консервацию бедности путем сокращения рабочих мест, урезания зарплат, ухудшения условий труда и т. д.

В начале 1948 г. КПЯ взяла курс на создание «национально-демократического» фронта, одной из целей которого должно было стать «обеспечение независимости Японии». Позже эти антиамериканские настроения отразились в публикации 6 января 1950 г. программной статьи «К положению в Японии» в газете Коминформа — международного органа коммунистических партий того времени — «За прочный мир, за народную демократию». Статья ориентировала японских коммунистов на борьбу за «независимость Японии», за «безотлагательное заключение справедливого мирного договора», «скорейший вывод американских войск» и т. д. Уничтожающей критике подверглись взгляды одного из руководителей КПЯ С. Носака о наличии в послевоенной Японии предпосылок для осуществления мирного перехода к социализму даже в условиях оккупационного режима.

На фоне серьезного консервативного поворота в политике Японии выделялся заметный успех коммунистов на состоявшихся в январе 1949 г. выборах в палату представителей. Число их депутатов возросло с 4 до 35. Однако компартия, оставаясь в оппозиции, не смогла воспрепятствовать принятию японским парламентом целого свода законодательных актов, направленных, по существу, на сворачивание демократических реформ в стране.

В этих целях в апреле 1949 г. был принят указ о «контроле над организациями» (апрель 1949 г.). Согласно этому нововведению, политическим организациям вменялось в обязанность представлять списки своих членов, сведения об идеологическом и политическом направлении деятельности и т. д. В мае 1949 г. был пересмотрен закон о профсоюзах с целью воспрепятствовать политизации профсоюзного движения.

Появление статьи Коминформа, а затем такого же рода публикации в органе КПК «Жэньмин жибао» создавали почву для обвинений японских коммунистов в злонамеренных действиях по указаниям из-за рубежа или же в тесном заговоре с СССР и Китаем. Этим же целям, в частности, служила мощная пропагандистская кампания, развернутая в 1950 г. вокруг генерального секретаря ЦК КПЯ Кюити Токуда.

Поводом для ее начала стало обвинение в адрес Токуда в поддержке репатриации японских военнопленных из СССР, сделанное по прибытии на родину группой репатриантов, объединенных в антикоммунистическую группировку «Восходящее солнце». Их руководитель Дзэндзи Кубота, в частности, заявил, что якобы служащие в советском лагере для военнопленных в Ташкенте в сентябре 1949 г. рассказали, что лидер японских коммунистов просил русских задержать реакционно настроенных военнопленных, отказывающихся от вступления в компартию, на работах в России. Другие рассказывали такую же историю, якобы услышанную в советском лагере в Караганде. Но так или иначе, под этим утверждением подписалось более 300 репатриантов. Это стало основанием для обращения бывших военнопленных в парламент Японии с целью установления истины в этом вопросе.

Широкий общественный резонанс получили, в частности, резкие высказывания японских коммунистов по поводу расхождения данных о количестве японцев, находившихся в Советском Союзе, представленных японским правительством и штабом генерала Макартура, с одной стороны, и советским правительством — с другой. «Советское правительство, — говорилось в заявлении КПЯ от 21 мая 1949 г., — объявило о том, что в течение этого года оно

репатрирует 95 тыс. японцев, все еще остающихся в Советском Союзе... расхождение между данными, опубликованными советским правительством, и оценками японского правительства значительны. Это произошло, главным образом, из-за небрежности японских чиновников в Маньчжурии и Корее и неправительственных учреждений в первые дни после капитуляции. Наверное, нельзя было бы отождествлять число японцев, находившихся в Маньчжурии и Корее в момент капитуляции, с числом японцев, задерживаемых Советским Союзом»¹³¹.

Эти и другие действия и высказывания коммунистов заставили японские власти дать ответный вызов компартии, начав против нее открытую борьбу. Для этого были использованы вышеприведенные обвинения в адрес руководства КПЯ, что и послужило основанием для вызова 17 февраля 1950 г. в парламентскую комиссию по репатриации палат обоих коммунистов — К. Токуда и С. Носака под предлогом выяснения обстоятельств дела.

Идея расследования деятельности лидеров КПЯ сразу же получила поддержку в Союзном Совете для Японии. Представитель от Британского содружества наций У. Ходжсон, в частности, настаивал на том, что, «если письмо генерального секретаря компартии Токуда советским властям об отстранении от репатриации не перевоспитавшихся в коммунистическом духе японских военнопленных соответствует действительности, то такое действие является большим преступлением и изменой родине»¹³².

Этот инцидент незамедлительно вызвал реакцию со стороны советских властей, опровергших по каналам ТАСС эти обвинения в адрес японских коммунистов как чистейший вымысел. Тем не менее, факт тесных контактов руководителей двух партий в тот период был вполне очевиден.

Вполне закономерно, что в такой политической ситуации так называемое «дело Токуда» сразу же приобрело ярко выраженный характер политического заказа. После приема к рассмотрению этого вопроса парламентской комиссией обеих палат и соответствующего заявления по данному поводу Союзного Совета для Японии к его расследованию подключились правительственные органы и партийные структуры.

По сообщению газеты «Майнити», 23 марта 1950 г. «Комиссия по репатриации при палате советников закончила следствие по «делу Токуда». Несмотря на полное отсутствие каких-либо доказательств, кроме нескольких показаний, комиссия пришла к заключению, что «Токуда якобы действительно просил советские власти задержать репатриацию реакционных элементов». Комис-

сия рекомендовала привлечь Токуда к ответственности. По мнению комиссии, «инструкция компартии за № 347 от 2 апреля 1949 г., в которой указывается, что репатрианты 1949 г. будут политически активнее, чем в 1948 г., свидетельствует о связи между японской компартией и Советским правительством»¹³³.

Результаты работы комиссии были опубликованы 27 марта 1950 г. в официальном докладе, составленном в результате 10 заседаний комиссии и после того, как были заслушаны 49 свидетелей, в том числе сам Токуда.

Судя по информации агентства Киодо Цусин, в конечном итоге «против компартии были выдвинуты обвинения в задержке репатриации со стороны антифашистских комитетов японских военнопленных в СССР; организации сбора подписей военнопленных под благодарственными письмами И. В. Сталину; направлении компартией Японии ряда писем в лагеря военнопленных, что указывает на связь ее руководителей с советскими властями; участии в собрании, состоявшемся в лагере в Караганде, на котором было заявлено о просьбе Токуда; оказании коммунистами давления на лиц, представивших в Комиссию по репатриации материалы по этому делу»¹³⁴.

В свою очередь, один из руководителей компартии Иосио Сига в газете «Дзидзи Симпо», отвергая обвинения в адрес К. Токуда, заявил, что «Комиссию по репатриации намерены превратить в комиссию по расследованию антияпонской деятельности»¹³⁵. Со своей стороны представители Либеральной партии в письме к председателю комиссии настаивали на том, что не только К. Токуда, но и японская компартия в целом препятствовала репатриации японских военнопленных из СССР и предлагала начать общую атаку против компартии, вызвав ее руководителей Сандзо Носака и Рицу Ито для показаний в специальную следственную комиссию.

29 марта 1950 г. палата советников японского парламента большинством голосов приняла резолюцию, в которой на основании представленного доклада рекомендовала правительству Японии немедленно принять меры для расследования «просьбы» Токуда. За резолюцию было подано 89 голосов, против — 26.

Как было указано в докладе председателя Комиссии по репатриации, «комиссия пришла к заключению, что К. Токуда должен нести политическую ответственность за посылку писем в лагеря военнопленных в СССР и за инструкцию коммунистической партии за № 347. Комиссия считает попытку Коммунистической партии Японии “насильно” привлечь репатриированных в партию

достаточным основанием для постановки вопроса о возможности ее существования как политической партии»¹³⁶.

28 апреля комиссия заслушала показания К. Токуда. На сей раз в центре внимания оказались отношения между КПЯ и Коминформом, а также репатриированными. Однако Токуда попытался уйти от конкретных ответов на задаваемые ему вопросы. «Между Коминформом и японской компартией нет никаких тесных и конкретных связей, а что касается критики Коминформом члена политбюро Носака, то Коминформ выступил со свободной критикой, а это вполне естественно и нормально было выступить на это с самокритикой», — заявил К. Токуда¹³⁷.

Не менее сдержанными выглядели и высказывания генерального секретаря по поводу разницы в данных о количестве задерживаемых в СССР японцев, которые приводились в сообщениях штаба генерала Макартура и советского правительства. Понимая провокационный характер этого вопроса, заданного представителями Либеральной партии с намеком на хорошо известную позицию компартии по этой проблеме, К. Токуда попытался лишить их возможностей для новых нападков в свой адрес. «В настоящее время, — сказал он, — мы по своему положению не имеем права критиковать официальные сообщения штаба Макартура или сообщения правительства другого союзного государства»¹³⁸.

Итогом этого заседания стал предварительный доклад, в котором, подобно аналогичному документу верхней палаты, содержалось заключение о том, что «Коммунистическая партия Японии якобы препятствовала репатриации японцев из СССР», и так называемая «просьба Токуда» имела место в действительности. В докладе утверждалось, что существовала связь между демократическим движением среди военнопленных в СССР и японской коммунистической партией, а также между газетами «Нихон симбун» и «Акахата»¹³⁹.

Это были старые, хорошо известные аргументы в поддержку обвинения, однако вскоре к ним добавилась и совершенно новая аргументация. Токуда обвинили в лжесвидетельстве, аргументировав это, в частности, различиями в его показаниях на допросах в комиссиях верхней и нижней палат парламента соответственно 16 марта и 28 апреля 1950 г. С этим заявлением выступили председатели обеих комиссий. Сославшись на отсутствие закона о подобном рода действиях, в парламенте было принято решение о передаче этого дела в органы прокуратуры уже в начале мая и начале судебного преследования против К. Токуда.

Такое решение стало сигналом для начала открытого наступления на КПЯ. В начале июня 1950 г. оккупационные власти распорядились отстранить от политической деятельности 24 члена ЦК КПЯ, а затем 17 ответственных работников газеты коммунистов «Акахата».

С началом корейской войны штаб генерала Макартура запретил ее издание. КПЯ продолжала деятельность на полулегальном положении. С июля 1950 г. по указанию оккупационных войск развернулась «чистка красных», начавшаяся с увольнения коммунистов и сочувствующих им людей из органов массовой информации. Затем она распространилась и на частные предприятия, причем широко использовались списки членов КПЯ, представленные правительству по указу «О контроле над организациями». С июля по ноябрь 1950 г. число лишившихся работы в результате «чистки красных» превысило 12 тыс. человек¹⁴⁰. Одновременно с этим глубокая реорганизация коснулась и профсоюзного движения ввиду недовольства деятельностью в них коммунистов, навязывавших «курс на насильственную революцию».

Несмотря на явно политический характер этих акций, японская компартия сама давала немало оснований для того, чтобы в японском обществе было сформировано представление о коммунистах как о сторонниках «насильственной революции». Достаточно напомнить о так называемой «Программе 1951». Она представляла собой политическую линию сторонников генерального секретаря ЦК КПЯ К. Токуда, разработанную в условиях спровоцированного публикацией Коминформа раскола КПЯ.

Ее опубликованию в октябре 1951 г. предшествовали консультации в Пекине, а затем в Москве, в том числе непосредственно с И. В. Сталиным. Хотя программа не содержала прямых призывов к применению вооруженных методов осуществления «национально-освободительной демократической революции», она, тем не менее, способствовала тому, что в практической деятельности КПЯ на некоторое время утвердился так называемый «военный курс».

Была сделана попытка применить китайский опыт «народной войны» вплоть до формирования военных баз в горах, создания крестьянских организаций самообороны и ведения вооруженной борьбы. Впрочем, чаще всего это не выходило за пределы намерений, поскольку реальных условий для проведения в жизнь «военного курса» в Японии не было.

Однако увлечение японских коммунистов политическим радикализмом имело пагубные последствия для самой партии. Ее политические лозунги уже не соответствовали интересам боль-

шинства населения страны, желавшего прежде всего стабильности и улучшения своего материального положения. В условиях активной борьбы японского правительства и оккупационных властей с коммунизмом «ультралевизна» КПЯ привела к резкому падению престижа партии и на несколько лет фактически вычеркнула ее из политической жизни страны. КПЯ растеряла свое прежнее влияние и в рабочем движении¹⁴¹.

В этом смысле идеи советского руководства о послевоенной «коммунизации» Японии изнутри и подготовленной для этих целей в советских лагерях «пятой колонны» из числа японских военнопленных потерпели политический крах. Однако при этом следует признать, что немалая часть этих людей, прошедших идеологическую обработку в советском плену, либо и в дальнейшем сохранили свою приверженность коммунистической идеологии, либо пополнили собой ряды профсоюзного актива и движения за дружбу с СССР, в той или иной степени оказывая поддержку его внешнеполитическому курсу и сохраняя дружеские чувства к советскому народу.

Другие же поставили себя вне политики и активно включились в предпринимательскую деятельность, успешно развивая свой малый и средний бизнес. Третьи же стали видными фигурами политического и делового мира Японии. В числе их следует назвать в первую очередь бывшего премьер-министра Японии Со-сукэ Уно, почетного президента фирмы «Иточу» Рюдзо Сэдзима и других.

Глава V

ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС МЕЖДУ СССР И ЯПОНИЕЙ ПО ВОПРОСУ РЕПАТРИАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ЕГО РОЛЬ В ДЕЛЕ НОРМАЛИЗАЦИИ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

1. Политические инициативы СССР и Японии в отношении осужденных в Советском Союзе японских военнопленных в условиях прерванных дипломатических отношений

С вступлением в силу Сан-Францисского мирного договора 28 апреля 1952 г. США и американские оккупационные органы уведомили советские представительства в Дальневосточной комиссии в Вашингтоне и в Союзном Совете для Японии в Токио о прекращении существования указанных союзных органов в связи с окончанием оккупационного периода. Одновременно с этим остро встал вопрос о закрытии советской военной миссии в Токио, существовавшей в качестве представительства советской части Союзного Совета для Японии.

Об этом заблаговременно 3 апреля 1952 г. предупредил советские власти представитель МИД Японии, сославшись на то, что с момента вступления в силу мирного договора с Японией дальнейшее пребывание советской миссии на территории страны пе-

рестает быть законным и может быть истолковано только как пребывание представителя оккупационной державы. Он особо подчеркнул, что любая попытка Советского Союза продолжить оккупацию Японии является нарушением соглашения 1945 г. При этом имелась в виду договоренность, достигнутая на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в 1945 г., которая предусматривала, что единственным оккупационным административным органом должен был быть штаб союзных войск.

Одновременно с этим в заявлении японского дипломата было сделано предположение о том, что Советский Союз и Япония будут продолжать пребывать в состоянии перемирия и что мирный договор должен будет заменить Потсдамскую декларацию, положения которой распространялись на отношения между двумя странами на текущий момент. При этом японские официальные круги допускали и реальную возможность поддержания необходимых контактов с СССР через третью страну.

В этой ситуации японское правительство решило предпринять хитрый политический маневр, связав воедино две проблемы — проблему репатриации японцев из СССР, в скорейшем разрешении которой была заинтересована японская сторона, и проблему пребывания в Токио советской военной миссии после роспуска Союзного Совета для Японии, что не могло не беспокоить советское правительство. Однако советские власти не решались начать переговоры по этим вопросам. В этой связи в Токио полагали, что японское правительство даст соответствующую инструкцию своему послу в Вашингтоне установить контакты с послом СССР в США с целью начала переговоров.

Однако вопреки ранее сделанным заявлениям и предположениям аналитиков японское правительство отказалось от идеи прямых переговоров с СССР. Было решено вновь прибегнуть к обращению в Специальную комиссию ООН по военнопленным, Международному Красному Кресту и Ватикану. Об этом заявил 27 мая 1952 г. на заседании Специальной комиссии по делам репатриации при нижней палате японского парламента министр иностранных дел Японии К. Окадзаки. Он заверил депутатов, что японское правительство приложит все усилия, чтобы добиться репатриации японских граждан, все еще задерживаемых за границей.

Одновременно с этим МИД приступил к контрмерам против СССР. 20 мая было объявлено, что советским гражданам в дальнейшем не будет даваться разрешение на въезд в Японию. Параллельно с этим японские дипломаты продолжали поиск путей, для

того чтобы официально сообщить Советскому Союзу о том, что пребывание членов его военной миссии в Японии больше желательно, поскольку после вступления в силу мирного договора они лишались права нахождения в Японии¹⁴².

30 мая 1952 г. внешнеполитическое ведомство Японии вновь напомнило СССР о том, что советская часть Союзного Совета для Японии прекратила свое существование. В ответ на это представление 11 июня советское правительство выступило со своим заявлением. В нем подчеркивалось, что «ссылка японского правительства на вступление в силу сепаратного мирного договора не может служить законным основанием для указанного выше заявления по поводу Представительства СССР в Японии, поскольку роспуск Союзного Совета для Японии был предпринят правительством США в одностороннем порядке в связи с незаконным сепаратным договором и без согласия правительств СССР и КНР»¹⁴³.

В продолжение этих событий 6 июля министр иностранных дел Японии К. Окадаки заявил в Комиссии по иностранным делам нижней палаты парламента, что «японское правительство может рассмотреть вопрос о дальнейшем пребывании советской миссии в виде торгового представительства, если Советский Союз прежде сделает ясное заявление о том, что возвратит не репатриированных граждан Японии»¹⁴⁴.

Для советских дипломатов началась непростая борьба за сохранение последнего и единственного канала для поддержания двусторонних контактов с этой страной, в отношении которой в СССР по-прежнему вынашивались свои политические планы. Представительство продолжало существовать — вначале без всякого юридического статуса, затем под видом торгового представительства, после того — представительства по вопросам рыболовства, и в конечном итоге, продержавшись до 1956 г., оно было превращено в советское посольство в Японии.

Думается, что с японской стороны это явное игнорирование всех дипломатических канонов являлось не простым политическим попустительством, а диктовалось стремлением сохранить за собой потенциальную возможность для возобновления двустороннего, прежде всего делового, а затем и политического диалога с СССР. Москва же, в свою очередь, предпринимала осторожные попытки «навести мосты» с официальным Токио с целью заключения двустороннего мирного договора и хотя бы с опозданием, но все-таки перехватить инициативу из рук США по контролю над этой страной.

В этой ситуации определенным барометром политических настроений советских руководителей, направленных на установле-

ние двусторонних политических, экономических и культурных контактов с Японией, стало новогоднее послание И. В. Сталина японскому народу по случаю 1952 г., переданное в Японию по каналам агентства Киодо Цусин. Советский лидер по просьбе главного редактора этого агентства К. Ивамото обращался к японскому народу с выражением глубокого сочувствия в связи со «страданиями», которые он испытывает в результате американской оккупации. Вслед за посланием в советской печати появился ряд статей в развитие этой темы.

Послание И. В. Сталина было оценено дипломатическими кругами как предвестник мирного наступления СССР в отношении Японии, которое может привести к серьезным результатам. Журнал «Ньюсуик» от 14 февраля 1952 г. писал в этой связи: «Москва ставит себе в качестве максимальной цели повернуть Японию против Запада или, по крайней мере, обособить ее от других стран. В качестве минимальной цели Москва старается обострить все трения, существующие между Японией и западными державами. Советы будут пытаться достичь этих целей, действуя во всех областях»¹⁴⁵.

В свою очередь, в Японии к новому посланию И. В. Сталина отнеслись неоднозначно. Официальные круги страны в лице ее премьер-министра С. Иосиды в качестве реакции на него сразу же потребовали возвращения на родину 350 тыс. японских военнопленных, которые, как там полагали, продолжали находиться на советской территории. Выступая на пресс-конференции, Иосида заявил, что «он не придает значения громким фразам, которые расходятся с делами. Если бы Советский Союз согласился отпустить на родину японских военнопленных, это можно было бы рассматривать как проявление доброй воли со стороны советского правительства»¹⁴⁶.

Почти сразу после послания И. В. Сталина СССР делает второй пробный шаг для претворения в жизнь своих стратегических планов. В феврале 1952 г. было объявлено о присуждении Сталинской премии за укрепление мира и дружбы между народами японскому ученому, председателю японского Комитета защиты мира профессору Икуо Ояма.

Ответ Икуо Ояма в форме открытого письма И. В. Сталину был опубликован в мартовском номере журнала «Кайдзо». В нем японский ученый и общественный деятель выражал свою радость по поводу присуждения этой премии и писал о том, что он принял ее «от имени прогрессивных масс Японии, в течение долгого времени борющихся за великое дело установления прочного мира во всем мире...»

«Послание Сталина японскому народу, — указывалось в письме, — сыграло большую роль в пробуждении народа. Оно явилось ярким выражением горячего сочувствия народов Советского Союза к народу Японии и вдохновило японский народ в его борьбе за национальную независимость. Послание Сталина ясно указывает дорогу всему японскому народу — рабочим, крестьянам и интеллигенции. Никогда не было такого обращения из-за границы, которое выражало бы такое полное понимание основных социальных, экономических и политических проблем, стоящих перед японским народом. Из послания, — говорится далее в письме, — чувствуется, с какой искренностью советский народ стремится к миру и горячо желает содействовать благосостоянию человечества...»¹⁴⁷

Вскоре после этого профессор И. Ояма посетил Советский Союз по официальному приглашению советских властей. На эту поездку в Москве делался крупный политический расчет. При этом просчитывался, в первую очередь, возможный вариант широкого общественного резонанса, который мог вызвать в Японии этот новый миролюбивый жест со стороны СССР. Но еще в большей степени советским лидерам важно было заявить о своей готовности к налаживанию диалога с Японией.

Одновременно с этим СССР перешел к новой, экономической, фазе мирного наступления. В апреле 1952 г. для подъема своего авторитета в мире и развития экономического партнерства с другими странами Советский Союз впервые за все послевоенные годы проводит в Москве международное экономическое совещание. Среди зарубежных делегатов еще в ноябре 1951 г. были приглашены и 30 гостей из Японии — представителей мелких и средних торговых фирм и предприятий, которые проявляли интерес к развитию контактов с СССР или же были торговыми партнерами СССР до войны.

СССР заранее предложил им выгодные сделки по углю, доступ к рыболовным участкам и другие льготы. Однако японские правительственные чиновники сделали все возможное, чтобы сорвать поездку в Москву представителям деловых кругов, проявивших заинтересованность в восстановлении экономических и торговых контактов с СССР. Им было отказано в разрешении на въезд в СССР под предлогом невозможности гарантирования безопасности на советской территории.

В этой ситуации группа японских бизнесменов 1 апреля 1952 г. направила в Москву в адрес участников совещания свое послание из Японии. В нем говорилось о том большом значении, которое придавалось в Японии этому событию, «имеющему целью укрепить мир между народами и повысить жизненный уровень пу-

тем развития международной торговли». Особо акцентировалось внимание на тех обстоятельствах, которые не позволили японской делегации принять участие в этом международном форуме. Основное обвинение в злоумышленном срыве этой поездки предъявлялось правительству С. Иосиды, которое, согласно тексту письма, инициировало «незаконно чинимые препятствия» для поездки японских представителей в СССР¹⁴⁸.

Приглашением Москвы смогли в конечном итоге воспользоваться только три делегата, в том числе бывшие депутаты японского парламента Кэй Хаяси и Комакити Миякоси, а также действующий депутат, член палаты советников японского парламента Томи Кора, совместившие свое участие в этом мероприятии с зондированием вопроса о судьбе японских военнопленных в Советском Союзе и Китае.

Их высказывания в отношении СССР широко цитировались в японской печати. Особый акцент делался на заявлении К. Хаяси о том, что «советские правительственные круги намерены репатриировать японских военных преступников после урегулирования дипломатических отношений с Японией и опубликовать в соответствующий момент списки умерших»¹⁴⁹.

Более подробно цель визита Т. Кора в Москву раскрывало сообщение газеты «Асахи». Согласно этому источнику, Т. Кора рассказала ее корреспонденту о том, что «представители министерства иностранных дел Советского Союза указали, что вопрос о японских военных преступниках должен быть решен одновременно с урегулированием дипломатических отношений»¹⁵⁰.

Вернувшись на родину, Кора ограничилась кратким заявлением. «Во время моей встречи с заместителем министра иностранных дел СССР Громыко, — сказала она, — я интересовалась японцами, которых задерживают в Советском Союзе. Заместитель министра иностранных дел Громыко любезно выслушал меня. Кроме того, я посетила госпиталь для военнопленных преступников и японское кладбище в Хабаровском крае. Я была утешена, когда увидела в госпитале очень хорошее обращение. На японском кладбище, которое находится от города Хабаровска в 32 километрах, погребено около 700 японцев. Вопреки предположению кладбище содержится в прекрасном состоянии»¹⁵¹.

18 апреля 1952 г. выходит постановление Совета Министров СССР «О репатриации из СССР военнопленных и интернированных лиц Японии». И перед советскими министерствами и ведомствами встал вопрос об установлении контактов с Японией для реализации поставленных в правительственном документе задач. В сложившейся ситуации наиболее простым вариантом представлялась отправка на

родину на советском судне. Однако, по мнению военных, а также Управления по делам репатриации, использование советского транспортного средства представлялось нежелательным ввиду возможных эксцессов во время плавания. И, таким образом, по-прежнему единственной возможностью оставалось войти в контакт с японской стороной с целью переговоров о предоставлении японского парохода в репатриационных целях.

6 мая 1952 г. МИД СССР представил в ЦК КПСС свои предложения «О мероприятиях по Японии», где среди серии инициатив предлагалось направить в МИД Японии заместителя политического советника, находящегося в Токио, и сообщить японцам о готовности советской стороны репатриировать из порта Находка 14 японских военнопленных и 267 японских граждан, отбывших наказание за уголовные преступления, при условии предоставления для этих целей японского транспортного средства. Однако это предложение МИД не получило поддержки в высших инстанциях.

Тогда для установления контактов с официальными японскими властями была предпринята попытка использовать обращение специального корреспондента агентства Японии Киодо Цусин Дзиро Саката в отдел печати МИД СССР по поводу осужденных японских военнопленных. Это обращение как нельзя лучше вписывалось в планы советского руководства.

Наряду с вопросами о количестве находившихся в СССР японских военных преступников японский корреспондент делал особый акцент на выяснении деталей того, были ли сделаны со стороны японского правительства прямо или косвенно какие-либо официальные запросы относительно дальнейшей судьбы японских военнопленных. Возможно, это был определенный зондаж со стороны японских официальных кругов. Тем не менее, это обращение создавало и для советских чиновников благоприятный повод для информирования японской стороны о готовности СССР к продолжению переговоров о репатриации.

Используя этот момент, территориальный отдел и отдел печати МИД предлагали дать подробное сообщение с указанием точного числа японцев, подлежащих репатриации, а именно: 14 военнопленных и 267 интернированных гражданских лиц. Кроме того, в эти же списки репатриантов рекомендовалось зачислить 11 японских моряков, нарушивших советские территориальные воды. Однако в конечном итоге в связи с тем, что японские власти к этому времени ни разу не обратились непосредственно к советским властям по данному вопросу, было принято решение не проявлять заинтересованности в этом вопросе и ограничиться лишь кратким ответом на запрос японского корреспондента.

12 июня специальный корреспондент агентства Киодо Цусин сообщил из Москвы, что он получил ответы на 13 вопросов, которые были заданы им заведующему отделом печати МИД СССР Ю. П. Францеву относительно японских военнопленных. По словам Саката, «в ответах заведующего отделом печати министерства иностранных дел указывается, во-первых, что японские военные преступники, находящиеся в СССР, уже получили право переписываться со своими родными и знакомыми, поэтому теперь все дело зависит от самих плененных, и, во-вторых, что число японских военных преступников, оставшихся в Советском Союзе, соответствует числу, которое несколько раз до этого сообщалось»¹⁵².

Советская сторона все еще ожидала инициативы о начале переговоров с японской стороны. По этой причине МИД отклонил предложение Управления Уполномоченного СМ СССР по делам репатриации о вызове в порт Находка японского парохода для отправки японских репатриантов, объясняя это в своем письме от 18 июня 1952 г. тем, что «в настоящее время признано нецелесообразным обращаться по нашей инициативе в МИД Японии по вопросу вызова японского парохода в порт Находка за репатриантами и что со стороны японских властей никакой просьбы по этому вопросу пока не поступало»¹⁵³.

По указанию министра иностранных дел Управлению Уполномоченного СМ СССР по делам репатриации было рекомендовано обратиться в Бюро Президиума СМ СССР с предложением предоставить Уполномоченному по репатриации право отложить исполнение соответствующего постановления СМ СССР до установления контактов. Однако до получения этого письма МИД Управление уже проинформировало Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина о состоянии дел с выполнением вышеуказанного постановления, но никаких указаний сверху не последовало.

В конце июля 1952 г. Бюро Президиума СМ СССР рассмотрело внесенное МИД, МГБ и МВД предложение разрешить 267 японским гражданским лицам вести переписку со своими родственниками в Японии. Смысл этой акции заключался в том, чтобы довести до сведения этих граждан и японских военнопленных, которым переписка была разрешена распоряжением СМ СССР от 10 марта 1952 г., что ввиду отбытия ими срока наказания они могут быть репатриированы в Японию и что они могут известить об этом своих родственников в Японии. Попутно заметим, что этим же распоряжением предусматривалась возможность направления посылок из Японии для японских военнопленных и интернированных лиц, отбывших наказание в СССР.

При этом преследовалась основная цель — побудить их родственников в Японии подтолкнуть японские власти на установление контактов с советскими представителями по вопросу о репатриации. Но Бюро Президиума СМ СССР предпочло не принимать отдельного правительственного решения по данному вопросу и перепоручить МИД, МГБ и МВД рассмотреть его в рабочем порядке.

Со своей стороны, Япония не прекращала поиски обходных каналов для переговоров с Москвой. По сообщению Киодо Цусин, министерство иностранных дел Японии готово было дать инструкцию своему послу в одной из иностранных держав встретиться с советским послом или же обратиться за помощью к нейтральной стране, если советские власти разъяснят свою позицию в отношении репатриации японских военнопленных¹⁵⁴.

29 декабря 1952 г. японский посол в Индии Нисияма обратился к послу СССР К. В. Новикову и по поручению японского правительства просил «довести до сведения советского правительства, что освобождение японских преступников произвело бы в Японии большое впечатление и вызвало бы хорошие чувства в отношении Советского Союза»¹⁵⁵.

В Москве внимательно подошли к этой инициативе японской стороны. Она была вынесена на рассмотрение министра иностранных дел А. Я. Вышинского в служебной записке, подписанной заместителем министра иностранных дел Я. А. Маликом. Реакция была следующей: «МИД СССР, учитывая положение, создавшееся в вопросе репатриации японцев, считает целесообразным, по тактическим соображениям, использовать проявленную со стороны японского правительства инициативу, поручив т. Новикову ответить японскому послу в Индии, что соответствующие советские власти могли бы репатриировать в Японию японских военнопленных и гражданских лиц, отбывших сроки наказания за совершенные ими преступления, и что по этому вопросу японские власти могут обратиться к советскому представителю в Токио. Такой ответ на обращение, — по мнению советских дипломатов, — затруднил бы для японской реакции ведение враждебной пропаганды по вопросу о репатриации японцев, находящихся в СССР»¹⁵⁶.

В Японии делали серьезную ставку на «индийский вариант». 7 мая 1953 г. корреспондент газеты «Иомиури» сообщал из Индии, что японское правительство обратилось к Москве с просьбой репатриировать японских военных преступников, отбывающих наказание в СССР. Он информировал также о том, что предвари-

тельные переговоры по этому вопросу уже велись между японским и советским посольствами в Дели. Во время этих переговоров советский посол якобы заверил японского посла, что в СССР находится в общей сложности 2800 японских военных преступников, и обещал передать просьбу японского правительства в Москву. Однако решение этого вопроса было временно отложено в связи со смертью И. В. Сталина ¹⁵⁷.

На самом же деле в СССР начались многочисленные согласования и консультации, которые в конечном итоге не привели ни к каким практическим результатам. Советское руководство предпочло в очередной раз пренебречь реальной возможностью установления прямых каналов с японским правительством. «Вести переговоры через японского посла в Дели вряд ли имело бы смысл, учитывая, что японское правительство дезавуировало обращение своего посла к советскому правительству относительно освобождения японских военных преступников», — сообщалось в служебной записке МИД СССР ¹⁵⁸.

Отсутствие контактов с руководителями Японии лишало возможности советское руководство начать переговоры и по вопросу об оплате расходов за уже произведенную репатриацию японцев. В конце Второй мировой войны и после ее окончания был заключен ряд договоров и соглашений, в которых затрагивались вопросы не только репатриации военнопленных, но и вопросы урегулирования расчетов по затратам, связанных с их репатриацией. В мирных договорах 1947 г. с Италией, Болгарией, Венгрией и Румынией имелись статьи, согласно которым эти страны обязывались возместить все издержки на перевозку военнопленных побежденных стран.

Однако были заключены и соглашения о взаимной репатриации без предъявления требований о компенсации понесенных расходов. Так, в соглашениях о взаимной репатриации, заключенных Советским Союзом с США, Великобританией и Францией, предусматривалось, что договаривающиеся стороны не будут требовать компенсации за эти и аналогичные услуги, которые их власти могут предоставить освобожденным гражданам другой договаривающейся стороны.

В силу изложенного соглашения возмещение убытков, связанных с репатриацией американцев, англичан, французов и бельгийцев, было исключено. Кроме того, имелся целый ряд стран, затраты которых по репатриации советских граждан превышали затраты Советского Союза по репатриации граждан этих стран (Польша, Чехословакия, Дания, Швеция, Швейцария, Норвегия).

Люксембург). Поэтому при определении затрат на репатриацию иностранцев целый ряд стран пришлось исключить.

В результате переписки МИД СССР с посольствами соответствующих стран к началу 1952 г. на ведение переговоров по возмещению расходов за репатриацию дали согласие правительства Австрии, Болгарии, Венгрии, Голландии, Румынии, Финляндии и Италии.

В постановлении СМ СССР от 29 марта 1952 г. «О переговорах с правительствами иностранных государств о возмещении Советскому Союзу расходов по репатриации и освобожденных граждан» был представлен общий проект такого соглашения, который должен был послужить основой для ведения переговоров с правительствами Австрии, Болгарии, Венгрии, Голландии, Италии, Румынии и Финляндии и других стран. В нем устанавливались сумма такой задолженности в каждом отдельном случае и срок ее погашения товарами и денежными знаками.

С начала 1952 г. между представителями СССР и указанных стран начались переговоры о возмещении расходов, понесенных Советским Союзом в связи с репатриацией из СССР иностранных военнопленных и гражданских лиц. В общей сложности претензии за репатриацию иностранцев были предъявлены десяти государствам. Правительства Югославии и Греции не дали согласия на ведение переговоров. Вопрос о возмещении расходов за репатриацию немецких военнопленных был отложен до заключения мирного договора с Германией.

Что касается Японии, то, как известно, американские оккупационные власти в Японии, к которым МИД СССР трижды обращался относительно возмещения расходов по репатриации, ответили отказом. Позднее, с вступлением в силу Сан-Францисского мирного договора, переговоры по этому вопросу стали возможны лишь с японским правительством. Учитывая это обстоятельство, вопрос о расчетах за репатриацию японцев был отложен до урегулирования отношений СССР с Японией. В связи с этим в вышеуказанном постановлении в части, касающейся Японии, отмечалось: «Подготовить предложения о возмещении Советскому Союзу расходов за репатриацию японских военнопленных и освобожденных граждан после урегулирования отношений между СССР и Японией»¹⁵⁹.

В СССР опасались, что в существующих условиях предъявление японскому правительству расходов за репатриацию могло послужить лишь поводом для враждебной кампании в Японии против Советского Союза, а также появления встречного требо-

вания об оплате гражданам Японии их принудительного труда в плену, о чем уже свидетельствовали отдельные факты.

Нормализация же советско-японских отношений, по мнению советских дипломатов, вынуждала японское правительство пойти на обсуждение предъявленных претензий по дипломатическим каналам, не предавая это дело широкой гласности. При этом в Москве хорошо осознавали, что и в этом случае не исключалась возможность как того, что японское правительство откажется платить расходы за репатриацию, так и того, что оно будет вести торг о размерах суммы.

Тем временем вопрос о репатриации военнопленных и интернированных граждан иностранных государств из СССР требовал своего разрешения в целом. В этой связи 24 февраля 1953 г. МВД СССР был подготовлен проект постановления Совета Министров СССР по этому вопросу. Предлагалось возвратить на родину в общей сложности 90 человек, большую часть которых составляли граждане Германии. Тем не менее, примечательны не скромные цифры, а тот факт, что заместитель министра И. А. Серов посчитал нужным дополнить проект постановления словами: «Разрешить Министерству внутренних дел СССР (тов. Круглову) впредь освобождать из лагерей МВД осужденных военнопленных и интернированных по мере отбытия ими сроков наказания и по согласованию с МИД СССР и МГБ СССР репатриировать их в соответствующие страны»¹⁶⁰.

Не возражал против такой формулировки и глава внешнеполитического ведомства А. Я. Вышинский. Между тем предложенная процедура, если бы она была узаконена, на практике означала следующее: отныне целесообразность репатриации определенной категории иностранцев могла решаться без участия Совета Министров СССР и лично И. В. Сталина.

Нетрудно догадаться, что И. А. Серов и А. Я. Вышинский рассчитывали на положительную реакцию вождя. Они были прекрасно осведомлены о том, что военные преступники интересуют его прежде всего как инструмент политического давления на другие страны. Несколько десятков человек, отпущенных на родину, не нарушали планы советского лидера. Ведь подавляющее большинство осужденных имело шанс оказаться на свободе только к концу 60-х—началу 70-х гг.

Смерть И. В. Сталина внесла существенные коррективы в подходе советского руководства к этому вопросу. 6 марта 1953 г. в газетах было опубликовано обращение ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР «Ко всем

членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза». Оповещая народ о кончине вождя, новое руководство страны одновременно доводило до сведения общественности свою программу. Внешнеполитический раздел этого документа был необычен тем, что в нем впервые за последние годы не упоминался «заклятый враг трудящихся» — империализм, ничего не говорилось ни о «форпосте мировой реакции» — США, ни о «главном оружии мировой буржуазии — блоке НАТО»¹⁶¹.

Значительное смягчение позиции советских властей в отношении Японии в целом и по вопросу репатриации японских военнопленных в частности, которое отметили японские парламентарии во время беседы в советском представительстве, вскоре отчетливо проявилось и в Москве.

17 марта 1953 г. Л. П. Берия направил Г. М. Маленкову докладную записку, в которой доказывал целесообразность передачи исправительно-трудовых лагерей и колоний в ведение Министерства юстиции. Но при этом отстаивал, разумеется, не случайно, право подчиненного ему ведомства на распоряжение лагерями для осужденных военнопленных. Ровно через день инициатива Л. П. Берии воплотилась в соответствующее постановление Совета Министров СССР. Затем последовали указания о смягчении режима содержания осужденных иностранцев.

Конечно, все эти инициативы руководителя МВД следует рассматривать в контексте политики нового руководства по смягчению и реформированию репрессивной системы в целом. 27 марта 1953 г. был принят Указ Верховного Совета СССР об амнистии, предоставившей свободу 1 млн. 181 тыс. заключенных. А в конце месяца Л. П. Берия поручил министру юстиции К. П. Горшенину, прокурору СССР Г. Н. Сафонову, начальнику ГУЛАГа И. И. Долгих, своим заместителям по МВД С. Н. Круглову и П. Ф. Федотову изучить вопрос о порядке применения только что упомянутого Указа к осужденным иностранным подданным.

10 апреля он получил докладную записку с отчетом о проделанной работе, в которой приводились такие цифры: общее количество иностранцев, подпадающих под действие Указа, невелико — всего 2219 человек (1897 содержались в советских лагерях, 322 — в лагерях и тюрьмах ГДР, Австрии, Венгрии). Видимо понимая, что подобного рода информация не удовлетворит Л. П. Берия, авторы документа предлагали более радикальный способ решения проблемы — досрочное освобождение на основе пересмотра вынесенных приговоров. В этом случае, по их расчетам, на родину выедет еще 7169 иностранцев (5046 военнопленных и 2123 граж-

данских лиц), которые «не представляют в настоящее время большой опасности для нашего государства» ¹⁶².

14 апреля Л. П. Берия, сумев заручиться поддержкой министра иностранных дел В. М. Молотова, ознакомил с текстом докладной записки председательствовавшего тогда на заседаниях Президиума ЦК КПСС Г. М. Маленкова. На следующий день члены этого партийного органа согласились с предложением о создании межведомственной комиссии, которая бы в месячный срок оформила документы на освобождение тех иностранцев, чье дальнейшее пребывание под стражей не вызывалось необходимостью. Не дожидаясь окончательного результата судебных дел, Президиум ЦК КПСС своим решением от 15 апреля обязывал МИД СССР (заместителя министра иностранных дел Г. М. Пушкина) договориться с правительствами заинтересованных государств о порядке, сроках и пунктах передачи военнопленных и интернированных, освобожденных из мест заключения ¹⁶³.

Одним из благоприятных поводов для этого, как указывалось ранее, послужил приезд в СССР в связи с вручением ему Сталинской премии профессора И. Ояма. 22 июля 1953 г. он был принят министром иностранных дел СССР В. М. Молотовым. Беседа продолжалась около часа и касалась улучшения отношений между двумя странами. Японский профессор напомнил о новогоднем послании И. В. Сталина японскому народу и поблагодарил правительство СССР за те усилия, которые «оно предприняло для улучшения отношений между СССР и Японией в целях укрепления мира на Дальнем Востоке и во всем мире» ¹⁶⁴. В состоявшейся беседе японскому гостю дали понять, что Советский Союз готов к ведению переговоров по поводу репатриации на родину японских граждан и что наиболее вероятным каналом для этого может явиться краснокрестное движение.

После беседы с В. М. Молотовым профессор И. Ояма заявил корреспонденту Франс пресс: «После этой встречи у меня есть все основания полагать, что советское правительство предпримет ряд мер для улучшения отношений между СССР и Японией. Из нашей беседы следует, что необходимо как можно скорее восстановить культурные и торговые отношения между двумя странами. С этой целью мы рассматривали методы и средства, необходимые для того, чтобы добиться этого... Что же касается вопроса о японских военнопленных, — особо подчеркнул японский профессор, — то он, как известно, уже решен. Тем не менее, речь может идти лишь о примерно 2000 военных преступниках, еще задерживаемых в СССР. Я считаю, что этот вопрос может быть

урегулирован Международным Красным Крестом, и я должен добавить, что у меня сложилось впечатление, что советское правительство, по-видимому, благожелательно настроено в этом отношении»¹⁶⁵.

Следует заметить, что идея привлечения негосударственных структур для урегулирования этого вопроса уже неоднократно возникала и у японской стороны, поскольку незадолго до этого состоялись аналогичные переговоры между общественными организациями Японии и КНР, в результате которых остававшиеся на китайской территории граждане Японии были успешно репатрированы на родину.

Будучи хорошо информированным по поводу успешного хода японо-китайских переговоров по проблеме репатриации, профессор И. Ояма с большой радостью взял на себя посредническую роль в решении этого вопроса с представителями советских властей, срочно направив в Японию сообщение о своей беседе с В. М. Молотовым. И реакция японской стороны не заставила себя ждать.

2. Переговоры между Советским Обществом Красного Креста и Красного Полумесяца и Японским Обществом Красного Креста о возвращении на родину отбывших наказание в СССР граждан Японии (1953 г.)

В Японии давно ожидали ответа Москвы на неоднократные обращения Японского Общества Красного Креста к своим советским коллегам как непосредственно, так и через международные организации Красного Креста.

Еще на 21-й сессии Совета представителей Лиги Обществ Красного Креста, состоявшейся в Монте-Карло в ноябре 1950 г., в конфиденциальной беседе с делегатами СССР и КНР председатель Японского Общества Красного Креста Тадацугу Симадзу получил от них заверения в том, через Международный Красный Крест ими будет оказана помощь в разрешении вопроса о репатриации с их территорий граждан Японии. Со своей стороны, председатель Международного Красного Креста также обнадежил Т. Симадзу скорым решением этого вопроса, заявив ему о том, что переговоры по вопросу о японских и немецких военнопленных уже ведутся с представителями Советского Союза¹⁶⁶. Однако дело не двигалось с мертвой точки.

27 марта 1953 г. в Токио прошел I съезд Общества Красного Креста. В его резолюции делегаты съезда вновь выразили беспокойство по поводу того, что спустя семь лет после окончания Второй мировой войны на советской территории все еще задерживалось значительное число граждан японской национальности в качестве преступников или по другим неизвестным причинам. В связи с этим они обратились к Международному Комитету Красного Креста, Лиге Обществ Красного Креста и Союзу Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР с просьбой продолжить усилия по их возвращению на родину, направив в эти адреса соответствующие петиции и текст резолюции.

В этом документе шла ссылка на резолюцию № 20 XVIII международной конференции Красного Креста, прошедшей в Торонто в августе 1952 г. В ней говорилось о том, что «в результате Второй мировой войны и последовавших за ней событий значительное число взрослых и детей не могут вернуться домой», и рекомендовалось национальным обществам «быть естественными посредниками между обществами и их правительствами в целях как можно более широкого освобождения этих лиц, а также в целях получения сведения об их судьбе и облегчения отправки грузов материальной помощи»¹⁶⁷.

Однако, несмотря на непосредственное обращение по этому вопросу Японского Общества Красного Креста в Москву, а также соответствующие письма с поддержкой резолюции его съезда, поступившие от Лиги Обществ Красного Креста и Международного Комитета Красного Креста, Исполком СОКК и КП СССР счел целесообразным воздержаться от ответа на эти запросы. Об этом он информировал 1 июня 1953 г. МИД СССР в своем письме на имя А. А. Громыко. Это письмо имело своей целью согласовать это решение с советским внешнеполитическим руководством. Эксперты территориального и договорно-правового отделов МИДа согласились с такой позицией, о чем председатель Исполкома СОКК и КП СССР В. А. Холодков был информирован секретным письмом за подписью заведующего Дальневосточным отделом Н. Н. Федоренко 20 июня 1953 г. В МИД СССР вновь предпочли тактику выжидания.

В своей ответной телеграмме Японское Общество Красного Креста вновь просило Международный Комитет Красного Креста помочь ему обратиться к этим странам относительно репатриации японских военнопленных в соответствии с резолюцией, принятой в мае по случаю 75-й годовщины Международного Красного Креста.

Одновременно с этим председатель Японского Общества Красного Креста Т. Симадзу сделал заявление для японской прессы о своей намечаемой поездке в Москву осенью этого года для переговоров о возвращении задерживаемых в Советском Союзе японцев. Как сообщало агентство «Паназиатик Ньюс Минами» 16 июля, ожидалось, что Симадзу, возглавлявший в Пекине японскую делегацию на переговорах о репатриации японцев из Китая, будет назначен представителем Японии на предстоящей в Женеве 24 августа сессии Специальной комиссии ООН по военнопленным. После ее окончания он планировал посетить Москву, став первым гражданином Японии, которому после окончания войны было дано официальное разрешение японских властей на посещение СССР¹⁶⁸.

Однако реализацию этого плана опередила информация, поступившая в Японию 22 июля 1953 г. от профессора И. Ояма. Он сообщал из Москвы о том, что вопрос о возвращении японских военных преступников может быть урегулирован через каналы Международного Красного Креста и соответствующие общества Красного Креста.

Уже 23 июля в адрес Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР от Японского Общества Красного Креста поступила международная телеграмма, в которой сообщалось следующее: «Мы получили из Москвы международное сообщение 22-го июля, в котором говорится, что профессор Иуко Ояма, лауреат Сталинской премии мира, заявил представителям печати, что из беседы с г-ном Молотовым он вынес впечатление, что проблема освобождения японских военных преступников, остающихся в Советском Союзе, может быть легко разрешена при должном подходе через Международный Комитет Красного Креста и Советское Общество Красного Креста и что советский представитель хорошо настроен в этом отношении.

Как Вы хорошо знаете, мы глубоко озабочены судьбой этих военных преступников. Мы надеемся, что указанное выше ободряющее известие будет подтверждено Вашим обществом, и мы имеем удовольствие сообщить Вам, что мы полностью готовы выполнить Ваше требование относительно освобождения и репатриации наших соотечественников, остающихся у Вас в стране. Международный Красный Крест был информирован о предшествующем»¹⁶⁹.

Японское Общество Красного Креста направило аналогичную телеграмму Международному Комитету Красного Креста с надеждой на то, что он также предпримет в этом направлении эф-

фективные меры. Одновременно с этим министерство иностранных дел Японии обратилось к этому комитету за «добрыми услугами в целях быстрой репатриации японских граждан».

Как сообщил министру иностранных дел генеральный консул Японии в Женеве Кенсукэ Сато, Международный Комитет Красного Креста в Женеве сразу же отреагировал на обращение японских властей и обещал, что он будет содействовать возвращению японских военнопленных из Советского Союза, как это просит японское правительство. Несколькими днями позже — 27 сентября — по просьбе японской стороны телеграмма аналогичного содержания была направлена Международным Комитетом Красного Креста в Москву. В ней наряду с изложением полученной из Японии информации содержалась просьба к советским представителям ввести Комитет в курс дела по поводу возможной репатриации японцев, а также предлагалось содействие в этом вопросе.

Поскольку телеграмма МКК требовала ответа, в аппарате заместителя министра иностранных дел А. А. Громыко была подготовлена докладная записка на имя В. М. Молотова, в которой предлагалось «после решения вопроса о репатриации японцев из Советского Союза и после непосредственного обращения Советского Красного Креста к Японскому Красному Кресту поручить Исполкому Союза Общества Красного Креста и Красного Полумесяца послать Международному Комитету Красного Креста ответную телеграмму, в которой сообщить, что Советский Красный Крест вступил в непосредственный контакт с Японским Красным Крестом по вопросу репатриации японцев из Советского Союза»¹⁷⁰.

В Японии торопились и, не дожидаясь ответа из СССР, а может быть, просто не надеясь на него, вновь обратились за поддержкой Международного Комитета Красного Креста. 14 августа Исполком СОКК пересылает на имя А. А. Громыко новую телеграмму из Женевы. «Японский Красный Крест, — сообщалось в ней, — прислал нам сегодня следующую телеграмму для передачи Вам: ссылаясь на нашу телеграмму от 23-го июля, просим послать Инкресту в Москву. Для спокойной репатриации японских подданных, находящихся на советской территории, мы считаем необходимым, чтобы представители японского правительства вместе с нашими представителями участвовали в переговорах с советскими представителями относительно их освобождения, тем более что это требует договоренности относительно транспорта и финансовой стороны таким же образом, как это делалось правительством во время массовой репатриации японских подданных с

советской территории в 1949—1950 гг. Убедительно просим Ваше любезного внимания и содействия в этом вопросе»¹⁷¹.

В МИД СССР по-прежнему колебались в принятии окончательного решения, но, тем не менее, готовили в установленном порядке проект Постановления ЦК КПСС, которое бы окончательно утвердило политические установки в контактах с японской стороной и санкционировало их.

В записке МИД СССР в Президиум ЦК КПСС от 9 сентября 1953 г. приводились следующие данные о числе японцев, подлежащих репатриации: «Решением ЦК КПСС от 15 апреля МИД СССР поручено договориться с правительствами соответствующих стран о порядке, сроках и пунктах передачи освобожденных из заключения граждан этих стран. Из общего числа 2378 японцев, находящихся в СССР, подлежат репатриации в Японию 1331 японцев, в том числе 506 японцев, отбывших наказание, 261 японцев, освобожденных по амнистии, и 564 японцев, подлежащих досрочному освобождению, согласно упомянутому выше решению ЦК КПСС»¹⁷².

«Так как официальных отношений с японскими властями у нас нет, МИД СССР считает целесообразным осуществить репатриацию в Японию указанной группы японцев путем переговоров Исполнительного Комитета Красного Креста СССР с представителями японских общественных организаций: Японского комитета защиты мира, Общества японо-советской дружбы и Японского Красного Креста. Аналогичным образом правительство КНР провело репатриацию японцев, проживавших в КНР»¹⁷³.

В этих целях в проекте Постановления предусматривалось приглашение в СССР представителей всех вышеупомянутых японских организаций. При этом весьма симптоматично, что даже в сложившейся ситуации, когда Японский Красный Крест указывал на свою готовность идти на выполнение всех требований советской стороны, внешнеполитическое ведомство СССР все-таки не торопилось с окончательной формулировкой своих условий.

В своих предложениях оно рекомендовало «вопрос о каких-либо конкретных мероприятиях относительно репатриации японцев оставить открытым, полагая, что Японский Красный Крест сам предложит последовать в этом отношении примеру репатриации японцев из КНР. Если Японский Красный Крест предложит неприемлемый для нас вариант, наше мнение по этому вопросу может быть высказано в последующей телеграмме Исполкома Красного Креста СССР»¹⁷⁴.

При этом, как обычно происходит в таких случаях, предлагался для утверждения руководством страны проект ответа японской стороне: «Получив Вашу телеграмму относительно японских военных преступников, находящихся в СССР, Исполком обществ Красного Креста и Красного полумесяца СССР связался по этому вопросу с компетентными советскими властями и настоящим сообщает о своей готовности оказать содействие непосредственно Японскому Красному Кресту и другим общественным организациям Японии в деле репатриации японских военнопленных, осужденных в свое время за совершенные ими преступления и в настоящее время отбывших сроки наказания и амнистированных в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета»¹⁷⁵.

Параллельно с этим в МВД СССР также приступили к разработке этого вопроса, представив в МИД СССР следующие данные о японцах, находящихся в СССР по состоянию на 10 сентября 1953 г.¹⁷⁶

Всего содержится в заключении	2378	чел.
из них военнопленных	1446	чел.
а) генералы	29	чел.
б) офицерский состав	302	чел.
в) рядовой состав	1055	чел.
из них гражданских лиц	932	чел.
Отбыли срок наказания до амнистии	506	чел.
из них военнопленных	22	чел.
а) генералы	нет	
б) офицерский состав	нет	
в) рядовой состав	22	чел.
из них гражданских лиц	484	чел.
Освобожден по амнистии	261	чел.
из них военнопленных	25	чел.
а) генералы	нет	
б) офицерский состав	нет	
в) рядовой состав	25	чел.
из них гражданских лиц	236	чел.
Освобождены досрочно	563	чел.
из них военнопленных	374	чел.
а) генералы	2	чел.
б) офицерский состав	40	чел.
в) рядовой состав	332	чел.
из них гражданских лиц	190	чел.
Остается в заключении	1553	чел.
из них военнопленных	1047	чел.

а) генералы	27 чел.
б) офицерский состав	322 чел.
в) рядовой состав	698 чел.
из них гражданских лиц	506 чел.
<u>Оставшиеся сроки пребывания в заключении до 3 лет</u>	
а) генералы	нет
б) офицерский состав	нет
в) рядовой состав	нет
г) гражданских лиц	нет
<u>до 5 лет</u>	
а) генералы	нет
б) офицерский состав	нет
в) рядовой состав	нет
г) гражданские лица	нет
<u>до 8 лет</u>	
а) генеральский состав	нет
б) офицерский состав	нет
в) рядовой состав	3 чел.
г) гражданские лица	3 чел.
<u>свыше 10 лет</u>	
а) генералы	27 чел.
б) офицерский состав	322 чел.
в) рядовой состав	695 чел.
г) гражданские лица	473 чел.

До выхода в свет 18 сентября 1953 г. соответствующего постановления Совета Министров СССР советская сторона воздерживалась от каких-либо шагов. Затем начались долгие согласования текста телеграммы в адрес Японского Общества Красного Креста с предложением советской стороны встретиться с его представителями в Москве для переговоров относительно предстоящей репатриации отбывших сроки наказания и амнистированных военнопленных. В Москве по-прежнему не спешили. Здесь было предпочтительнее получить новые конкретные предложения от японцев. С целью их инициировать пришлось вновь прибегнуть к помощи профессора И. Ояма, который все еще находился с визитом в СССР.

19 сентября он был принят председателем Исполкома СОКК и КП СССР В. А. Холодковым, который, по существу, изложил ему на словах содержание телеграммы в адрес Японского Общества Красного Креста, до сих пор еще не направленной адресату. Со своей стороны, И. Ояма вновь подтвердил свою готовность при-

нять указанное сообщение и передать его компетентным японским органам, что и последовало в тот же день.

В его телеграмме от 19 сентября в адрес Японского Общества Красного Креста вновь отмечалось стремление Советского Красного Креста к сотрудничеству с Японским Красным Крестом в вопросе репатриации военных преступников и содержалась просьба установить непосредственный контакт с представителями этой организации. Одновременно с этим профессор И. Ояма направил телеграмму Японскому комитету защиты мира с предложением скоординировать свои действия с Японским Обществом Красного Креста в деле возвращения из Советского Союза японских военных преступников, как это имело место при переговорах с китайской стороной.

Этот нехитрый беспронзримый маневр советской дипломатии — еще раз прозондировать позицию партнера, не вступая с ним в непосредственный контакт, — вновь возымел успех. Как всегда, японская сторона оперативно отреагировала на полученную из Москвы информацию.

Получив из Москвы приглашение на переговоры, руководство Японского Общества Красного Креста сразу же направило в министерство иностранных дел своего представителя — начальника иностранного отдела Т. Кудо, чтобы выяснить отношение японского правительства к намечаемой поездке японской делегации в СССР. В пятом азиатском отделе МИД Японии ему однозначно дали понять, что министерство одобряет предстоящую акцию и что правительство окажет необходимое содействие в этом вопросе. Судя по настроениям в японском внешнеполитическом ведомстве, вопрос о поездке в Советский Союз представителей Японского Общества Красного Креста был разрешен беспрепятственно. А репатриационное управление даже выразило надежду, что большая часть военных преступников сможет вернуться домой в течение текущего года.

Официальные лица Японии также призывали Японское Общество Красного Креста оказать содействие быстрейшему осуществлению репатриации соотечественников из Советского Союза. Но вместе с тем у японских чиновников были сильны сомнения в отношении возможности возвращения на родину военных преступников в таком количестве, которое было официально указано советской печатью.

Судя по телеграмме, полученной из СССР, они прекрасно осознавали, что контингент репатриантов ограничивался лицами, отбывшими наказание и подпадавшими под амнистию. Более того, за

отсутствием какой-либо конкретной информации по этому поводу в Японии строили различные предположения на этот счет. Полагали, что поскольку в телеграмме говорилось о лицах, отбывших наказание, то, по-видимому, речь могла идти главным образом о лицах, которые вскоре после войны предстали перед судом и получили срок наказания до 10 лет.

Начавшиеся 31 октября 1953 г. советско-японские переговоры проходили в несколько этапов путем согласования конкретных деталей и условий предстоящей совместной деятельности, которые в дальнейшем легли в основу коммюнике. Одновременно с этим Исполком СОКК и КП строго руководствовался указаниями высших инстанций, направляя туда после каждой беседы с японской делегацией подробную запись беседы и получая указания по дальнейшему ходу переговоров.

После выхода 11 ноября 1953 г. Постановления Совета Министров СССР, санкционирующего предварительные договоренности с японской стороной, советская делегация подтвердила свое согласие оказать содействие в репатриации граждан Японии и после уточнения количества подлежащих репатриации лиц, окончательных условиях репатриации и других вопросов предложила текст коммюнике.

Его основные положения сводились к следующему. Репатриации на начальном этапе подлежало 420 военнопленных и 854 гражданских лица. Остающиеся после репатриации вышеуказанных лиц японские военнопленные общим числом 1047 человек также должны были быть возвращены на родину по мере отбытия ими наказания. Для отправки на родину японских военнопленных и гражданских лиц устанавливался порт Находка или любой другой порт, указанный советской стороной. Суда для репатриации предоставлялись японской стороной не позже чем за 10 дней после телеграфного извещения, посланного Японским Обществом Красного Креста Исполкому СОКК и КП СССР.

О дате выхода японского судна Японское Общество Красного Креста обязано было информировать Исполком СОКК и КП СССР. Передача репатриированных производилась по именным спискам сотрудниками Исполкома СОКК и КП СССР представителю Японского Общества Красного Креста и капитану судна, прибывшего из Японии за репатриантами, по актам, вручаемым капитанам судов. Репатрируемым японским военнопленным и гражданским лицам разрешалось провозить личные вещи, за исключением предметов, запрещенных к вывозу таможенными правилами Советского Союза. С момента погрузки репатриантов на

судне обеспечение их продовольствием и медицинским обслуживанием лежало на японской стороне. Обе стороны улаживались, что в случае непредвиденных обстоятельств (ледовая обстановка, климатические условия и т. д.) репатриация могла быть временно приостановлена¹⁷⁷.

Японское Общество Красного Креста было не вполне удовлетворено этим документом. Особые возражения вызывало указанное в нем число репатриированных — 1047 человек.

В свою очередь японские представители в Москве более всего опасались задержки переговоров о репатриации, что, в свою очередь, могло создать угрозу закрытия навигации в советских портах в зимнее время. Японские средства массовой информации комментировали это следующим образом: «С начала ноября никаких официальных переговоров в Москве по вопросу о репатриации интернированных не происходило, и это обстоятельство начинает вызывать беспокойство, — сообщало японское радио. — Не произойдет ли задержки с репатриацией до весны будущего года, несмотря на то, что вначале выражалась надежда на благоприятное развитие этих переговоров. Однако, — подчеркивалось в комментариях, — задержка репатриации наших соотечественников из Советского Союза происходит из-за того, что много времени отнимают проверка и подготовка. В заинтересованных кругах считают, что провала переговоров быть не может, даже если и произойдет некоторая задержка, тем более что первым с предложением о проведении переговоров выступил Советский Союз»¹⁷⁸.

В этой ситуации, получив соответствующую инструкцию из Токио по поводу предложенного советской стороной проекта соглашения, японская делегация приняла советский проект коммюнике, оставив открытым вопрос о цифре в 1047 человек. Во время подписания коммюнике 19 ноября 1953 г. председатель Японского Общества Красного Креста Т. Симадзу вручил председателю Исполкома СОКК и КП В. А. Холодкову орден Японского Красного Креста «За заслуги». Одновременно с этим японской делегации было сообщено, что первая группа репатриантов в количестве 810 человек уже сосредоточена в порту Находка и репатриация может быть произведена через 10 дней.

Практически это были первые переговоры советских и японских представителей по проблемам военного плена, поэтому, естественно, круг вопросов не мог ограничиваться лишь организацией отправки на родину освобожденных из заключения группы японских граждан.

Японскую сторону прежде всего интересовала возможность отбытия сроков наказания в японских тюрьмах для остающихся в заключении в СССР японских военнопленных, на что без промедления был дан лаконичный ответ в виде ссылки на компетентность в этом вопросе только судебных органов.

Другой, не менее важный вопрос, поставленный перед советскими властями начальником иностранного отдела Японского Общества Красного Креста Т. Кудо во время одной из рабочих встреч в Исполкоме СОКК и КП, касался выдачи японским военнопленным вознаграждения за работу в плену и возможности провоза заработанных денег при выезде из СССР.

Ответ был согласован с МВД СССР. Оно подтвердило, что «деньги за работу японские военнопленные получают, однако таможенными правилами вывоз денег за границу не разрешен, в связи с чем репатриантам предоставляется возможность произвести на имеющиеся у них деньги различные закупки»¹⁷⁹.

Во время заключительной беседы в Исполкоме СОКК и КП на повестку дня встали и другие принципиальные вопросы, такие как определение общего числа японцев, проживающих на территории СССР, включая как осужденных, так и не осужденных советскими властями; наличие у предназначенных к репатриации военнопленных и гражданских лиц семей в Советском Союзе; установление точного числа умерших, без вести пропавших и конкретных сведений о них и т. д.

Но практически во всех случаях советская сторона ссылалась на отсутствие данных или обращалась лишь к официальным сообщениям, опубликованным в советской печати. Так, вновь во время беседы всплыла цифра в 10 267 человек умерших и раненых, взятая из сообщения ТАСС. А отказ от предоставления конкретных списков был обоснован тем, что на местах было невозможно наладить надлежащий учет, особенно в первый период после окончания военных действий.

Точно так же была повторена информация из советской печати о том, что из японских военнопленных числом 971, определенных для передачи правительству КНР, было передано 969 человека (2 человек умерло). По поводу же выяснения судьбы японцев, проживающих в Северной Корее и Монгольской Народной Республике, была высказана целесообразность непосредственного обращения к соответствующим организациям этих стран.

Единственно, в чем Исполком СОКК и КП пошел навстречу пожеланию японских представителей, то это в вопросе о розыске японских граждан, обещая свое содействие в этом вопросе в уста-

новленном порядке. Этот порядок предусматривал обращение в эту организацию с официальными запросами Японского Красного Креста. (Как известно, в этом как раз и заключалось одно из основных направлений в деятельности СОКК и КП.)

Членам японской делегации была также предоставлена возможность посетить лагерь военнопленных в Ивановской области и встретиться с находившимися там бывшим командующим Квантунской армией Ямада Отодзо и другими 26 бывшими японскими генералами, из разговоров с которыми они смогли убедиться в хороших условиях содержания заключенных в этом элитном подразделении для высших воинских чинов.

В целом в Японии отмечали успех переговоров. Коммюнике было не только подписано, но сразу же началась его реализация. 28 ноября 420 японских военнопленных и 389 гражданских лиц (всего 809 человек, один отказался от репатриации) было отправлено из порта Находка в Японию на теплоходе «Коанмару», и 1 декабря они благополучно прибыли в г. Майдзурю.

9 декабря отчет делегации Японского Общества Красного Креста о результатах японо-советских переговоров был представлен на заседании специальной комиссии нижней палаты парламента по вопросам репатриации. По оценке Т. Кудо, прозвучавшей в его комментариях по итогам визита японской делегации в СССР, «состоявшиеся в Москве переговоры, может быть, были не совсем исчерпывающими, но зато они помогли открыть путь для переговоров в дальнейшем»¹⁸⁰.

24 декабря 1953 г. Японское Общество Красного Креста в своей телеграмме запросило Исполком СОКК и КП о сроках репатриации второй группы японских граждан и выразило просьбу не затягивать отправку второго судна. 18 марта 1954 г. в порту Находка состоялась передача японским представителям этой группы репатриантов в количестве 420 человек (415 взрослых и 5 детей). 20 марта они вернулись на родину.

7 апреля 1954 г. Японское Общество Красного Креста получило письмо от своих советских коллег о результатах проверки японцев, находящихся в Советском Союзе, от которых до сих пор не было никаких известий. По этому поводу начальник справочного отдела Японского Общества Красного Креста заявил, что теперь стало ясно, что Советский Красный Крест честно относится к розыску лиц, пропавших без вести, и нынешний ответ вселит надежды семьям отсутствующих¹⁸¹.

27 марта 1954 г. состоялся ежегодный съезд Японского Общества Красного Креста, который принял резолюцию. В ней, в час-

тности, говорилось «Второй ежегодный съезд делегатов Японского Общества Красного Креста, открывшийся в Токио 27 марта 1954 г., выражает глубокую признательность Союзу Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР за гуманные усилия, предпринятые им в этот раз для репатриации с советской территории лиц японской национальности, и искренне желает, чтобы он продолжил свое содействие в том, чтобы все находящиеся в СССР японцы были бы репатриированы как можно скорее»¹⁸².

Тем не менее, японское правительство не переставало заявлять о тысячах японских гражданах, все еще находящихся в СССР. 29 марта 1954 г. в одном из своих выступлений министр иностранных дел Японии не преминул напомнить о том, что в СССР еще находится около 12 600 граждан Японии. При этом он поспешил обезопасить себя, добавив, что эта цифра не обязательно является точной, поскольку в своих подсчетах правительство основывалось на количестве писем, посланных японцами в Советскую Россию, и на других «косвенных данных»¹⁸³.

7 апреля комиссия по репатриации нижней палаты предложила послать в Москву в середине апреля после закрытия нынешней сессии делегацию членов парламента, чтобы передать благодарность Советскому Красному Кресту за его помощь в репатриации, а также продолжить переговоры о продолжении этой гуманитарной акции. Однако прежде чем перейти к осуществлению этой инициативы, депутаты провели консультации по этому поводу с министром иностранных дел и Японским Обществом Красного Креста. В результате этого было принято решение о том, что делегация депутатов японского парламента впервые примет участие в международной конференции сторонников мира, которую планировалось провести в Стокгольме 20–26 июня 1954 г., а затем направится в Советский Союз, где пробудет около месяца. После СССР делегация планировала побывать в Китае и возвратиться через Гонконг.

Это была первая японская парламентская делегация, посетившая СССР после окончания советско-японской войны. В ее состав вошли представители практически всех партий японского парламента. Из ставших впоследствии известными в нашей стране политических и общественных деятелей следует назвать имена Ясухиро Накасонэ, Иосио Сакураути, Сигэёси Мацумаэ и другие. Этот визит можно принять за точку отсчета в начинавшемся процессе нормализации отношений на межгосударственном уровне.

6 мая 1954 г. начальник иностранного отдела Японского Общества Красного Креста Т. Кудо в очередной раз был вызван в комиссию по вопросам репатриации при нижней палате японс-

кого парламента, чтобы подробно сообщить депутатам о состоянии дел.

Кудо напомнил комиссии о том, что по соглашению о репатриации, заключенному с Советским Красным Крестом, репатриации подлежат около 1200 человек, и в Советском Союзе остается 1047 военных преступников. Но, отметил Т. Кудо, по сведениям, полученным от репатриантов, в Советском Союзе осталось 100 военных преступников, отбывших срок наказания, и Японское Общество Красного Креста подняло вопрос об ускорении их репатриации. Кроме того, известно, что 10 человек не числятся в списках военных преступников и что они получили разрешение на переписку с родными. Поэтому Японское Общество Красного Креста обратилось к СОКК и КП СССР с просьбой дать по этому поводу разъяснение.

На заседании комиссии было также озвучено, что из числа 1047 военных преступников, числящихся в списке, трое уже вернулись домой, а один, как стало известно от репатриантов, умер вследствие чего в Советском Союзе остается 1043 человека¹⁸⁴.

Японское Общество Красного Креста продолжало форсировать завершение репатриации граждан Японии из СССР. 23 июля 1954 г. оно направляет очередную телеграмму в адрес Исполкома СОКК и КП с просьбой о содействии в деле скорого и удовлетворительного разрешения этого вопроса.

Согласно японской прессе, заместитель министра иностранных дел А. Я. Вышинский в беседе с членами японского парламента 22 июля 1954 г. якобы сказал им, что «он уверен, что вопрос о смягчении приговора и освобождении японских заключенных будет разрешен благоприятно»¹⁸⁵.

На самом же деле, говоря об осужденных военнопленных, в беседе с японскими парламентариями А. Я. Вышинский заявил: «Насколько мне известно, в настоящее время соответствующие судебные органы СССР рассматривают вопрос о возможности досрочного освобождения некоторой части осужденных японских граждан»¹⁸⁶.

В Японии выражали надежду на то, что окончательный этап репатриации японцев из СССР придется на конец 1954 — начало 1955 г. В последние месяцы 1954 г. в страну поступало все больше писем от соотечественников, в которых они сообщали, что скоро возвратятся на родину. В этой связи 21 декабря 1954 г. представители семей военнопленных посетили премьер-министра Итиро Хатояма и министра иностранных дел Мамору Сигэмицу и вручили им очередную петицию. В ней выражалась просьба к прави-

тельству Японии направить в страны коммунистического блока правительственную делегацию с целью ускорения репатриации соотечественников, а также предпринять ряд других политических мер.

В соответствии с просьбой японской стороны в дальнейшем репатриация производилась небольшими группами военнопленных. Это происходило по мере их освобождения из заключения. 15 апреля 1955 г. в Японию было отправлено 86 человек — подданных Японии и двое детей, в том числе 44 свободно проживающих на территории СССР и 42 человека, освобожденных из исправительно-трудовых лагерей по окончании срока наказания или досрочно по определению советских судебных органов. В это число входило также 4 человека, освобожденных из-за тяжелой болезни в порядке 457-й статьи УПК РСФСР по просьбе Японского Общества Красного Креста, представившего список на 11 тяжелобольных осужденных и 2 осужденных, подлежащих досрочному освобождению и репатриации в связи с оперативной заинтересованностью МГБ при СМ СССР.

30 августа 1955 г. в Японию отбыли еще 36 человек, а 9 декабря 1955 г. — 43 человека. В марте 1956 г. в Японию возвратилась очередная группа освобожденных в количестве 18 человек. 28 мая Исполком СОКК и КП обратился к Японии с просьбой прислать в начале июня репатриационное судно за еще 60 японцами. Вслед за ними стали готовить к репатриации еще 100 человек. Таким образом, на конец июля 1956 г. в СССР оставалось немногим более 1 тыс. японцев.

Тем не менее, окончательное решение вопроса о досрочном освобождении и возвращении на родину осужденных японских военнопленных был отложен до общего урегулирования отношений с Японией в контексте предпринимаемых шагов по нормализации советско-японских отношений.

3. Постановка проблемы японских военнопленных в совместной советско-японской Декларации о нормализации межгосударственных отношений (1956 г.)

Вопрос о нормализации советско-японских отношений, составной частью которого являлся вопрос о завершении репатриации из СССР подданных Японии, стал предметом острых споров в

политических и промышленных кругах Японии. Еще во время парламентских выборов в декабре 1952 г. японские демократы широко использовали настроения японских избирателей в пользу нормализации отношений с Советским Союзом, обещая им предпринять реальные шаги в этом направлении. Первой из политических сил Японии, позитивно отреагировавших на «мирное наступление» советского руководства в целях налаживания советско-японских отношений, стала Демократическая партия во главе с ее председателем И. Хатояма.

9 декабря 1954 г. министр иностранных дел в кабинете Хатояма М. Сигэмицу заявил корреспонденту агентства Юнайтед Пресс, что «Япония будет готова урегулировать свои отношения с соседями на континенте, если последние будут осуществлять на практике провозглашенную ими политику мирного сосуществования»¹⁸⁷.

Это высказывание нашло широкую поддержку среди японской общественности. И 11 декабря М. Сигэмицу выступил уже с развернутым анализом внешней политики Японии, призвав к восстановлению межгосударственных отношений с СССР и Китаем на взаимовыгодных условиях¹⁸⁸.

16 декабря 1954 г. последовало ответное заявление министра иностранных дел СССР В. М. Молотова. «Советский Союз неизменно стремится к установлению и развитию отношений со всеми странами, которые со своей стороны проявляют к этому готовность, — говорилось в нем. — Такой политики Советский Союз придерживается и в отношении Японии, считая, что нормализация советско-японских отношений отвечает не только интересам обоих государств, но и интересам других стран, заинтересованных в укреплении мира на Дальнем Востоке и в ослаблении международной напряженности»¹⁸⁹. В этом заявлении подчеркивалось, что советское правительство готово обсудить вопрос о практических мерах по осуществлению нормализации отношений между СССР и Японией, если правительство Японии действительно намерено предпринять шаги в этом направлении.

Переговоры между СССР и Японией начались в Лондоне 1 июня 1955 г. Советскую сторону на них представлял посол СССР в Великобритании Я. А. Малик, японскую — посол Мацумото Сюньити. Однако еще до начала официальных переговоров 26 мая 1955 г. в парламенте Японии состоялось обсуждение основных вопросов предстоящих двусторонних встреч.

Министр иностранных дел М. Сигэмицу, выступая тогда перед японскими законодателями, особо подчеркнул, что Япония на предстоящих лондонских переговорах, прежде чем обсуждать

вопрос о восстановлении дипломатических отношений с СССР, поставит перед советской стороной четыре условия. И первым из них поднимался вопрос о получении согласия СССР на возвращение японских граждан, задерживаемых на советской территории. Далее японская сторона рассчитывала получить гарантии со стороны СССР соблюдать границы японской территории, не вмешиваться во внутренние дела Японии, решать будущие вопросы мирным путем.

Эти четыре условия М. Сигэмицу, содержащиеся в его составленном в весьма выдержанных тонах заявлении, не были перечислены как требования, но М. Сигэмицу дал понять, что Япония хочет получить согласие на них, прежде чем перейти к конкретным переговорам.

Далее в своем выступлении М. Сигэмицу четко обозначил еще три требования. Он указал на то, что «Япония будет добиваться согласия Советского Союза на вступление в Организацию Объединенных Наций, чему до сих пор препятствовала советская сторона; возвращения СССР Южного Сахалина, а также Курильских островов и островов Хабомаи, которые были названы частью Хоккайдо; согласия русских разрешить Японии вести лов рыбы в северных водах, где, по его словам, русские патрульные суда захватили после Второй мировой войны много японских рыболовных судов; расширения торговли между обеими странами. При этом он особо подчеркнул, что «вопрос об освобождении и репатриации японцев, задерживаемых в России, должен быть решен в первую очередь»¹⁹⁰.

Выступление М. Сигэмицу вызвало в парламенте оживленную дискуссию. Последовали запросы отдельных депутатов, среди которых особое внимание собравшихся привлекло мнению депутата от Либерально-демократической партии Охаси. Суть его выступления сводилась к тому, что «задержание соотечественников противоречит Потсдамской декларации, нарушает международные правила и обычаи и является незаконным действием, которое нельзя обойти вниманием с точки зрения гуманности». Он настаивал на том, что «этот вопрос должен быть решен как можно быстрее, независимо от того, будет ли осуществлена в результате переговоров нормализация японо-советских отношений или нет».

Охаси особо подчеркивал необходимость раздельного рассмотрения этих двух вопросов, высказывая предостережение против превращения проблемы репатриации в «предмет сделки, связанной с урегулированием двусторонних отношений»¹⁹¹.

В ответ на этот вопрос премьер-министр Японии И. Хатояма подтвердил готовность правительства приложить все силы к тому, чтобы в ближайшее время добиться освобождения находящихся в СССР интернированных гражданских лиц и военнопленных.

«Японское правительство настоятельно просит, — заявил он, — чтобы со вступлением в настоящие переговоры Советское правительство приступило к репатриации всех оставшихся японцев и как можно скорее завершило бы их безоговорочную репатриацию. Далее, японское правительство, — указал премьер, — настоятельно просит дать ему все сведения касательно задерживаемых японцев»¹⁹².

При этом он сообщил членам парламента сведения японского правительства на 1 мая 1955 г., согласно которым «в пределах СССР и находящихся под его властью районах находится в живых 1452 человека; лиц, положение которых не известно, 11 190 человек. Кроме того, предполагается, — добавил он, что имеется еще значительное число лиц, о которых нет сведений»¹⁹³.

7 июня японо-советские переговоры в Лондоне вступили в основную фазу. Знаменательно, что именно 7 июня правительство Советского Союза направило ноту правительству ФРГ с предложением о восстановлении дипломатических отношений между двумя государствами. Таким образом, почти одновременно на Западе и на Востоке начались переговоры по послевоенному мирному урегулированию.

Как и ожидалось, в качестве предварительных условий для начала переговоров с Москвой японская делегация выдвинула в письменной форме ранее озвученные в парламенте «семь пунктов», первым из которых значилось возвращение на родину японских гражданских лиц и военнопленных. Для обоснования этого требования советской стороне были вручены также стенограммы заседания парламента Японии от 26 мая 1955 г.

Выдвижение этого требования в качестве первоочередного было связано с внутривнутриполитической обстановкой в Японии и состоянием общественного мнения. Проведенные в 1955 г. опросы общественного мнения показали, что японцы считали наиболее важной проблемой в советско-японских переговорах проблему репатриации¹⁹⁴.

21 июня на четвертом пленарном заседании советско-японских переговоров в Лондоне в качестве основного условия нормализации своих отношений с СССР Япония вновь решительно настаивала на освобождении всех японских гражданских лиц и военных преступников. Однако глава советской делегации

Я. А. Малик, который на прошлом заседании обещал еще раз рассмотреть выдвинутое Японией требование о репатриации этих лиц в качестве первого шага к успешным переговорам, вновь воздержался от определенного ответа на этот вопрос. Его обсуждение вновь было отложено до следующего заседания.

Представитель Японии С. Мацумото, в свою очередь сославшись на то, что еще не закончено изучение советского проекта мирного договора, вновь поднял вопрос о японцах, находящихся в СССР. Он отметил, что, по имеющимся у него официальным данным, помимо военных преступников СССР задерживает более тысячи японских гражданских лиц. Указав на поступившую в его адрес телеграмму председателя парламентской комиссии по репатриации, глава японской делегации обратился с просьбой об ускорении решения этого вопроса. При этом он неоднократно подчеркивал, что репатриация японцев произвела бы хорошее впечатление в Японии и оказала бы положительное влияние на ход переговоров.

Следующая встреча представителей СССР и Японии, состоявшаяся 24 июня, также не внесла никаких позитивных перемен в решение этого вопроса, кроме очередных надежд японской делегации на то, что на сей раз Я. А. Малик передаст требование Японии в Москву. Как и прогнозировалось накануне, 24 июня Япония вновь обратилась к СССР с настоятельной просьбой об освобождении своих граждан.

Во время двухчасового заседания в посольстве СССР С. Мацумото настойчиво убеждал Я. А. Малика немедленно вернуть на родину японских военнопленных «во имя гуманности» и вновь настаивал на том, что вопрос о японских военнопленных имеет первостепенную важность и должен быть решен до обсуждения других проблем. Однако на сей раз японская делегация запросила сведения о судьбе почти 12 тыс. японцев, которые, по предположениям Японии, продолжали находиться со времени Второй мировой войны в русских тюрьмах и трудовых лагерях. Япония заявляла, что в советские лагеря было доставлено 575 тыс. японских военнослужащих¹⁹⁵.

Этот своеобразный политический вызов был сделан в ответ на почти трехнедельное молчание советского руководства по поводу известного требования Японии.

В Лондоне ждали новых указаний Москвы. Тем временем в ответ на настойчивые действия Японии в МИД СССР были вынуждены в спешном порядке подготовить проект заявления представителя СССР по вопросу о репатриации на советско-японских

переговорах. В нем вновь перечислялись известные по сообщениям ТАСС цифры о ходе репатриации. В итоге делался вывод о том, что советское правительство фактически не прекращает освобождение и репатриацию осужденных японских граждан, и у г-на Мацумото нет оснований сомневаться в гуманном и благожелательном отношении советской стороны в решении вопроса об освобождении и репатриации осужденных в СССР 1016 военнопленных и 357 японских гражданских лиц¹⁹⁶.

Одновременно с этим причастные к решению этого вопроса советские органы готовили в соответствии с поручением Президиума ЦК КПСС от 20 июня 1955 г. предложения по вопросу о находящихся в СССР осужденных граждан иностранных государств. Здесь исходили из целесообразности освободить и репатриировать всех находящихся в СССР иностранных граждан, осужденных за совершенные ими во время Второй мировой войны преступления, а также всех других осужденных граждан, дальнейшее содержание которых в заключении не вызывалось интересами безопасности СССР.

В записке ЦК КПСС и приложенном к ней проекте Постановления ЦК КПСС от 4 июля 1955 г. содержался специальный раздел, посвященный гражданам Японии. В нем предусматривалось продолжение репатриации из СССР через Красный Крест осужденных японских граждан, которые отбыли назначенный им по приговору суда срок наказания, независимо от хода переговоров с Японией.

Из этой категории предполагалось в ближайшем времени репатриировать 16 японцев. Об этом предполагалось сообщить японской делегации через советского представителя Я. А. Малика и одновременно передать ей списки на всех находящихся в СССР японских граждан. При этом Я. А. Малику поручалось заявить, что «вопрос об освобождении осужденных японских граждан, еще не отбывших срок наказания, в настоящее время рассматривается и выразить при этом уверенность, что Верховный Совет СССР амнистирует указанных лиц и разрешит им вернуться в Японию после подписания мирного договора»¹⁹⁷.

К документам прилагалась новая редакция проекта Указа Президиума Верховного Совета СССР об освобождении осужденных японцев, одобренного решением ЦК КПСС 23 мая 1955 г., который рекомендовалось опубликовать на следующий день после подписания мирного договора с Японией. Суть его сводилось к освобождению из мест заключения всех осужденных японских военнопленных и гражданских лиц, за исключением той части

лиц, осужденных на Хабаровском процессе в 1949 г. за участие в подготовке бактериологической войны и применение бактериологического оружия, которых соответствующие советские органы не сочтут возможным освободить от дальнейшего пребывания наказания. Их предполагалось передать в распоряжение японского правительства как военных преступников.

Это решение СССР в той части, которая касалась репатриации очередной партии отбывших наказание японских военнопленных и гражданских лиц в количестве 16 человек, было доведено до сведения японцев на заседании 26 июля. Это была уже четвертая по счету группа, которую советские власти репатриировали в Японию после опубликования совместного коммюнике между обществами Красного Креста обеих стран в 1953 г. (16 августа в этот список было внесено еще 11 имен).

Одновременно с этим 26 июля на лондонских переговорах представитель СССР Я. А. Малик заявил также представителю Японии С. Мацумото о готовности СССР сообщить фамилии 1016 японских солдат и офицеров и 357 гражданских лиц, до сих пор задерживаемых на советской территории.

Уже на следующий день в японских правительственных кругах приветствовали эти «поразительные изменения» в позиции СССР. Однако высказывалось и некоторое разочарование по поводу числа пленных, которых советские власти предлагали со временем репатриировать. Это число составляло примерно половину от ожидаемых в Японии репатриантов. По официальным правительственным данным, числилось, что 1452 японца живы и находятся в лагерях и еще около тысячи — на Сахалине. Кроме того, насчитывалось 10 090 пленных, о которых после 1950 г. поступали различные сведения, но их судьба и местопребывание были неизвестны ¹⁹⁸.

По существу, японская делегация стремилась поставить судьбу переговоров в зависимость от решения проблемы освобождения японцев. Глава японской делегации С. Мацумото откровенно заявил об этом в своей беседе с Я. А. Маликом 4 августа 1955 г., когда среди прочих вопросов поднял вопрос о репатриации.

Он отметил заметное улучшение настроений в Японии в связи с передачей советской делегацией списка на 16 японцев, отбывших наказание в СССР, а также обещанием советских властей предоставить данные на всех остающихся пока в СССР японцев. Одновременно с этим он высказал просьбу японской стороны о предоставлении списков на пропавших без вести соотечественников, объясняя это волей японского народа, который настаивает на немедленной репатриации всех военнопленных.

Я. А. Малик, со своей стороны, аналогичным образом сослался на то, что он тоже представляет народ и что «у советского народа также есть определенные настроения, с которыми надо считаться». Он в очередной раз заострил внимание японской делегации на том, что «в СССР нет военнопленных японцев, кроме осужденных за преступления, и что теперь уже не существует вопроса о репатриации, ибо он полностью решен. Что касается лиц, отбывающих наказание, — пояснил он, — то нельзя забывать, что прежде чем освободить этих японцев, нужно иметь какие-то юридические основания, нужна подготовительная работа. Советский Союз не имеет намерения задерживать ни этих лиц, ни других. Наоборот, каждый такой человек — это лишь обуза...

Что касается пропавших вести, — откровенно признался советский посол, — то в условиях военного времени и в первый период после окончания войны нельзя было точно произвести учет всех лиц, поэтому на пропавших без вести нет списков и сведений». При этом Малик заверил, что «если был бы или будет обнаружен хоть один японец, не попавший в списки, он будет немедленно включен в списки репатриации...»¹⁹⁹

Симптоматично, что за два дня до этого заседания состоялась встреча советника посольства СССР в Великобритании С. Л. Тихвинского с заведующим лондонским агентством газеты «Асахи» Мори, известным японским журналистом, много лет проводившим на работе за границей и имеющим большие связи в японских правительственных кругах.

По мнению Мори, задержка в урегулировании отношений между Японией и Советским Союзом не отвечала интересам народов обеих стран. Чтобы не допустить провала переговоров, японский журналист рекомендовал советской стороне пойти на ряд уступок. В частности, речь шла о согласии СССР на немедленную репатриацию из СССР всех находящихся там военнопленных, независимо от того, отбыли ли они сроки наказания или нет. Он предлагал по примеру решения советским правительством вопроса об австралийских военнопленных передать японскому правительству для дальнейшего отбывания наказания всех тех японских военнопленных, которые находились в советских тюрьмах и спецлагерях.

На встрече был также поднят вопрос о желательности приезда в СССР делегации Японского Общества Красного Креста для посещения мест погребения японцев и проведения точного учета умерших в СССР японских военнопленных. Третья рекомендованная уступка касалась отказа со стороны СССР от прав на ост-

рова Хабомаи и Шикотан и передачи их Японии. По мнению Мори, эти три уступки со стороны советского правительства являлись «минимально необходимыми для успешного установления дипломатических отношений»²⁰⁰.

Из беседы с японским корреспондентом у его советского собеседника сложилось впечатление, что все поднятые им вопросы были инспирированы руководителем японской делегации на советско-японских переговорах в Лондоне С. Мацумото.

В действительности японская сторона предпринимала массированный натиск на советских дипломатов в Лондоне. 4 августа состоялись еще две частные встречи японских и советских представителей, центральной темой которых также стали вопросы репатриации. Так, в записи беседы члена советской делегации П. А. Сергеева с членом японской делегации, первым секретарем посольства Японии в Лондоне Акира Сигэмицу содержится следующее сообщение: «Когда же я его спросил, с какого конкретного вопроса он считает необходимым начать, Сигэмицу ответил, что таким вопросом он считает репатриацию военнопленных.

На выраженное мною удивление по этому поводу и вопрос, разве эта проблема не считается японской стороной решенной после таких определенных заявлений нашего представителя, последний ответил, что они считают ее в принципе решенной, но он думает, что не следует откладывать практическое осуществление репатриации на период после подписания договора, имея в виду подготовку транспортных мероприятий в этом отношении»²⁰¹.

Японская пресса уделяла большое внимание ходу переговоров. Газеты поддерживали требования японской делегации о немедленном возвращении военнопленных и военных преступников, отбывавших наказание в Советском Союзе и широко распространяли утверждение японских властей о том, что якобы 12 тыс. японских граждан находится в Советском Союзе.

Однако, по данным советской прессы, в это время в Советском Союзе оставалось 1487 японских граждан из числа военнопленных, осужденных за военные преступления. К началу переговоров из 1487 военных преступников было уже репатриировано свыше 450 человек²⁰².

В течение двух месяцев японская сторона упорно уклонялась от обсуждения советского проекта мирного договора, требуя безоговорочной и незамедлительной репатриации всех японских военных преступников вне зависимости от решения основных вопросов советско-японских отношений. Советская же делегация как на пленарных заседаниях конференции, так и в беседах с

японскими делегатами предлагала начать постатейное обсуждение проекта, решить наиболее легкие и бесспорные вопросы, а затем уже заняться решением более сложных проблем.

Свои замечания по советскому проекту мирного договора японские представители высказали только 9 августа. В результате обмена мнениями выяснилось, что между сторонами, казалось бы, наметилась общность взглядов по большинству статей. Однако 16 августа японская делегация представила свой проект мирного договора, в котором со всей очевидностью выявились принципиальные расхождения между позициями СССР и Японии, прежде всего по территориальному вопросу и вопросу о проливах.

Тем не менее, японская делегация все еще рассчитывала на получение на этом заседании полного списка японских граждан, задерживаемых в СССР, и по-прежнему продолжала настаивать на своих требованиях о немедленной репатриации японцев из СССР. Однако никаких кардинальных сдвигов в этом направлении не произошло и на сей раз, что вызвало новую волну беспокойства у членов японской делегации.

Для выяснения причин создавшейся ситуации японская сторона организовала встречу начальника договорного отдела МИД Японии Мититоси Такахаси с советником посольства СССР в Великобритании С. Л. Тихвинским, состоявшуюся 29 августа в преддверии очередного раунда советско-японских переговоров. Японского представителя более всего интересовал вопрос, будут ли советской стороной на предстоящем заседании переданы списки японских военнопленных, содержащихся под стражей. М. Такахаси выразил крайнее удовлетворение возможностью получения указанных материалов и указал на то, что не только осуществление этого акта, но и его дата также будет иметь определенное значение для дальнейшего хода советско-японских переговоров.

Под этим значением он имел в виду общественное мнение Японии, поскольку эти сведения с нетерпением ожидалось в Японии. Они позволяли сотням тысяч японцев узнать о судьбе своих родных и близких, о которых не протяжении 10 лет не имели никаких сообщений. М. Такахаси подчеркнул, что «хотя вопрос о военнопленных не фигурирует в тексте мирного договора, тем не менее, для японского правительства и для японского общественного мнения этот вопрос имеет первостепенное значение»²⁰³.

Несмотря на это заявление, вопрос о японских военнопленных в советско-японских переговорах отошел на второй план. Главной темой острых политических дискуссий на всех последующих этапах двусторонних встреч стала территориальная пробле-

ма. 30 августа японская сторона внесла новый вариант статьи по территориальному вопросу. Вместе с восстановлением суверенитета Японии над островами Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи японцы ставили вопрос о принадлежности Южного Сахалина и прилегающих к нему островов, а также Курильских островов, который они предлагали решить путем переговоров между союзными странами, включая СССР и Японию.

В определенной мере снижению накала дискуссий по вопросу о репатриации способствовали определенные шаги советской стороны для его решения. 5 сентября 1955 г. советская делегация на переговорах в Лондоне передала японским представителям списка на оставшихся в Советском Союзе 1365 граждан Японии — 1016 бывших военнопленных и 357 гражданских лиц. Согласно разъяснению ранее значившихся в списке военнопленных 4 человека умерли, кроме того, в списке был обнаружен один немец.

Поэтому в конечном итоге в представленных документах проходило 1011 бывших военнослужащих японской армии и из 357 гражданских лиц — в реальности только 354, так как трое отказались от репатриации. Следует также учесть, что в число 1365 репатриантов входило 36 японцев, недавно вернувшихся в Японию. Таким образом, с корректировкой некоторых данных, представленных в списках, в действительности же число невозвращенных японских граждан составляло 1329 человек ²⁰⁴.

Японская и мировая печать сразу же отреагировали на это событие, оценив его весьма неоднозначно. Как сообщал из Лондона специальный корреспондент Японской радиовещательной корпорации, «японо-советские переговоры на третьем месяце наконец достигли некоторого прогресса. Но в отношении территориального и других вопросов переговоры по-прежнему находятся в щекотливом положении» ²⁰⁵.

Отказ обеих стран от взаимных уступок в этих вопросах создавал непреодолимые трудности для продолжения переговоров. Это еще раз продемонстрировало 15-е по счету заседание советской и японской делегаций, состоявшееся 13 сентября. На этом заседании С. Мацумото обратился к Я. А. Малику с просьбой предоставить в распоряжение японской стороны информацию относительно японцев, не включенных в список интернированных лиц, врученный советской стороной 5 сентября.

Как передавал из Лондона корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс, «специальный представитель Японии С. Мацумото был потрясен тем, что СССР не отчитался за судьбу свыше 11 тыс. японских солдат, которых Токио считал пропавшими. Мацумото,

встретившись 13 сентября в 15-й раз с русским послом Яковом Маликом на переговорах о мирном договоре, потребовал сообщить, что могло произойти с этими военнослужащими. Поскольку Малик отказывается пойти на уступки в вопросе о заключенных и в отношении требований Японии вернуть территории, которые она потеряла во время Второй мировой войны, переговоры, очевидно, зашли в тупик»²⁰⁶.

Однако, несмотря на эту и подобную ей оценки наблюдателей, уже на следующий день перспективы быстрого и успешного завершения затянувшихся советско-японских мирных переговоров в Лондоне, казалось, несколько улучшились в связи с сообщением о том, что ФРГ установила дипломатические отношения с СССР. Аналитики увидели много параллелей в содержании советско-германских и советско-японских переговоров, в особенности в части, касающейся вопроса репатриации военнопленных.

ФРГ также настаивала на немедленном освобождении военнопленных, все еще находившихся «в руках русских», а Россия по-прежнему упорно отказывалась освободить еще какую-либо группу задерживаемых до заключения мирного договора. В связи с этим делались прогнозы на то, что левые и правые социалисты используют соглашение между Бонном и Москвой как дальнейший рычаг для того, чтобы заставить И. Хатояма пойти на уступки России, или же, в противном случае, свалить нынешнее правительство.

Значительные изменения в создавшейся ситуации произошли в результате встречи японской парламентской делегации с советскими руководителями Н. А. Булганиным и Н. С. Хрущевым в Кремле. Как явствует из служебной записки на имя заместителя министра иностранных дел А. А. Громыко от 7 октября 1955 г., члены японской парламентской делегации в частной беседе, состоявшейся до их прибытия в Москву, кратко изложили существо разработанного премьер-министром Японии И. Хатояма плана достижения соглашения между Японией и Советским Союзом в ходе японо-советских переговоров.

Японская сторона исходила из того, что во время японо-советских переговоров в Лондоне Советский Союз не сможет согласиться на первоочередное решение вопроса о японских военнопленных и что по этому вопросу следует провести особые переговоры в Москве. При этом японские разработчики этого плана имели в виду два момента.

Во-первых, они считали, что вопрос о количестве японских граждан и военнопленных, находящихся в СССР, почти урегули-

рован в ходе японо-советских переговоров в Лондоне, и разница в списках обеих стран неизбежна и составляет 40—50 человек. Это исключало возможность использовать в антисоветской пропаганде первоначально представленные японской стороной данные по этому вопросу.

Во-вторых, они исходили из того, что если будет достигнута договоренность о подписании мирного договора между Японией и СССР, то переговоры по вопросу японских военнопленных, которые состоятся через некоторое время в Москве, естественно, могут успешно закончиться²⁰⁷.

Однако эти заранее разработанные предложения оказались практически невостребованными в переговорах японских парламентариев с советскими руководителями. Политическая инициатива во время состоявшейся беседы оказалась полностью у советской стороны.

Н. С. Хрущев разъяснил позицию СССР в вопросе об установлении дипломатических отношений с Японией. Она заключалась в следующей последовательности решения задач: ликвидировать состояние войны, заключить мирный договор и на основе этого установить дипломатические контакты, после чего подойти к разрешению всех остальных вопросов. Он подчеркнул, что это — вопрос престижа для СССР.

«Если Советский Союз примет условия, которые предъявляет Япония, и разрешит вопросы о военных преступниках и территориях до подписания мирного договора, то это означает, что мирный договор не будет подписан. Советский Союз на это не пойдет, — заявил советский руководитель. — Мы не предъявляем японскому народу требований, которые хоть в какой-то мере подрывают престиж Японии»²⁰⁸.

Н. С. Хрущев обвинял японское правительство в недостаточно серьезном подходе к вопросу о ликвидации войны и установлении нормальных дипломатических отношений и в этой связи в затягивании переговоров. В качестве позитивного опыта приводился пример Западной Германии. Вопрос о восстановлении дипломатических отношений с этой страной был решен, по его словам, за «каких-то пять дней». Исходя из этого, Хрущев считал, что четырех месяцев вполне достаточно для успешного завершения японо-советских переговоров, если к этому имеется стремление обеих сторон.

Демонстрируя стремление советской стороны к скорейшему заключению мирного договора, советские руководители с пониманием отнеслись к просьбе японской делегации «хотя бы на-

мекнуть» относительно того, что вопрос о Хабомаи и Шикотане будет разрешен благоприятно в пользу Японии. В ответ на это прозвучало обещание советского руководства о том, что «поскольку острова Хабомаи и Шикотан расположены вблизи японских островов, советская сторона, учитывая интересы японского государства и во имя развития дружественных отношений между Советским Союзом и Японией, благожелательно рассмотрит эту просьбу японской парламентской делегации» ²⁰⁹.

Японская газета «Ниппон Таймс» акцентировала особое внимание на обвинении Н. С. Хрущева в адрес японского правительства в «затяжке» переговоров, считая его «нелепым» и добавляя к этому, что «Япония может предъявить такое же обвинение Советскому Союзу. Затяжка и разногласия — это две различные вещи» ²¹⁰.

Касаясь же замечаний Н. С. Хрущева о том, что вопросы о рыболовстве и о военнопленных могут быть легко урегулированы после заключения мирного договора, газета выражала удивление, почему нужно ждать подписания договора, если эти вопросы могут быть так легко разрешены.

Газета заявляла, что в отношении этих вопросов также несомненна «сознательная попытка советского руководителя ввести в заблуждение японскую общественность». Указывалось, что «Хрущев, определенно, знает, что десятки тысяч японских семей ожидают возвращения своих близких, которые являются в настоящее время заложниками в советских тюрьмах и лагерях» ²¹¹.

В свою очередь, премьер-министр Японии И. Хатояма высказал свое намерение в целях ликвидации тупика в японо-советских отношениях обсудить ход японо-советских переговоров с японским представителем С. Мацумото, а также с лидерами оппозиционных партий.

С другой стороны, министерство иностранных дел, Общество по вопросам внешней политики, состоявшее из депутатов Демократической и Либеральной партий, Комитет по изучению внешней политики Демократической партии упорно поддерживали так называемую концепцию министра иностранных дел М. Сигэмицу. Они были настроены на то, чтобы воспрепятствовать восстановлению нормальных отношений с Советским Союзом до тех пор, пока не будут разрешены вопросы о военных преступниках и о территориях.

В преддверии возобновления переговоров в Лондоне в январе 1956 г. Япония по-прежнему настаивала на урегулировании вопросов о военнопленных до принятия советского предложения о немедленном возобновлении дипломатических отношений. По

сведениям из информированных японских кругов, предполагалось, что во второй фазе переговоров С. Мацумото займет, вероятно, более жесткую позицию в отношении СССР. Указывалось также, что правительство И. Хатояма менее склонно пойти на уступки СССР из-за недавнего советского вето на просьбу Японии о приеме ее в члены ООН.

Однако если в сентябре японцы намекали на то, что они, возможно, удовлетворятся освобождением пленных и возвращением небольших островов Хабомаи и Шикотан, то теперь они твердо настаивали на освобождении всех японских военнопленных и возвращении им Южного Сахалина и Курильских островов.

Особую остроту вопрос о переговорах с СССР приобрел в связи с намеченными на апрель 1956 г. выборами премьер-министра Японии. Правящая Либерально-демократическая партия по-прежнему выступала за нормализацию отношений с СССР на основе заключения мирного договора при условии урегулирования всех спорных вопросов. В ноябре 1955 г. при ее создании путем слияния Демократической и Либеральной партий руководство новой единой партии приняло специальный «политический курс» в отношении японо-советских переговоров, который предусматривал:

- предъявление Советскому Союзу требования о немедленной и полной репатриации японцев из СССР;
- предъявление требования Советскому Союзу о безоговорочном возвращении Японии островов Хабомаи, Шикотан и Южно-Курильских островов, вопрос о принадлежности других бывших японских территорий должен быть решен заинтересованными государствами на международной конференции;
- выдвижение требования о включении в мирный договор пункта относительно невмешательства одной страны во внутреннюю политику другой страны;
- получение от СССР обещания о поддержке приема Японии в ООН²¹².

Программа Либерально-демократической партии в вопросе урегулирования японо-советских отношений являлась одновременно и программой правительства Японии. Изложенного курса правительство И. Хатояма, как известно, придерживалось в ходе японо-советских переговоров в Лондоне, которые не привели к ожидаемым результатам. В этой связи И. Хатояма активно зондировал почву для нормализации отношений между нашими странами без заключения мирного договора.

17 января 1956 г. неофициальный представитель премьера Симидзу посетил советского представителя в Японии А. И. Домниц-

кого и сообщил ему, что И. Хатояма и его сторонники считают единственным путем быстрого завершения лондонских переговоров в создавшихся условиях объявление Советским Союзом декларации о прекращении состояния войны с Японией. Это предполагало также одновременное освобождение военных преступников и обмен посольствами с последующим решением всех остальных вопросов дипломатическим путем.

Как и предсказывали аналитики, в феврале 1956 г. советско-японские переговоры вновь зашли в тупик. 10 февраля 1956 г. японцам был вручен новый проект статьи по территориальному вопросу, где было сказано о передаче Японии островов Малой Курильской гряды (Хабомаи и Шикотан). Однако С. Мацумото практически проигнорировал этот документ, отметив, что новое предложение советской стороны не отличается от того, что было сказано Я. А. Маликом на предыдущем заседании, и что японская сторона никоим образом не может с ним согласиться.

12 марта министр иностранных дел Японии М. Сигэмицу заявил в бюджетной комиссии палаты советников, что «у него нет данных, которые свидетельствовали бы об изменении Советским Союзом своей основной политики в отношении Японии в результате недавнего съезда партии в Москве. Сигэмицу добавил, что министерство иностранных дел внимательно следит за возможным влиянием съезда на советскую позицию на переговорах в Лондоне о мирном урегулировании, но пока нет никаких признаков изменения»²¹³.

При этом М. Сигэмицу особо подчеркнул, что Япония по-прежнему будет придерживаться своей уже установленной политики. Вновь была повторена следующая последовательность действий: немедленная репатриация японцев, безоговорочное возвращение островов Хабомаи и Шикотан, а также южных Курильских островов, включая Кунашир и Итуруп, и решение судьбы Южного Сахалина и северных Курильских островов на международной конференции бывших союзных держав.

10 марта 1956 г. зашедшее в тупик обсуждение территориальной проблемы было прервано на неопределенный срок по инициативе японской делегации, взявшей паузу под предлогом согласования своей позиции с японским правительством. На самом же деле это был политический маневр японских политиков, использованный для продвижения своих территориальных требований. Определенную негативную реакцию в Японии вызвал, по видимому, также отказ Японии в приеме в члены ООН на X сессии Генеральной Ассамблеи.

На заседании 20 марта глава японской делегации особо подчеркнул, что мнения обеих сторон по территориальному и связанному с ним вопросу о проливах имеют глубокие расхождения. Более того, по словам С. Мацумото, он получил от своего правительства указания временно выехать в Токио для доклада о ходе переговоров и получения инструкции по их дальнейшему ведению.

21 марта генеральный секретарь японского кабинета Рютаро Нэмото, комментируя это событие, заявил, что «по мнению Японии, Советский Союз избегает полного разрыва в мирных переговорах между двумя странами». Он также выразил сожаление по поводу того, что «временное прекращение переговоров, которое, как он сказал, было предсказано министром иностранных дел М. Сигэмицу 15 марта, будет означать задержку в деле репатриации японцев, все еще задерживаемых в СССР...» Он сказал, что «Япония намерена продолжать переговоры об их возвращении вне рамок мирных переговоров»²¹⁴.

В свою очередь, японское правительство и правящая Либерально-демократическая партия 2 апреля 1956 г. объявили о своем решении направить в Советский Союз парламентскую миссию для изучения условий жизни японцев, задерживаемых в СССР. Предполагалось также, что члены парламента попытаются найти пути для разрешения вопроса о репатриации. Согласия Москвы на отправку этой миссии было решено добиться через японского посла в Лондоне Харухико Ниси.

9 апреля в министерстве иностранных дел Японии состоялось совещание по вопросу об отправке в СССР делегации японской общественности для посещения мест пребывания японских военнопленных. На нем было разработано три возможных сценария развития событий в зависимости от реакции советской стороны.

Было определено, что в случае если на поездку в Москву членов семей военнопленных не будут получены соответствующие санкции советских властей, то они будут направлены в Хабаровск. Или же, при крайних обстоятельствах, эта миссия будет заменена поездкой по тому же маршруту делегации Японского Общества Красного Креста. Однако реальные события развивались по четвертому, не предусмотренному, сценарию: СССР не дал согласия на эту поездку.

Последними представителями Японии, посетившими лагерь для японских военнопленных, были депутаты японского парламента, которые 20 сентября 1955 г. побывали в лагере № 48 в селе Чернцы Лежневского района Ивановской области. В этом лагере для высокопоставленных лиц содержалось 237 осужденных военных

преступников из числа бывших военнопленных японской и германской армий, их них 35 японцев: 23 генерала, в том числе бывший командующий Квантунской армией Отодзо Ямада, 10 офицеров и 2 рядовых. Парламентариям была предоставлена возможность встретиться и побеседовать со своими соотечественниками.

Впервые в этом лагере побывали члены делегации Японского Общества Красного Креста в ноябре 1953 г., а в июле 1954 г. — делегация членов японского парламента. Следующим после парламентариев представителем Японии в этом образцово-показательном лагере стал министр земледелия и лесоводства Японии И. Коно, прибывший в СССР в апреле 1956 г. для ведения переговоров с советскими властями по проблемам рыболовства. Из встречи и беседы с заключенными высокий японский гость вынес весьма благоприятные впечатления как о состоянии здоровья находящихся там японцев, так и об условиях их пребывания. Пропагандистский эффект, на который рассчитывали советские власти от посещения этого лагеря, возымел свое действие.

«Понятие лагерь, где находятся наши осужденные соотечественники, мы в Японии представляли далеко не так по сравнению с тем, что мы увидели лично. Мы поражены тем, что наши соотечественники содержатся в таких хороших условиях. Мне не было заявлено ни одной жалобы. По возвращении в Японию я доложу нашему правительству и общественности о том, как содержатся здесь наши соотечественники», — заявил он ²¹⁵.

За несколько дней до этой поездки И. Коно был принят Председателем Совета Министров СССР Н. А. Булганиным. Между ними состоялся довольно откровенный обмен мнениями по вопросам советско-японских отношений. Одной из главных тем стала проблема репатриации. Н. А. Булганин напомнил И. Коно о прошлогодней встрече его и Н. С. Хрущева с японской парламентской делегацией. «Мы тогда сказали, — заявил он, — что с г-ном Аденауэром мы договорились за пять дней и начали репатриацию немцев. С вами мы год разговариваем. Давайте не пять дней, а положим больший срок. Нормализуем отношения, обменяемся посольствами и отправим отбывающих наказание японских граждан. С таким вариантом я согласен.

Но, когда нам говорят — нет, вы сначала нам отпустите наших граждан, а потом мы заключим соглашение — это для нас не подходит. Это уже касается нашего престижа, а постановка вопроса звучит как ультиматум. Мы не можем пойти на это и не пойдем, — возразил советский руководитель и вновь вернулся к переговорам с Германией. — Когда мы беседовали с г-ном Аденауэром

уэром, то он и его коллеги также пытались сначала решить вопрос об освобождении немецких граждан. Но мы сказали “нет”, — подчеркнул он. — Мы не можем положить наш престиж на лопатки. Мы сказали — давайте подпишем соглашение и тогда начнем отправлять немецких граждан»²¹⁶.

В целом же визит в СССР министра земледелия и лесоводства Японии И. Коно, основной целью которого были переговоры по проблемам рыболовства, успешно прошедшие в Москве с 29 апреля по 14 мая 1956 г., сыграл важную роль в развитии советско-японских отношений. Он увенчался заключением Конвенции по рыболовству и Соглашения о сотрудничестве при спасении людей, терпящих бедствие на море. При этом был достигнут определенный компромисс, заключающийся в том, что указанные документы должны были вступить в силу только после заключения мирного договора или восстановления дипломатических отношений.

Этот дипломатический ход, предпринятый советской стороной, имел своей целью побудить японские политические круги к активным действиям в этом направлении. И. Коно, со своей стороны, обещал использовать свое влияние для достижения этой цели. Между обеими сторонами была достигнута предварительная договоренность о возобновлении не позднее 31 июля 1956 г. переговоров о нормализации советско-японских отношений.

Возобновлению этих переговоров на уровне министров иностранных дел СССР в Москве предшествовали настоящие политические баталии в Токио как по составу будущей делегации и ее полномочий, так и о путях урегулирования японо-советских отношений.

Острая фракционная борьба раздирала саму правящую Либерально-демократическую партию. Она по-прежнему четко распадалась на 2 группировки. С одной стороны выступала группа членов бывшей Демократической партии во главе с И. Хатояма, так называемая основная группировка в партии. Ей противостояла группировка С. Иосида, включавшая в себя ряд ведущих политических деятелей бывшей Либеральной партии.

Группировка С. Иосида, представлявшая в большинстве своем интересы влиятельных промышленных кругов, тесно связанных с американцами, выступала против «поспешности», за проведение так называемой «осторожной политики» в японо-советских переговорах. В качестве предварительного условия урегулирования японо-советских отношений она выдвигала удовлетворение Советским Союзом японских требований в первую очередь по территориальному вопросу.

Подобную позицию занимали и ряд деятелей бывшей Демократической партии, в частности министр иностранных дел М. Сигэмицу. Он подробно изложил ее в статье, опубликованной в августовском номере журнала «Эйма Син» за 1956 г. (журнал вышел в середине июля). В ней М. Сигэмицу признавал, что отношения между Японией и СССР «несомненно, должны быть рано или поздно восстановлены». Однако он заявлял при этом: «Мы должны в первую очередь стабилизировать и укоренить положение в стране, а в международной области прочно утвердиться в лагере свободных стран, прежде чем переходить к вопросу об установлении отношений с Советским Союзом» ²¹⁷.

Группировка И. Хатояма, представлявшая те круги японской буржуазии, которые стремились путем нормализации отношений с СССР добиться ослабления зависимости Японии от США, напротив, выступала за скорейшее урегулирование японо-советских отношений. Эта группировка выражала опасения, что требования, выдвигаемые японцами, могут привести к очередному срыву японо-советских переговоров. И полагала, что Япония должна пойти на уступки, в частности ограничить пока свои требования по территориальному вопросу возвращением островов Хабомаи и Шикотан.

Ряд политических деятелей из группы И. Хатояма в частных беседах и официальных выступлениях неоднократно высказывались за то, чтобы между Японией и СССР первоначально было бы достигнуто согласие о прекращении состояния войны и установлении дипломатических отношений, а после этого разрешены остальные спорные вопросы. Эта так называемая «формула Аденауэра», с успехом использованная в советско-германских переговорах, постепенно находила все больше своих сторонников и в Японии.

Сторонник И. Хатояма — министр земледелия и лесоводства И. Коно — в интервью газете «Майнити» поделился своим мнением о том, что так называемая «формула Аденауэра» остается единственно приемлемой для Японии формулой для восстановления отношений с СССР ²¹⁸.

В развитие этих высказываний на пресс-конференции 6 июля 1956 г. И. Хатояма высказался за то, что японо-советские отношения могут быть урегулированы на основе новой формулы — заключении мирного договора с последующим урегулированием территориального вопроса.

Характерной в этой связи представляется позиция Социалистической партии Японии. Она получила свое выражение в принятом в октябре 1955 г. на объединенном съезде левой и правой

социалистической партии специальном документе «Основные принципы политики». В нем выражалось стремление ее членов прежде всего положить конец состоянию войны между Японией и СССР и восстановить дипломатические отношения. В заявлении Социалистической партии от 21 октября 1955 г. по вопросу японо-советских отношений указывалось, что в случае задержки с заключением мирного договора обе стороны должны прекратить состояние войны путем промежуточного соглашения. При этом задержанные японцы должны были быть немедленно репатриированы, должен был быть произведен обмен дипломатическими миссиями и приложены усилия в направлении заключения мирного договора и урегулирования других проблем.

Требование о нормализации японо-советских отношений и установлении дипломатических отношений между Японией и Советским Союзом были также включены Центральным исполнительным комитетом Социалистической партии в программу деятельности партии на первую половину 1956 г. Одновременно с этим оно вошло в предвыборную программу партии накануне выборов в верхнюю палату японского парламента, которые состоялись в июле 1956 г.

Социалистическая партия считала, что при сложившихся обстоятельствах возможно подписание временного соглашения о восстановлении дипломатических отношений. В частности, председатель Социалистической партии Судзуки, касаясь вопроса о необходимости быстрее завершения японо-советских переговоров, заявил 6 июня 1956 г., что Социалистическая партия является сторонником завершения японо-советских переговоров на основе формулы мирного договора, однако в силу необходимости сейчас нужно ограничиться формулой временного соглашения о восстановлении дипломатических отношений ²¹⁹.

Несколько отличных от этого взглядов придерживалась в вопросе о нормализации японо-советских отношений японская компартия. Один из ее руководителей С. Носака в одном из своих выступлений 14 декабря 1955 г. заявил, что вначале между Японией и Советским Союзом должен быть заключен мирный договор и прекращено состояние войны. В дальнейшем же должен быть рассмотрен вопрос о возвращении японцев, находящихся в Советском Союзе, а также территориальный вопрос. Однако в заявлении 21 мая 1956 г. он уже несколько скорректировал свою позицию, считая возможным в целях скорейшего восстановления дипломатических отношений с Москвой пойти на использование так называемой «формулы Аденауэра» ²²⁰.

Что же касается позиции Рабоче-крестьянской партии Японии, то ее требования в вопросе японо-советских отношений были близки к требованиям компартии.

В связи с приближением установленного срока возобновления японо-советских переговоров, намеченных на 31 июля 1956 г., разногласия между группировкой И. Хатояма и сторонниками С. Иосиды значительно усилились. Это нашло свое выражение в первую очередь в борьбе между указанными группировками в правящей партии и правительстве по вопросу о составе японской полномочной делегации. Группа И. Хатояма стремилась ввести в состав делегации своих сторонников и, по возможности, отстранить от участия в переговорах представителей группы «осторожной политики». В этих целях И. Хатояма намеревался даже пойти на реорганизацию правительства с тем, чтобы вывести из его состава противников быстрой нормализации отношений с СССР, и в частности министра иностранных дел М. Сигэмицу.

Сторонники же «осторожной политики», в свою очередь, развили активную деятельность, стремясь не допустить осуществления намерений группировки И. Хатояма как в вопросе реорганизации правительства, так и в вопросе формирования полномочной делегации. В результате этих действий группировка И. Хатояма, в значительной мере ослабленная неудачей Либерально-демократической партии на выборах в верхнюю палату парламента в мае 1956 г., а также обострившейся фракционной борьбой, вынуждена была пойти на уступки.

В качестве ответственных лиц на переговорах с СССР были назначены министр иностранных дел М. Сигэмицу и бывший глава японской делегации на советско-японских переговорах в Лондоне С. Мацумото. Первый из них слыл сторонником «осторожной политики» в вопросе нормализации японо-советских отношений и проведения «жесткого курса» на мирных переговорах, тогда как второй являлся сторонником быстрой нормализации отношений.

В связи с назначением М. Сигэмицу главой делегации на переговорах с СССР бывший премьер-министр Японии С. Иосида обратился к нему с открытым письмом, в котором призвал министра иностранных дел занять твердую позицию на предстоящих переговорах. В этом письме, в частности, прослеживалась мысль о том, что еще не урегулированные с Россией проблемы следует урегулировать не в ходе переговоров, а на международной конференции с участием прежних союзных держав.

Активными противниками возобновления советско-японских переговоров выступили США, которые стремились не допустить

нормализации японо-советских отношений. В этих целях в японской прессе была организована пропагандистская кампания, а также среди правительственных, деловых и общественных кругов Японии в поддержку территориальных требований Японии и т. д. 1 июня 1956 г. в Токио прибыл заместитель помощника государственного секретаря США У. Себолд, который принял меры к активизации деятельности оппозиционных И. Хатояма группировок в Либерально-демократической партии. По тем же сведениям, У. Себолд при встрече с С. Иосида поставил вопрос о необходимости отставки кабинета И. Хатояма.

В результате разногласий в правительственных кругах японское правительство вплоть до выборов в верхнюю палату не смогло выработать окончательного курса по вопросу нормализации отношений с СССР на предстоящих переговорах в Москве, опасаясь усиления разногласий в партии и ослабления в связи с этим позиций Либерально-демократической партии в целом на выборах. Решение же исполнительного комитета Либерально-демократической партии (принято на чрезвычайном заседании комитета 18 июля 1956 г.) предписывало неизменно придерживаться прежнего правительственного курса. По-прежнему основная ставка делалась на сравнительно длительные переговоры с тем, чтобы добиться максимальных уступок со стороны СССР.

Рекомендовалось настаивать на нормализации отношений на основе заключения мирного договора. Однако не исключался вариант, при котором, столкнувшись с твердой позицией Советского Союза в территориальном вопросе, Япония в конечном итоге пойдет на подписание соглашения о восстановлении дипломатических отношений и обмене послами, отложив решение территориального вопроса на будущее.

Подобные сценарии были обусловлены все более усилившимися в Японии настроениями в пользу быстрой нормализации отношений с СССР, что диктовалось в первую очередь необходимостью окончательного разрешения вопроса о рыболовстве и других. Об этом, в частности, свидетельствовал успех на выборах в верхнюю палату японского парламента левых партий, выступивших за быструю нормализацию отношений с СССР. Для правящей партии становилось все более трудным игнорировать настроения общественности. Провал же переговоров между Японией и СССР мог привести к дальнейшему ослаблению позиции правящей Либерально-демократической партии.

31 июля 1956 г. начался второй этап советско-японских переговоров, и вновь вместе с вопросом о территориях была поднята

проблема репатриации. Этот шаг заранее прогнозировался в Москве. Для этого случая заранее были выработаны директивные указания, определяющие позиции советской делегации по этому вопросу. В целом же в рабочем плане ведения переговоров давались указания вести дело к заключению мирного договора, а в случае невозможности этого предложить японцам восстановить дипломатические отношения путем обмена письмами.

Как и ожидалось, в своем выступлении глава японской делегации министр иностранных дел М. Сигэмицу наряду с территориальными требованиями, почти сразу же отвергнутыми советской стороной, вновь поставил в повестку дня вопрос о репатриации. М. Сигэмицу заявил, что «это — проблема гуманности», а ее решение «облегчило бы заключение мирного договора», «содействовало бы упрочению основ, на которых будут строиться отношения между Японией и Советским Союзом»²²¹. Японский министр подверг критике советскую позицию по этому вопросу, назвав ее «политикой заложничества».

Реакция на эти обвинения с советской стороны не заставила себя ждать. Глава делегации Советского Союза — министр иностранных дел СССР Д. Т. Шепилов сказал, что включение в повестку дня переговоров вопроса о репатриации только бы усложнило переговоры.

М. Сигэмицу напомнили, что репатриация японских граждан давно завершена. Советский Союз отпустил на родину свыше миллиона человек (имеются в виду военнопленные и гражданские лица). В СССР содержится лишь небольшая группа лиц, осужденных за военные преступления. По соглашению между Обществами Красного Креста Советского Союза и Японии, подписанному в ноябре 1953 г., осужденные советскими судами японские подданные репатрируются по мере отбытия наказания, а некоторые и досрочно²²².

В Японии расценили этот ответ как свидетельство того, что «советская позиция не изменилась со времени мирных переговоров в Лондоне, когда главный делегат России Яков Малик заявил, что задерживаемые японцы будут освобождены только после установления мира»²²³.

Однако, несмотря на эти первые оценки, на следующем заседании 3 августа 1956 г. японская делегация вновь подняла вопрос о репатриации. М. Сигэмицу заявил, что, по японским данным, в СССР якобы находятся 11 177 человек, и попросил представить о них сведения. Он добавил, что другие страны, дескать,

давно передали японских преступников под надзор японского правительства ²²⁴.

В ответ на это советская делегация настаивала на том, что с декабря 1946 г. по апрель 1950 г. в Японию было отправлено свыше 1 млн. японцев, а в СССР остается немногим более 1 тыс. человек, осужденных советскими судами. Что касается списка, представленного японской делегацией, то, как отмечали советские представители, в нем фигурируют лица либо пропавшие без вести, либо умершие после пленения.

Советская делегация попыталась доказать несостоятельность и другого утверждения японской стороны. Для этого она использовала следующие факты. В частности, говорилось о том, что «по данным агентства Синьхуа от 4 июля 1956 г., из 111 человек, содержавшихся на Филиппинах, 59 человек приговорены к смертной казни, 20 — к тюремному заключению на срок от 32 лет до пожизненного заключения; из 423 японцев, осужденных в США, 155 человек приговорены к пожизненному заключению, а 258 человек — к различным срокам наказания. Отбывают наказание за военные преступления японские подданные в Голландии, Австралии, Англии и других странах. Между тем советское правительство отпускает многих преступников досрочно. После нормализации советско-японских отношений одновременно будет решен вопрос и о немедленном освобождении остальных» ²²⁵.

Однако ход переговоров, продлившихся до 14 августа, был вновь прерван острыми разногласиями по территориальной проблеме. Формальным поводом для окончания их второго раунда был отъезд министров иностранных дел СССР и Японии в Лондон на конференцию по Суэцкому каналу. Однако фактически перерыв произошел потому, что японская сторона продолжала настаивать на всех своих первоначальных требованиях, в особенности по территориальному вопросу.

Несогласованными оставались также вопросы о репатриации японских граждан, о приеме Японии в ООН, о восстановлении дипломатических и консульских отношений. При этом если по вопросу о завершении репатриации Япония все еще настаивала на его решении до вступления в силу мирного договора, то по вопросу о восстановлении дипломатических отношений она предпочитала обратный порядок, предполагая начать консультации после вступления в силу мирного договора.

В реальности же японская сторона была еще не готова подписать с СССР мирный договор, главным образом в силу существовавших разногласий внутри правящей Либерально-демократичес-

кой партии, где происходила острая борьба за пост премьер-министра и за руководящие посты в партии. Большое давление на правящие круги Японии оказывали США, чтобы затормозить нормализацию советско-японских отношений.

Новый перерыв в советско-японских переговорах был воспринят японским обществом негативно. Правительство И. Хатояма и руководство Либерально-демократической партии подверглись резкой критике со стороны ряда партий и некоторых деловых кругов.

Социалистическая партия вновь стала требовать ухода в отставку премьер-министра И. Хатояма. Ее лидеры призывали провести новые выборы в парламент, заранее призывая избирателей отдать голоса депутату от Социалистической партии. Взамен этому она обещала сформировать новое правительство и принять меры к нормализации отношений и Советским Союзом и КНР.

Внутри правящей Либерально-демократической партии также стали более настойчиво раздаваться голоса с требованием ухода премьер-министра И. Хатояма в отставку в связи с провалом московских переговоров.

Учитывая эти требования, И. Хатояма 11 сентября 1956 г. выступил с предложением провести новые консультации в Москве на уровне глав правительств по вопросу нормализации советско-японских отношений без подписания мирного договора.

Накануне обнародования этого решения И. Хатояма в ряде своих заявлений изъявил готовность пойти на нормализацию японо-советских отношений при удовлетворении советской стороной следующих условий: подписание соглашения о прекращении состояния войны между Японией и СССР, восстановление дипломатических отношений и обмен посольствами, репатриация японцев из СССР, вступление в силу японо-советского соглашения о рыболовстве, подписанном в мае 1956 г., оказание Советским Союзом поддержки Японии в вопросе о приеме в ООН.

Разрешение же территориального вопроса, по мнению И. Хатояма, могло быть отложено на будущее при условии, что советская сторона согласится на продолжение переговоров по территориальному вопросу и после нормализации отношений между двумя странами.

С этими пятью основными условиями продолжения японо-советских переговоров он направил письмо на имя Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина. При этом было также высказано пожелание, чтобы те пункты, по которым была уже достигнута договоренность во время переговоров в Лондоне и в

Москве, были приняты во время переговоров между главами правительств СССР и Японии.

13 сентября правительство СССР дало согласие на это новое предложение. Ответ Н. А. Булганина премьеру И. Хатояма был вручен 15 сентября 1956 г. Однако, несмотря на положительную реакцию Москвы, представившей также дополнительное разъяснение своей позиции по территориальному вопросу, предстоящая поездка японского премьера в СССР вызвала сильные разногласия в политических кругах Японии. Не меньшие споры возникли и в связи с выдвинутым японским премьером планом урегулирования японо-советских отношений с отсрочкой решения территориального вопроса.

Противники нормализации советско-японских отношений потребовали еще раз выяснить точку зрения Москвы по территориальному вопросу. В этих целях руководство ЛДП 17 сентября приняло решение направить в Москву С. Мацумото. На следующий день, 18 сентября, политический комитет партии определил задачи этой поездки следующим образом: «Посылка в Москву С. Мацумото предпринимается не в порядке проведения предварительных переговоров, связанных с поездкой премьера Хатояма в Советский Союз, а только для того, чтобы прозондировать мнение советской стороны, и что вопрос о поездке Хатояма в Москву должен быть вновь рассмотрен после отчета Мацумото»²²⁶.

29 сентября по просьбе японской стороны А. А. Громыко и С. Мацумото обменялись письмами, в которых выражалось согласие сторон после восстановления дипломатических отношений продолжить переговоры о заключении мирного договора, включая и территориальный вопрос. В свою очередь, в Москве активным ходом началось согласование других нерешенных проблем, которые должны были войти в повестку дня предстоящих переговоров.

11 октября Дальневосточным отделом МИД СССР для высшего руководства страны была составлена специальная справка к советско-японским переговорам, одно из приложений к которой было посвящено репатриации японских военнопленных и гражданских лиц. В нем приводились следующие обобщенные данные о количественном составе этих категорий лиц:

- в ходе войны в 1945 г. было пленено 594 тыс. японских солдат, офицеров и генералов;
- из этого числа было освобождено непосредственно в районе боевых действий 70 880 человек;
- репатриировано в Японию в 1946–1951 гг. 510417 человек;
- передано в распоряжении КНР в 1950 г. 961 человек;

– репатрировано в Японию в 1946-1950 гг. гражданских лиц 507 569 человек;

– в соответствии с соглашением между представителями Красного Креста СССР и Японии, достигнутом в ноябре 1953 г., с марта 1954 г. по август 1956 г. по этой категории было репатрировано 7 групп, общим числом 722 человека;

– на сентябрь 1956 г. в СССР оставались 859 человек из числа осужденных военнопленных и 314 человек из числа осужденных гражданских, итого 713 человек.

В справке также указывалось, что в СССР, кроме осужденных, проживают лица японской национальности как лица без гражданства – 713 человек. О наличии этой категории японцам не сообщалось и списки на них не передавались.

Разницу же между общим количеством пленных и репатрированных и отбывающих наказание в СССР (немногим более 10 тыс. человек) предлагалось отнести за счет умерших и без вести пропавших, о чем было заявлено членам делегации Японского Общества Красного Креста в ноябре 1953 г. Им было также разъяснено, что представить списки на этих лиц не представляется возможным, поскольку после пленения, особенно в первый период, на местах было трудно наладить надлежащий учет.

В справке упоминалось также и о том, что в ходе лондонских переговоров в 1955 г. японская сторона передала списки на 11 177 человек японских подданных, которые якобы находятся в Советском Союзе и не репатрированы. Как вытекало из этого документа, в результате частичной проверки в МВД СССР было установлено, что 139 человек из упомянутого списка были давно репатрированы в Японию, на что имелись доказательства, и 895 человек умерло в разные времена. Проверка остальных лиц продолжалась ²²⁷.

Однако эти, казалось бы, исчерпывающие данные МИД СССР, составленные по официальным документам советских организаций главным образом секретного характера, а также по сообщениям советских средств массовой информации, как выяснилось позже, также не являлись до конца достоверными.

В Государственном архиве РФ был обнаружен документ МВД СССР особой важности – Справка о количестве военнопленных бывшей японской армии, взятых в плен советскими войсками в 1945 г., направленная 18 октября 1956 г. накануне подписания Декларации по запросу советского внешнеполитического ведомства в адрес Н. С. Хрущева, Н. А. Булганина и А. И. Микояна. В ней впервые были представлены отличные от общепринятых ранее данные по японским военнопленным.

В частности, если в итоговой сводке Совинформбюро от 12 сентября 1945 г. общее количество японских военнопленных было объявлено в 594 000 человек, то здесь впервые была зафиксирована ранее не фигурирующая нигде цифра взятых в плен военнослужащих бывшей японской армии в 639 776 человек, в том числе 609 448 японцев и 30 328 китайцев, корейцев, монголов и других. При этом в числе 609 448 военнопленных японцев числилось 163 генерала, 26 573 офицеров, 582 712 унтер-офицеров и рядовых.

В Справку вносились коррективы и в данные об освобожденных из плена и репатриированных японцев за период с 1945 г. по 1956 г. и впервые называлась цифра в 546 752 японцев, в том числе 112 генералов и 25 728 офицеров. Кроме того, указывалось, что за это же время в Японию было репатриировано 6241 интернированных и арестованных японцев. Для сравнения следует напомнить, что в сообщении ТАСС объявлялось о возвращении на родину 510 409 японских военнопленных²²⁸.

Особого внимания заслуживает впервые обнародованная здесь цифра умерших в плену японцев в 61 855 человек, в том числе 31 генерал и 607 офицеров. Ранее о количестве японцев, умерших в плену, публикаций не было. Более того, в Справке специально оговаривалось, что на военнопленных японцев, репатриированных непосредственно на фронтах, до завоза на территорию СССР, а также на умерших на фронтовых сборных пунктах МВД СССР персональными списками не располагает.

Теперь о переданном во время переговоров японской стороной списке на 1047 осужденных японцев. В справке МВД говорилось, что из этого числа в последующем 176 осужденных японцев были репатриированы по отбытии срока наказания или после досрочного освобождения (один из них передан властям КНР по просьбе КГБ при Совете Министров СССР); 3 человека освобождены, и так как они от выезда в Японию отказались, были оставлены на жительство в СССР; 26 человек умерло.

Таким образом, на текущий период в местах заключения МВД содержалось 842 осужденных бывших японских военнопленных (из них один кореец — подданный Японии), которые значились в списке, переданном представителям Японского Общества Красного Креста. Кроме того, в местах заключения МВД содержалось 188 осужденных японцев из числа гражданских лиц. «Все эти 1030 японских подданных, — как указывалось в этом документе, — осуждены советскими судебными органами за преступления, предусмотренные статьями 58-6 УК РСФСР и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. на сроки от 20 до 25 лет».

Отдельным пунктом МВД СССР выделяло японцев, проживающих на территории СССР без национальных паспортов по видам на жительство для лиц без гражданства. На 1 января 1956 г. их насчитывалось 713 человек, большинство из которых отказалось выехать в Японию по причине обзаведения семьями и хозяйством. 577 человек находилось в Сахалинской области и 103 — в Красноярском крае. Среди этих японцев числилось 419 женщин, в основном домохозяек. Мужчины же работали на различных предприятиях и в колхозах ²²⁹.

Безусловно, эти сведения под грифом «совершенно секретно», поступившие в адрес трех высших советских руководителей, не были представлены японской стороне. Думается, что о них и сейчас не знают в Японии. Однако необходимость дополнительного расследования судеб многих без вести пропавших соотечественников не вызвала сомнений у правительства Японии. В этой связи на последнем этапе переговоров представитель Японии С. Мацумото сделал ряд замечаний, по существу, совместной декларации.

В частности, в пятом пункте Декларации об освобождении и репатриации осужденных японских граждан японская сторона предлагала внести дополнительный абзац с указанием того, что «Советский Союз по просьбе Японии будет проводить расследование в отношении японских граждан, судьба которых не известна».

С. Мацумото пояснил эту просьбу тем, что японская сторона имеет в виду 10 177 японцев, которые, по имеющимся в Японии данным, должны находиться в СССР, но о которых ничего неизвестно. Японский представитель указал, что списки этих лиц в свое время были переданы Я. А. Малику во время переговоров в Лондоне и просьба продолжить их розыск высказывалась М. Сигэмицу во время переговоров с Д. Т. Шепиловым.

В ответ на эту и ряд других дополнительных просьб японской стороны 16 октября 1956 г. МИД СССР направил в адрес советских руководителей специальное письмо. В нем, в частности, предлагалось «продолжить настаивать на нашей формулировке и заявить японцам, что компетентные советские организации по просьбе японской стороны будут содействовать выяснению судеб японских граждан, находившихся на территории СССР, как они это делают в отношении розыска граждан других государств. В случае, если японцы все же будут настаивать на включение этого положения в Декларацию, согласиться с их редакцией» ²³⁰.

19 октября 1956 г. в Москве была подписана совместная советско-японская Декларация о восстановлении дипломатических и

консульских отношений. Согласно 5-й статье Декларации, Советский Союз обязался освободить и репатриировать в Японию всех осужденных японских граждан, а также продолжить поисковые работы по запросам японской стороны ²³¹.

После опубликования Декларации Министерство внутренних дел СССР приступило к проведению подготовительных мероприятий по репатриации из СССР японских подданных. По этому вопросу был разработан и утвержден подробный план работы соответствующих учреждений МВД. В соответствии с этим планом все осужденные японцы были сконцентрированы в двух местах: в лагере № 16 г. Хабаровска и в лагере № 48 Ивановской области. Был точно определен порядок транспортировки, экипировки, питания и сопровождения репатриантов в пути следования.

Для этой акции были подготовлены комфортабельные пассажирские вагоны, в пути, кроме сухого пайка, их планировалось обеспечить одноразовым горячим питанием, папиросами, постельными принадлежностями, а также медицинским обслуживанием. Перед отправкой японским подданным предполагалось выдать новое обмундирование, а генералам — гражданскую одежду (демисезонное пальто, костюм, шляпа, сорочка с галстуком, ботинки, две пары носков, две пары нижнего белья).

Со всеми японцами перед отправкой на родину было приказано произвести полный денежный расчет за их работу в лагерях и предоставить возможность приобрести по их желанию промышленные и продовольственные товары через специально организованные в лагерях торговые палатки.

Давались установки на то, чтобы за 10 дней до отправки на родину все японские подданные были освобождены от всяких работ. Японцам было разрешено, кроме их личных вещей, вывозить с собой приобретенные ими промышленные и продовольственные товары, художественную литературу и почтовые открытки, а также хранящиеся у некоторых из них пучки волос и фаланги пальцев умерших соотечественников.

В связи с предстоящей репатриацией с осужденными японскими подданными повсеместно были проведены собрания, где им подробно были разъяснены положения совместной советско-японской Декларации. Была усилена политико-воспитательная и культурно-массовая работа: проводились беседы, доклады, 2 раза в неделю демонстрировались художественные фильмы, устраивались концерты и вечера художественной самодеятельности, другие мероприятия.

Однако до вступления в силу этого международного документа советские власти не торопились с завершением репатриации. В своем письме Председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину по поводу ратификации Декларации от 27 ноября 1956 г. премьер-министр Японии И. Хатояма вновь не преминул напомнить о том, что этим документом предусмотрены освобождение и репатриация японцев. В нем, в частности, говорилось, что «правительство и народ выражают желание, чтобы освобождение и репатриация указанных японских граждан была бы осуществлена незамедлительно» ²³².

В своем ответном послании 30 ноября 1956 г. Н. А. Булганин сообщал японскому премьеру о том, что «советским правительством принимаются необходимые подготовительные меры к тому, чтобы со вступлением в силу советско-японской совместной Декларации произвести репатриацию японских граждан из СССР к концу этого года» ²³³.

Согласно письму МВД СССР от 23 ноября 1956 г. в адрес Н. С. Хрущева, Н. А. Булганина и Н. Т. Федоренко (в то время — заместитель министра иностранных дел СССР), «по состоянию на 20 ноября в местах заключения содержится 1040 осужденных японских подданных: из них 825 человек осужденных бывших военнопленных и 215 человек осужденных из числа гражданских лиц. В числе осужденных бывших военнопленных содержится 21 генерал. Кроме того, на сборном пункте в г. Хабаровске содержится 22 японских подданных, освобожденных из мест заключения по отбытии срока наказания и по определению судебных органов, которые 2 декабря с.г. будут переданы в порту Находка представителям японского Красного Креста» ²³⁴.

Здесь же обозначалось, что увеличение количества осужденных японских подданных по сравнению с данными, сообщенными 18 октября, произошло за счет поступления вновь осужденных, задержанных пограничными войсками за нарушение государственной границы и незаконный лов рыбы в территориальных водах СССР. Из ранее упоминавшихся в том же письме 713 граждан японской национальности, проживавших в СССР, по состоянию на 1 ноября изъявило желание выехать в Японию 20 человек ²³⁵.

12 декабря 1956 г. заместитель министра иностранных дел Н. Т. Федоренко и министр иностранных дел Японии М. Сигэмицу обменялись в Токио ратификационными грамотами, и Декларация вступила в силу. На следующий день был опубликован Указ Верховного Совета СССР об амнистии японских граждан, осужденных в Советском Союзе.

13 декабря 1956 г. — в день выхода Указа Верховного Совета СССР об амнистии японских граждан — японское телеграфное агентство Киодо Цусин передавало из Японии свой комментарий: «После войны уже проведена четвертая амнистия военных преступников, а в мрачных камерах тюрьмы Сугамо до сих пор еще сидят узники. 26 декабря возвратятся тысяча с лишним человек военных преступников из Советского Союза. Уже прибыли военные преступники из Китая, за исключением 44 человек. Не решен вопрос только в отношении военных преступников, сидящих в тюрьме Сугамо, которые осуждены за преступления против Америки. В настоящее время за преступления против США в тюрьме Сугамо сидит 91 человек, против Австралии — 26 человек и против Англии — 23 человека. В ближайшее время ожидается освобождение шести военных преступников Австралией. Министерство иностранных дел все время обращается к США с просьбой освободить всех военных преступников. Но США до сих пор не предпринимают никаких мер, которые отвечали бы чаяниям японского народа»²³⁶.

В отличие от американцев советские власти придавали предстоящей репатриации японских граждан большое политическое значение и готовили ее со всей присущей советской системе pompой. За день до выхода Указа об амнистии, 12 декабря, министр внутренних дел Н. П. Дудоров информировал ЦК КПСС о ходе репатриации японских подданных. Подробно докладывалось о том, что 8 декабря из г. Иваново 50 граждан Японии, в том числе 21 генерал, были со всеми предусмотренными почестями отправлены в Москву, где для них был организован обед и экскурсия по городу: Красная площадь, Кремль, университет, метрополитен. Далее они проследовали в Хабаровск, откуда 21 декабря совместно с другими японцами, сосредоточенными в хабаровском лагере, их планировалось переместить в порт Находку.

Передача японских подданных представителям японских властей была намечена на 23 декабря 1956 г., и 21 декабря репатрируемые двумя специальными эшелонами были отправлены в Находку. Здесь 23 декабря произошла их передача представителям японским властям. И 24 декабря в 13 час. 32 мин. по местному времени пароход «Коан-мару» с 1025 японскими гражданами убыл в японский порт Майдзуру.

В информации МВД СССР в ЦК КПСС 24 декабря 1956 г. уточнялось, что «в числе переданных находились 20 генералов бывшей японской армии, один бывший действительный совет-

ник II ранга, начальник главного полицейского управления Маньчжоу-Го, приравненный к генералу, 306 офицеров. Среди репатрируемых имелся 61 человек больных и инвалидов. Из 1040 чел., подлежащих репатриации японцев, один как отбывший срок наказания был отправлен в Японию 2 декабря с.г. совместно с 22 японцами, отбывшими сроки наказания, о которых было доложено 23 ноября 1956 г. Десять человек от выезда в Японию отказались в связи с тем, что у шести из них проживают родственники на территории Советского Союза, у троих — в Китайской Народной Республике и у одного — в Корейской Народно-Демократической Республике. Два человека задержаны в связи с тем, что они являются лицами без гражданства, и вопрос о них будет решен особо»²³⁷.

Советник посольства Японии в Москве Ниидзеки заявил в Министерстве иностранных дел СССР, что «возвращение всех амнистированных к Новому году будет особенно благоприятно воспринято японским народом, поскольку Новый год считается в Японии самым большим праздником»²³⁸.

Однако эта политическая эйфория в Японии продолжалась недолго. Уже 26 декабря — в день прибытия в Японию этой последней партии японских репатриантов — корреспондент агентства Франс Пресс передал из Токио о том, что, по мнению японских властей, в советских тюрьмах продолжало находиться 880 японцев, и предполагается продолжить переговоры об их освобождении, а также о репатриации рыбаков Сахалина, получении сведений по поводу судьбы примерно 1500 военнослужащих, исчезнувших из Маньчжурии в 1945 г.²³⁹

Репатриационное бюро, в свою очередь, подтвердило наличие у него достоверных данных о том, что в СССР находится 385 японских граждан, не включенных в «список Малика». В связи с этим министерство делало предположение о том, что из Советского Союза еще не вернулось около 11 тыс. японских граждан²⁴⁰.

Министерство здравоохранения и социального обеспечения также составило список лиц, которые не значились в «списке Малика», но числились живыми. По этому списку проходило примерно 400 человек. Кроме того, по данным департамента морской безопасности, насчитывалось более ста японских рыбаков, задерживаемых советскими властями. Из общего числа этих японцев в последней группе репатриантов возвратилось лишь 43 человека, судьба остальных 450 оставалась неизвестной²⁴¹.

Более того, сведения, полученные от репатриантов, прибывших на судне «Коан-мару», позволяли сделать вывод о том, что

на Сахалине в это время проживало около 800 японских граждан, в то время как министерству были известны фамилии примерно 150 человек. Было также выяснено, что среди японцев, оставшихся на советском материке, имелись лица, которые вступили в брак с советскими гражданами и отказались от репатриации. По оценкам японского правительства, помимо вышеуказанных лиц, примерно 10 тыс. японцев все еще оставались без вести пропавшими ²⁴².

Однако для советских властей вопрос о японских военнопленных на этом был полностью исчерпан.

Глава VI

МЕРЫ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

1. Борьба бывших японских военнопленных за реализацию своих прав

Общественное движение бывших военнопленных в Японии

После подписания в 1956 г. совместной советско-японской Декларации о нормализации двусторонних отношений и последовавшей за этим репатриацией последней группы оставшихся в СССР осужденных японских военнопленных советское правительство, по существу, на долгие годы сняло с повестки дня советско-японских отношений эту важную гуманитарную проблему.

В Японии же, напротив, год от года эта проблема стала приобретать все более острое социальное и политическое значение. В середине 1970-х гг. в целях реализации своих прав здесь набирает силу общественное движение бывших военнопленных и членов их семей. На волне этих настроений в эти годы появляются различного рода немногочисленные общественные объединения типа существующих в настоящее время «Ягода», «Тайшет», «Хикава Сибирь» и других. Эти организации формировались либо бывшими однополчанами, либо узниками одних и тех же советских лагерей.

В 1976 г. на острове Кюсю была образована первая объединенная организация военнопленных, поставившая основной целью

своей деятельности добиться от японского правительства решения вопроса о выплате компенсации за тяжелый труд в сибирских лагерях.

В 1977 г. появляется первая крупная общенациональная организация — «Всеяпонская ассоциация бывших военнопленных за выплату компенсации».

Эта организация, более известная под названием «Всеяпонская ассоциация бывших военнопленных», действует на основе членских взносов и пожертвований граждан Японии. С первых дней своего существования она поставила в качестве основной цели своей деятельности добиться уравнивания в правах бывших узников советских лагерей с японскими пленными, оказавшимися на территории других стран.

Это касается в первую очередь получения компенсации за работу в плену, выявления имен и мест захоронений соотечественников, умерших в советском плену и т. д. Эти идеи получили широкую поддержку у населения страны. И в пору своей наивысшей активности организация насчитывала в своих рядах до 60 тыс. человек, в основном из числа рядового состава бывших японских военнослужащих.

Основатель и ее бессменный руководитель, возглавивший борьбу японских военнопленных за свои права — Рокуро Сайто — до последних лет своей жизни (умер в 1995 г.) последовательно выступал за развитие отношений между нашими странами, скорейшее заключение мирного договора и решение существующих проблем в гуманитарной области на основе международного права и сложившейся международной практики. Его деятельность была высоко оценена в России, свидетельством чему является его награждение первым из японских граждан орденом «Дружбы народов».

На счету у Ассоциации многолетний опыт сотрудничества с российскими государственными и общественными структурами по решению таких вопросов, как поиски сведений о без вести пропавших в плену и умерших на советской территории, а также мест их захоронений, возведение на них памятных обелисков, организация поездок туда родственников умерших. В этом же ряду стоят и совместные акции по реабилитации граждан Японии, ошибочно осужденных в советском плену, выдаче справок о труде в плену, а также антивоенные митинги, международные симпозиумы благотворительные мероприятия в России и т. д.

Особого упоминания заслуживают такие акции доброй воли, как возведение памятника русским и японским солдатам, погиб-

шим в последних сражениях войны на острове Шумшу, открытие мемориальной стелы в селе Ивановка Амурской области как акт покаяния японского народа перед гражданами России за горе и страдания, принесенные им в период японской интервенции и т.д.

В настоящее время в силу объективных причин старения ее членов, а также неоднократных реорганизаций Ассоциация заметно снизила свою активность в общественной жизни страны и в контактах с нашей страной, резко сократилось число ее членов и т. д. В последние годы в значительной степени видоизменился ее курс, направленный исключительно на решение проблемы выплат компенсации за работу в плену и других возмещений путем создания для этого необходимой законодательной базы через парламент Японии.

Условно в общественном движении бывших военнопленных в Японии можно выделить два основных направления.

Это организации, находящиеся в оппозиции японскому правительству, какой является «Всеяпонская ассоциация бывших военнопленных», и организации, действующие при поддержке японского правительства и осуществляющие, по существу, его политику в отношении проблем военнопленных.

Такую проправительственную структуру представляет собой другое довольно известное объединение узников советского плена — «Всеяпонское общество интернированных», работающее под руководством депутата японского парламента от Либерально-демократической партии Хидэюки Айдзава. Идея ее создания принадлежит японскому правительству. В апреле 1989 г. оно выделило на эти цели государственные субсидии на сумму 500 млн. иен. В настоящее время эта организация продолжает функционировать на правах фонда при финансовой поддержке японского правительства.

«Всеяпонское общество интернированных» создавалось как альтернативная организация «Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных». Практической целью ее создания являлось формирование противодействия набирающему силу движению военнопленных за свои права, которое зачастую шло вразрез с официальной политикой, и приобщения его задачам правительственного курса в этом вопросе.

«Всеяпонское общество интернированных» образовалось в результате возникших разногласий внутри «Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных» и объединило в своих рядах в основном офицерский состав бывшей Квантунской армии. Многие

ее члены были в свое время подвергнуты разным срокам уголовного наказания в СССР, что обусловило их наиболее длительное пребывание в советском плену. Это обстоятельство в значительной мере определило основную идеологическую окраску деятельности этой организации.

Руководству общества свойственны критические оценки политической линии СССР в отношении японских узников советского плена, которые ими переносятся и на многие важные гуманитарные шаги нынешнего российского государства. В одностороннем порядке выдвигаются требования к советской стороне по выплате компенсации за труд в плену, возврату территорий т. д. Такие политические установки, впрочем, не мешают ее представителям поддерживать контакты с российскими государственными и общественными организациями, довольно регулярно посещать нашу страну, встречаться с представителями российской общественности, проводить совместные симпозиумы с целью разъяснения своей позиции.

Еще более ярко выраженные националистические подходы к проблемам военного плена и к нашей стране в целом свойственны членам организации бывших высших офицеров Квантунской армии, побывавших в советском плену, — «Сакухокукай». Ее идейным лидером долгие годы являлся Тэйго Кусадзи, который хорошо известен своими резкими критическими высказываниями в адрес нашей страны по территориальной и другим проблемам.

Список организаций бывших военнопленных дополняет «Общество памяти погибших в Тихоокеанской войне», президентом которой является известный японский политический деятель, крупный бизнесмен, бывший военнопленный Рюдзо Сэдзима. Ежегодно этим обществом проводятся поминальные мероприятия в память японских солдат, погибших в годы последней мировой войны. По инициативе этой организации и японского правительства в Хабаровске в 1995 г. возведен мемориальный комплекс японским военнопленным, умершим в советском плену.

Отношение политических партий и государственных органов Японии к проблемам военного прошлого

Долгие годы все общественные организации имели лишь единственную возможность обнародовать в той или иной форме нерешенные проблемы советского плена внутри своей страны, обра-

щаяся за содействием в их решении к правительственным или судебным органам Японии. Достаточно сказать, что члены «Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных» ставили этот вопрос перед правительством более 20 раз. Несколько раз этот вопрос заслушивался в ряде комиссий японского парламента.

Время от времени к проблеме выплат бывших японских военнопленных за работу в советских лагерях подключались известные политики и депутаты парламента, которые, в свою очередь, зачастую использовали ее лишь как весомый аргумент для подъема своего рейтинга во время предвыборных кампаний. Тем не менее, ряд японских партий, в том числе Социалистическая (в настоящее время — Социал-демократическая), Комэйто и другие, разрабатывали в сентябре 1987 г. для внесения в парламента законопроект о выплате компенсации бывшим узникам советского плена с указанием принципа расчета сумм выплат. Однако до его принятия дело не дошло в связи с выдвижением правящей Либерально-демократической партии своей альтернативы в виде создания специального Фонда по проведению мемориальных миротворческих мероприятий (образован в 1988 г.).

В этих целях в декабре 1987 г. был принят специальный закон, имеющий своей целью продемонстрировать общественное признание в адрес бывших военнопленных. Одним из мероприятий этого фонда стало вручение серебряного кубка и денежного пособия размером в 100 тыс. иен бывшим узникам сибирских и монгольских лагерей и членам семей умерших, не получившим права на получение военных пенсий. Характерно, что это законодательство касалось только граждан Японии и не было распространено на бывших военнослужащих Квантунской армии, плененных Советской армией — жителей Кореи (11 тыс. человек) и Китая (13 тыс. человек). Эта акция, по мнению многих бывших японских военнопленных, ни в коей мере не снимала с повестки дня стоящих перед государством компенсационных проблем и являлась лишь искусным способом завуалировать их.

Этот фонд формально продолжает свою деятельность и в настоящее время. Он по-прежнему располагает широкими финансовыми возможностями при достаточно узкой сфере своих задач. Им арендуется целый этаж в фешенебельном небоскребе «Сумитомо» в токийском районе Синдзюку. Там демонстрируется постоянная экспозиция, посвященная военному плену, открыта небольшая библиотека и офис с большим штатом сотрудников, занимающихся в основном работой по запросам бывших военнопленных на получение ранее объявленных пособий и подарков.

Второе официальное обращение к этой проблеме со стороны исполнительной и законодательной власти Японии состоялось в середине 1990-х гг. в связи с приближавшимся 50-летием со дня окончания Второй мировой войны. Инициатива в этом вопросе отчасти принадлежала премьер-министру Японии Морихиро Хосокава. В своей речи по случаю вступления на этот ответственный пост он публично поставил вопрос о послевоенной ответственности Японии за агрессию, о необходимости пересмотра исторических фактов и принесения извинения народам, пострадавшим от действий японской армии. Это высказывание вызвало новую волну неоправданных надежд внутри и за пределами Японии на возможность принятия японским правительством новых мер по послевоенному урегулированию и получения от него послевоенных компенсаций.

Уместно напомнить в этой связи, что, по мнению японских властей, вопросы выплат различного рода послевоенных репараций и компенсаций были полностью решены на межправительственном уровне. Так, в отношениях большинства союзных держав эти проблемы были отрегулированы в Сан-Францисском мирном договоре. В его 14-м пункте была зафиксирована обязанность Японии по выплате репараций Союзным Державам «за ущерб и страдания, которые она причинила во время войны». Однако вместе с тем в договоре признавалось, что в «настоящее время ресурсы Японии недостаточны для того, чтобы, сохраняя жизнеспособность своей экономики, выплачивать полностью репарации за весь ущерб и страдания и одновременно выполнять свои обязательства»²⁴³. На основании этого многие страны победившего блока отказались от своих прав на репарации.

С четырьмя азиатскими государствами, в частности Филиппинами и Вьетнамом, сохранившими свои претензии в отношении Японии, были заключены отдельные соглашения о репарациях соответственно в 1956 г. и 1960 г., в рамках которых Японией были произведены соответствующие выплаты. Этому же примеру последовали Бирма в 1955 г. и Индонезия в 1958 г., проведя в этой связи двусторонние переговоры с японским правительством.

Третий путь расчетов демонстрирует пример Республики Корея, которая в результате 10-летних переговоров с Японией в 1965 г. заключила с ней договор, согласно которому Япония предоставила корейской стороне на безвозмездной основе товаров и услуг на 72 трлн. японских иен на условиях полного разрешения таким образом всякого рода компенсационных проблем²⁴⁴.

Эта практика была использована в отношениях и со многими другими азиатскими странами. Так, Республика Корея, получив безвозмездную экономическую помощь от японского правительства, начиная с 1971 г. ввела в действие у себя в стране специальное законодательство о приеме и удовлетворении финансовых претензий гражданских лиц в отношении Японии. На этой основе было предоставлено более 306 млн. 250 тыс. иен из общей суммы полученных от японской стороны средств на выплаты соответствующих компенсаций. Напомним, что с СССР вопрос финансовых претензий путем взаимного отказа от них урегулирован в совместной советско-японской Декларации 1956 г. И, таким образом, на межгосударственном уровне вопрос о военных репарациях и компенсациях у Японии в настоящее время открыт лишь с КНДР, с которой до сих пор не установлены дипломатические отношения.

Более того, в соответствии с шестнадцатой статьей Сан-Францисского мирного договора Япония взяла на себя обязательство «в качестве проявления своего желания компенсировать ущерб, понесенный военнослужащими вооруженных сил Союзных Держав, которые претерпели чрезмерные лишения, будучи военнопленными Японии» передать «свои активы и активы своих граждан, находившиеся в других странах, которые были нейтральные во время войны, или которые были в состоянии войны с какой-либо из Союзных Держав, либо по ее усмотрению эквивалент таких активов в Международный Комитет Красного Креста». В свою очередь, Международному Комитету Красного Креста предназначалось реализовать такие активы и распределить созданный фонд соответствующим национальным органам «в пользу бывших военнопленных и их семей на такой основе, которая, по его суждению, будет справедливой»²⁴⁵.

На этом основании японское правительство предоставило в 1955 г. Международному Комитету Красного Креста заграничные активы на сумму 4 трлн. 500 млрд. иен. Сюда же были привлечены и другие источники финансирования: японские капиталы в виде собственности на Таиланде и банковских процентов на них на сумму соответственно 2 млн. 970 тыс. фунтов и 7 млн. 980 тыс. фунтов. В общей сложности в пересчете на японские иены это составило на то время 5 трлн. 900 млрд., о чем свидетельствовал специальный отчет МККК за 1971 г.²⁴⁶ Эти средства были направлены на выплату компенсаций бывшим узникам японских лагерей 40 стран, в том числе Англии, Канады, Голландии. Австралии, Филиппин и других.

В 1993 г. газетой «Асахи» был проведен опрос общественного мнения по проблемам послевоенного урегулирования среди своих читателей и выявлено следующее отношение к ним населения Японии. Обратимся лишь к нескольким итоговым цифрам.

Свое согласие с мнением премьер-министра по поводу агрессивных действий Японии во время последней мировой войны и необходимости переосмыслить их выразило 76% опрошенных (15% ответили отрицательно, 9% уклонились от ответа).

Интерес к проблемам послевоенных компенсаций и признание необходимости осуществления соответствующих выплат со стороны японского правительства гражданам иностранных государств, бывших колониями Японии или захваченных Японией в годы войны, которые подверглись антигуманным действиям и дискриминации со стороны Японии, подтвердило 57% респондентов (37% ответили отрицательно, 9% уклонились от ответа).

На вопрос о том, должна ли Япония следовать выполнению этих требований или же достаточно того, что в той или иной степени эти вопросы урегулированы на уровне государства, 51% читателей выразили свое положительное отношение (37% ответили отрицательно, 12% уклонились от ответа).

Далее шла конкретизация вопросов. Требование женщин Филиппин, Кореи и других стран, подвергшихся насильственным действиям со стороны японских солдат, поддержал 51% участников опроса (33% ответили отрицательно, 16% уклонились от ответа), иски граждан Корейского полуострова и других бывших колоний Японии, которые сражались в рядах японской армии, но после войны стали гражданами других государств — 74% (15% ответили отрицательно, 11% воздержались от ответа).

Не выпали из внимания журналистов и проблемы советского плена. Вопрос на эту тему был сформулирован следующим образом: «Среди самих японцев есть немало людей, в том числе узники “сибирского плена”, в отношении которых также совершались антигуманные действия. Должно ли позаботиться о них японское правительство или другое государство, имеющее к этой проблеме отношение, проявить заботу о выплате им компенсации?» 72% опрошенных выступили за положительное решение (18% ответили отрицательно, 10% уклонились от ответа) ²⁴⁷.

Таким образом, большинство участников опроса активно поддерживали идею необходимости пересмотра исторического прошлого Японии и выплаты послевоенных компенсаций всем, кто стал жертвами войны. И что не менее важно для бывших узни-

ков советских лагерей — их требование поддержало 72% респондентов.

Под давлением общественного мнения в Японии была создана специальная комиссия по выработке законопроектов по защите жертв войны и выплате им компенсаций. В эту категорию лиц вместе с корейскими женщинами — бывшими так называемыми сексуальными рабынями были включены и бывшие японские военнопленные — узники советского плена и другие. Однако, если по первому вопросу, хоть и не в полной мере, но все-таки удалось предложить некоторые меры для его решения — в основном через различные частные фонды — то второй вопрос вновь оказался вне поля внимания парламентских и государственных структур.

При этом правительство и парламент Японии предпочли дистанцироваться от финансовой ответственности за действия своих предшественников и соответственно обойти вопрос о выплатах послевоенных компенсаций, связанных с этими действиями.

Исключение за немногим более 10 лет составили лишь насильственно перемещенные на Сахалин корейские граждане, перед которыми японское правительство признало свой долг по воссоединению их семей. Сюда же следует причислить корейских граждан, подвергшихся атомным бомбардировкам в Хиросиме и Нагасаки, и жителей Тайваня, которые в годы войны служили в японской армии и понесли большой физический ущерб, и семьи погибших.

Такое положение вызвало новую волну протеста и новые акции со стороны бывших жертв войны, главным образом за пределами Японии, поскольку все попытки добиться справедливости через японские суды оказались без результата. Достаточно сказать, что японские судебные инстанции одна за другой ответили отказом на соответствующие иски по поводу компенсации за жестокое обращение и принудительный труд в японском плену от граждан Великобритании, Голландии и других стран. Так, 26 ноября 1998 г. Токийский суд отклонил иск английских узников японского плена, через 4 дня после этого аналогичный ответ последовал и в адрес голландских истцов. Еще раньше с обреченностью каких-либо попыток добиться реализации своих прав от японских властей столкнулись бывшие военнопленные из Южной Кореи.

В результате возникшего тупика родилась идея о создании своеобразного международного союза бывших военнопленных за свои права, объединившихся на основе единых требований к прави-

тельству Японии. Инициаторами этой акции международной солидарности стали граждане Японии, Голландии, Республики Корея. «Для нас начинать борьбу с влиятельным японским правительством, как уже испытали сами, весьма тяжело как с финансовой, физической, так и моральной точек зрения», — писал в своем письме нынешнему президенту Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных Т. Камбаяси заместитель председателя голландского Фонда за материальную и моральную компенсацию Б. Кооэн ²⁴⁸. Эти слова были не только знаком благодарности за проявленную бывшими военнопленными солидарность с их движением, но и началом совместных действий.

Сегодня Япония утверждает, что давно расплатилась за все преступления своей военщины и больше не обязана отвечать по искам жертв Второй мировой войны. Вот почему власти Канады, например, в конце 1998 г. приняли решение о выплатах из собственных государственных средств компенсации 700 своим гражданам — бывшим военнопленным и членам семей умерших за принудительные работы в японских и немецких лагерях в общей сумме 18 млн. канадских долларов (1 триллион 400 миллиардов иен).

Дело в том, что в свое время канадские узники японского плена на Тайване (1685 человек, 260 — умерли в лагерях) получили от японских властей компенсацию из расчета 1,5 канадских доллара за 1 день пребывания в плену. После этого выплаты прекратились, и, таким образом, граждане Канады вынуждены были апеллировать к своему правительству по поводу возмещения причитающихся им сумм, поскольку с подписанием Сан-Францисского мирного договора этот вопрос на уровне двух стран был исчерпан ²⁴⁹.

Напомним, что в ФРГ правительство Г. Коля так же, как и Япония, всячески противилось подобным искам. А сам бывший канцлер неоднократно заявлял, что все правовые обязательства германского государства уже выполнены и все претензии, если они есть, следует направлять непосредственно фирмам. Для оказания помощи своим бывшим иностранным рабочим две из них — «Фольксваген» и «Сименс» — учредили в сентябре 1998 г. свои собственные «фирменные» фонды примерно одинаковой величины (12 млн. долл. одна, около 20 млн. марок — другая).

Результатом этой новой политической линии стало учреждение на средства крупнейших в стране фирм и банков нового фонда — «Фонд — инициатива немецких предпринимателей: память,

ответственность и будущее» или сокращенно «Немецкий фонд памяти», который уже приступил к своей деятельности по выплате компенсаций с мая 2000 г.

Опыт Германии может оказаться весьма актуальным и для Японии.

2. Деятельность правительства Российской Федерации по восстановлению международно-правовых норм в отношении бывших японских военнопленных

Советские государственные органы на протяжении более 40 лет старались избегать вопросов, связанных с военным пленом и правами людей, ставшими жертвами войны. По существу, замалчивались факты пребывания в плену на территории СССР более 600 тыс. бывших военнослужащих Квантунской армии и их использования на самых тяжелых объектах хозяйственного строительства — рудниках, шахтах, лесоповалах. Зачастую в нарушение международных конвенций они работали в военной промышленности, а также на вредных для здоровья и опасных производствах. Тяжелые условия труда и быта, непривычный суровый климат и скудность питания привели к массовой смертности, в особенности в первый год плена.

Речь идет о грубом нарушении в отношении этих людей практически всех основных международно-правовых норм, зафиксированных в основополагающих международных документах, регулирующих порядок обращения с военнопленными, таких как Гагская конвенция 1907 г. «О правилах и обычаях сухопутной войны», Женевских конвенций об обращении с военнопленными 1929 г. и 1949 г.

Это — полное игнорирование со стороны советских властей их обязанностей по информированию японской стороны о судьбах японских граждан, попавших в плен, довольно продолжительный запрет на право переписки японских военнопленных с их родственниками в Японии.

Это — отказ от предоставления японским официальным органам точных данных о количестве японцев, умерших в плену, с указанием их имен, фамилий, а также мест их захоронений, запрет на посещение могил родственниками умерших.

Это — постоянное сознательно спланированное затягивание сроков репатриации, растянувшейся, по существу, на десять лет в

нарушение Соглашения о репатриации, подписанного между советским правительством и Штабом оккупационных сил 19 декабря 1946 г.

Это — отказ от выдачи при репатриации на родину бывшим военнопленным справок о труде в плену, а также в большинстве случаев — невыплаченной сумме заработка, инциденты изъятия денег и ценных вещей советскими таможенными службами без выдачи соответствующих документов.

Это — политические репрессии, повлекшие за собой незаконные приговоры судебных и внесудебных органов с осуждением японских узников плена к лишению свободы нередко на 25 лет, а в ряде случаев и к смертной казни даже без предварительного уведомления об этом официальных лиц Японии, и ряд других форм правового произвола.

Все эти вопросы остались за рамками советско-японской Декларации 1956 г. И любые попытки японской стороны подойти к их обсуждению, а также различного рода инициативы государственных и общественных организаций Японии, отдельных частных лиц, связанные с выяснением судеб умерших и без вести пропавших в советском плену граждан Японии, оставались без внимания советских властей. Безотказно действовала установка на то, что за все время пребывания в плену в СССР умерло всего 3957 граждан Японии, захороненных на 26 кладбищах.

Из документов бывшего Центрального государственного особого архива сегодня становится очевидным, что уже тогда советские органы имели в наличии большое число личных дел бывших японских военнопленных. Велась довольно подробная кладбищенская документация, содержащая списки умерших военнопленных всех национальностей и захороненных во всех регионах бывшего СССР с указанием номеров квадратов и могил на кладбищах. В этой документации можно обнаружить планы кладбищ, и иногда встречаются даже фотографии захоронений. Все это позволяет в настоящее время вести большую и кропотливую работу по уточнению имен умерших и мест их захоронений.

Вместе с тем из архивных документов сегодня явствует, что в СССР были допущены серьезные нарушения в организации учета умерших и их погребения. Именные списки содержали данные далеко не на всех узников лагерей, графа «место захоронения», случается, вообще отсутствовала либо координаты этих мест указывались без особой точности. При приеме военнопленных в лагеря учетные дела и карточки нередко заполнялись малограмотными сотрудниками, что приводило к искажению японских имен,

фамилий и других биографических данных. Все это затрудняет сейчас поисковую работу.

Немало, видимо, вошло в число так и не подтвержденных умершими тех солдат и офицеров, чья смерть при конвоировании, эвакуации, в лагерях и спецгоспиталях не была своевременно зафиксирована документально, равно как и отмечено место захоронения.

В архиве хранится письмо руководителю одной области, где, в частности, говорится: «Установлено, что местные органы власти никакого надзора за принятыми кладбищами не осуществляли, вследствие чего кладбища находятся в запущенном состоянии: большинство могильных холмиков разрушены или не имеется вообще, многие заросли кустарником, ограждения кладбищ отсутствуют»²⁵⁰. Нетрудно догадаться, что такая же картина наблюдалась и в других республиках, краях и областях СССР. На бывших японских захоронениях возводились заводы и школы, распахивались поля под картошку, а в Иркутской области, например, они были затоплены для возведения знаменитой Братской ГЭС.

При таких обстоятельствах не могло быть и речи о каких-либо принципиальных шагах по исправлению ошибок прошлого: вопрос о бывших японских военнопленных стал своеобразной тайной за семью печатями. И лишь с началом демократических процессов в нашей стране вопрос о бывших японских военнопленных впервые был вновь поднят на межгосударственный уровень.

Об этом свидетельствует в первую очередь Соглашение о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных, подписанное между правительствами СССР и Японии в апреле 1991 г. во время официального визита в Японию президента СССР М. С. Горбачева.

Одновременно с этим советский президент передал японской стороне списки на 37 800 японцев, умерших в советском плену, и выразил соболезнование их семьям, членам которых было впервые предоставлено разрешение со стороны советских властей на посещение могил. В этом же году в общем потоке развернувшейся реабилитации жертв политических репрессий начался процесс пересмотра судебных решений в отношении граждан Японии, незаконно осужденных во время нахождения в советском плену.

Все эти начинания были продолжены и развиты Российской Федерацией как правопреемницы СССР. В этих целях расширяются поисковые работы в российских архивах по выявлению имен еще более 20 тыс. умерших в СССР. 18 октября 1991 г. принимается закон «О реабилитации жертв политических репрессий», на основе которого активизируется процесс реабилитации граждан Япо-

нии. Региональными властями разрабатывается комплекс мер по приведению в порядок воинских захоронений и строительству совместно с японскими организациями памятных обелисков, приему на местах специализированных групп родственников умерших.

В качестве дополнительных мер правительства по содействию таким поездкам 17 февраля 1994 г. консульским учреждениям РФ в Японии было направлено указание из Москвы об освобождении этой категории лиц от уплаты консульских сборов за оформление виз. 13 января 1995 г. принимается постановление правительства РФ «О мерах по реализации межправительственных соглашений об обеспечении сохранности и порядке содержания российских (советских) воинских захоронений за рубежом и иностранных воинских захоронений в Российской Федерации».

26 марта 1992 г. после долгих и трудных согласований выходит в свет распоряжение правительства РФ о выдаче справок о труде бывшим японским военнопленным и членам их семей, находящимся в плену на территории бывшего СССР после окончания войны, о чем 18 октября 1994 г. МИД РФ официально уведомил своей нотой МИД Японии. В соответствии с этим распоряжением около 40 тыс. граждан Японии получили российские документы.

И наконец, в октябре 1994 г. Россия признает антигуманное отношение к японским военнопленным со стороны сталинского режима, за что бывший президент РФ Б. Н. Ельцин во время своего официального визита в Японию принес извинение от имени российского народа обществу Японии.

С большим пониманием к этой проблеме относится и нынешний президент Российской Федерации В. В. Путин, что было продемонстрировано во время встреч с высшими японскими государственными деятелями. В рамках его официального визита в Японию в сентябре 2000 г. прошли консультации между министерством внутренних дел РФ и министерством здравоохранения и социального обеспечения Японии. Их итогом стал подписанный министром внутренних дел В. Б. Рушайло и послом Японии в России Минору Тамба «Протокол о передаче данных о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных».

В этом документе было зафиксировано стремление обеих стран к продолжению сотрудничества с целью ускорения выполнения межправительственного «Соглашения о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных», а также намерение российской стороны предоставить Японии еще не переданные сведения об умерших в лагерях для военнопленных японцев, а также о местах их захоронения. В этих целях продолжает работать специальная Ко-

миссия по делам военнопленных, интернированных и без вести пропавших при администрации президента РФ, созданная Указом президента РФ от 27 февраля 1997 г.

3. Меры по урегулированию проблемы японских военнопленных в российско-японских отношениях

Соглашение о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных

Какие же вопросы в области прав японских военнопленных сегодня требуют своего решения и, по всей вероятности, консультаций с российской стороной? Чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего следует обратиться к содержанию «Соглашения о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных», являющегося базовым документом в этой области двусторонних отношений.

Это соглашение явилось, по существу, первым двусторонним документом, официально признавшим наличие нерешенных межгосударственных гуманитарных вопросов, которые долгие годы не включались в повестку дня советско-японских переговоров. В этом состоит его большое историческое значение. Для бывших японских военнопленных и членов семей умерших его подписание стало хорошим знаком того, что теперь правительства обеих стран будут уделять должное внимание этой проблеме.

Однако вскоре японские граждане столкнулись с огромной и неожиданной проблемой: соглашение «не работает» и становится определенным тормозом на пути решения их вопросов. Его содержание стало подвергаться серьезной критике со стороны общественных кругов Японии в связи с явной ограниченностью его действий и малой эффективностью его применения в реальных условиях.

Круг затрагиваемых в нем вопросов касается в первую очередь умерших в советском плену бывших военнослужащих японской армии. Имеется в виду работа по выявлению их имен, приведение в порядок мест захоронений, вывоз останков, передача личных вещей умерших т. д. Однако даже и эти поставленные в документе вопросы требуют более детальной юридической проработки, о чем речь пойдет ниже.

Что же касается ныне живых участников тех событий, число которых все еще превышает 200 тыс. человек, то их интересы оказались за рамками двусторонних договоренностей. Главное со-

стоит в том, что соглашение не включает в себя не только решение, но даже фиксацию наиболее сложных и принципиальных проблем, которые связаны с обеспечением основных прав узников советского плена и членов семей умерших, тех вопросов, решение которых требует подробного согласования между двумя странами. Это — вопросы компенсационных выплат за работу в плену, реабилитации и другие.

Эта ситуация вызвала массовое общенациональное движение по сбору подписей под Петицией о внесении дополнений в Соглашение, которое 14 февраля 1994 г. было направлено в высшие органы законодательной и исполнительной власти Японии и России. Однако дело так и не сдвинулось с мертвой точки. В чем же состоит суть претензий со стороны японской общественности по содержанию этого документа?

Начнем с самого названия Соглашения. При его подготовке составители, по-видимому, приложили немало усилий, чтобы избежать использования понятия «военнопленный», прибегнув к словосочетанию — «лица, находившиеся в лагерях для военнопленных». Это еще раз подчеркивает, что в Японии до сих пор не определен статус узников советского плена, что в значительной степени осложняет решение многих проблем, связанных с защитой и реализацией их прав.

Не будет лишним напомнить также и о том, что далеко не все узники советского плена размещались в лагерях для военнопленных. Часть из них трудилась в Особых рабочих батальонах Министерства Вооруженных сил СССР (переименованное в дальнейшем в Министерство обороны СССР). А некоторым по необоснованным обвинениям пришлось сносить тяготы тюремных застенков или специальных лагерей для осужденных преступников и т.д.

Используя понятие «лагеря для военнопленных», авторы Соглашения делают его субъектом лишь основной контингент японцев, вывезенных на территорию СССР, и формально лишают возможности его распространения на всех граждан Японии, прошедших через советский плен. Это явно входит в противоречие с духом документа, отраженным в преамбуле — «исходя из соображений гуманизма». Таким образом, довольно очевидно, что в самом заглавии документа явно допущены юридические и исторические неточности и просто ошибки. Это — о названии Соглашения, теперь о его содержании.

По мнению бывших военнопленных, одним из самых спорных моментов Соглашения является то, что все полномочия по его реализации переданы в руки исключительно государственных ор-

ганов, и тем самым сужены до минимума, а практически сведены к нулю возможности участия в этой деятельности общественных организаций.

Речь, в частности, идет о признании исключительно межправительственного канала для передачи списков умерших и их личных вещей. Причина такого положения ясна: этот пункт направлен против тех лиц, и прежде всего в России, которые сделали из несчастья людей предмет купли-продажи. Но не они составляют большинство. Ведь на практике зачастую именно общественностью наших стран, и в особенности в российских регионах, проводится напряженная и наиболее результативная поисковая работа. Без нее трудно представить себе сбор недостающей информации о судьбах еще почти двух десятков тысяч японцев, остающихся до сих пор без вести пропавшими.

Наиболее распространенным в Японии доводом для юридического обоснования приоритета дипломатических каналов в передаче такого рода информации является ссылка на необходимость сохранения тайн частной жизни. Однако, по мнению самих же военнопленных, это суждение явно противоречит правовым нормам Женевской конвенции 1949 г., согласно которым положение военнопленного не подлежит осуждению. На практике это означает, что имена умерших в плену, места их захоронений и так далее могут и должны быть предметом гласности как для их родственников и знакомых, так и для их однополчан ²⁵¹.

Соглашение отличается также недостаточной разработанностью практических мер для его реализации, привязанных к соответствующим статьям национальных законодательств. Прежде всего это касается порядка эксгумации останков и их вывоза на родину.

Вопросы, связанные со смертью и погребением военнопленных, отрегулированы статьей 120-й Женевской конвенции 1949 г., которая предусматривает право государства распоряжаться останками умерших подданных. Однако здесь необходимо принимать во внимание следующие обстоятельства. Сегодня на практике зачастую происходит массовое вскрытие японских захоронений в нарушение санитарно-гигиенических норм и без официального согласия родственников умерших, что входит в противоречие с российским, а также японским законодательством.

По японским законам в отсутствии официальных документов об идентификации останков перед родственниками умерших, в случае их желания осуществить погребение в семейных могилах, возникает целый ряд неразрешимых проблем. Для перезахороне-

ния в Японии требуется разрешение главы местной администрации, необходимо сообщить имя, фамилию и пол умершего, сведения о месте его проживания при жизни, дате смерти, месте захоронения, причине перезахоронения, представить заявление родственников покойного и т. д. Без установления и официального подтверждения этих данных индивидуальное погребение в семейных могилах в Японии запрещено. И поэтому широко практикуются коллективные захоронения останков бывших японских военнослужащих в так называемой могиле неизвестного солдата. Таким образом, бывшие военнопленные, чьи имена и обстоятельства смерти стали постепенно проясняться в результате огромной работы многих энтузиастов в России, у себя на родине уже окончательно и навсегда становятся безымянными.

По некоторым данным, с 1991 г. по настоящее время в общей сложности эксгумированы и вывезены на родину останки более 10 тыс. умерших в плену японских военнопленных.

Эта проблема имеет и еще одну моральную сторону — разрушение и закрытие японских кладбищ в России и тем самым приостановка посещений этих мест представителями Японии. На практике же, по высказываниям очевидцев, эксгумация останков производится, как правило, не полностью и далеко не деликатным образом. В результате этого часть останков остается в могилах. При этом после завершения поисковых работ верхний слой земли сравнивается тракторами, и кладбище практически прекращает свое существование. Кроме того, существуют серьезные противопоказания в отношении вскрытия могил с точки зрения санитарно-эпидемиологических противопоказаний. Это особенно актуально для сибирских регионов с их холодным температурным режимом. Здесь тела погребенных подвержены хорошей сохранности, и существует прямая угроза распространения опасных инфекционных бактерий при их эксгумации.

Такие действия представителей правительственных организаций Японии вызвали резкий протест со стороны общественности Японии. Вслед за ним последовали тревожные сигналы о тех или иных проявлениях недовольства местного населения из регионов России, где административные власти, связанные обязательством выполнения межправительственного соглашения, не могли воспрепятствовать этим акциям.

С учетом всех этих обстоятельств «Всеяпонская ассоциация бывших военнопленных» обратилась в мае 1992 г. в адрес министерства здравоохранения и социального обеспечения Японии (сейчас переформировано в министерство здравоохранения и труда) и

МИД РФ с предложением продолжить курс на восстановление японских кладбищ и организацию посещений их родственниками умерших. Напомним, что по инициативе этой организации было построено около 100 обелисков на местах японских захоронений, состоялись первые массовые посещения этих мест гражданами Японии. «Строя обелиски и приводя в порядок кладбища, мы не только чтим память умерших товарищей, но и хотим создать условия для того, чтобы из поколения в поколение тысячи японцев посещали эти места, создать своеобразные очаги дружбы, сближающие наши народы», — говорится в письме в МИД РФ ²⁵².

Ассоциацией также предлагалось выработать единый план совместных действий в этом направлении японских правительственных и общественных организаций. Особое внимание обращалось на необходимость приведения в порядок и сохранения японских захоронений, строительства на них мемориальных обелисков и регистрации их как официальных кладбищ. Этот план не исключал и организации вывоза останков в соответствии с общепринятыми обычаями и юридическими нормами, преимущественно из отдаленных и недоступных для посещения районов, а также из тех мест, где останки остались не захороненными по тем или иным причинам.

МИД РФ поддержал это мнение японских общественных кругов. В специальной рекомендации местным органам власти, в частности, указывалось на то, что «желательно избежать эксгумации останков и передачи их японцам (за исключением тех случаев, когда имеется прямая просьба родственников умершего) с обустроенных и ухоженных кладбищ, приводящих к разрушению этих кладбищ и вызывающих нежелательный резонанс» ²⁵³.

К сожалению, эта рекомендация так и не стала руководством к действию российским административным лицам, вывоз останков из районов Сибири и Дальнего Востока приобрел сегодня поистине массовые размеры.

И наконец, еще один вопрос, не нашедший своего решения в Соглашении — это вопрос о принадлежности предметов прикладного и декоративного искусства, сделанных японскими военнопленными в лагерях в качестве дара советскому государству и находящихся сегодня в российских архивах. В 1995 г. в ходе юбилейных мероприятий, посвященных 50-летию окончания Второй мировой войны, эти экспонаты были продемонстрированы в Токио на выставке «Сибирский плен» с дальнейшим показом их на периферии. В те дни в стенах Государственной архивной службы РФ прорабатывалась идея о безвозмездной передаче этих предме-

тов японской организации бывших военнопленных в качестве шага доброй воли.

Однако японское правительство подвело под этим намерением юридическое требование о возвращении этих предметов в Японию на правах личных вещей, принадлежащих военнопленным. По мнению российских экспертов, здесь смешиваются два понятия: «личные вещи» и «художественные изделия, переданные в дар».

Вопросы, связанные с «личными вещами» военнопленных, были отражены в советско-американском Соглашении о репатриации (1-й пункт 6-го параграфа), в Женевской конвенции 1949 г. (119-я статья), в советско-японском Соглашении о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных 1991 г. (5-й пункт 1-го раздела). Они включают в себя такие предметы, как очки, записные книжки, часы, личные фотографии и прочие индивидуальные принадлежности военнопленных. Предметы же, о которых идет речь, — художественно оформленные альбомы, вышитые знамена, шкатулки и т. д. — объединены в понятие «художественные поделки», переданные в дар советскому государству, и, таким образом, право их собственности, а также использования принадлежит российской стороне. При всей внешней очевидности этой проблемы разногласия по ней между двумя странами пока еще не преодолены.

Перечень существующих проблем, требующих дополнительных консультаций со стороны компетентных органов России и Японии, не ограничивается только перечисленными выше вопросами. Наиболее сложные из них, к сожалению, не отражены в рассматриваемом межправительственном Соглашении, но именно они представляют наибольшие препятствия для реализации прав бывших японских военнопленных — это вопрос о реабилитации граждан Японии, незаконно осужденных в советском плену, и о выплате компенсаций за работу в плену.

Основанием для доработки этого двустороннего документа может служить статья 6-я Женевской конвенции 1949 г. Она свидетельствует о том, что «ни одно специальное соглашение не должно наносить ущерба положению военнопленных, установленному настоящей конвенцией, не ограничивать прав, которые она им предоставляет»²⁵⁴.

Существующее же Соглашение, по мнению бывших японских военнопленных, не обеспечивает защиту и реализацию их основных прав. В этом смысле оно создает основу для использования порождаемых этим проблем во вред поступательному развитию российско-японских отношений. Обеспокоенный этим обстоя-

тельством президент Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных Р. Сайто, принимая орден «Дружбы народов» из рук президента России Б. Н. Ельцина в Кремле 12 апреля 1993 г., обратился к нему с просьбой о содействии в этом вопросе.

Через каналы Посольства РФ в Японии был получен ответ следующего содержания: «Президент Российской Федерации внимательно ознакомился с вашим письмом. Поставленные в нем вопросы общечеловеческого гуманитарного содержания заслуживают самого серьезного изучения и тщательной проработки. Они будут должным образом учтены в нашей работе по совершенствованию договорно-правовых документов, регулирующих российско-японские отношения, в первую очередь в гуманитарной области» ²⁵⁵.

Однако до сих пор все эти вопросы ждут своего решения.

Реабилитация лиц японской национальности, незаконно осужденных в советском плену

К разряду дискуссионных и неоднозначно воспринимаемых в России и Японии тем относится вопрос о судебном преследовании японских военнопленных в СССР. На протяжении многих лет эта проблема блокировалась реалиями «холодной войны» и политическим противостоянием наших стран, с одной стороны, и правовым произволом в нашей стране, влекущим за собой полное игнорирование прав человека и других международных юридических норм, — с другой. Новые подходы к этой проблеме наметились лишь с начала демократических процессов в нашей стране.

16 января 1989 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в 30–40-х и начале 50-х годов». Эту акцию СССР как его правопреемник подтвердила РФ своим Постановлением от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий». На основе этих документов Главной военной прокуратурой было реабилитировано более 700 граждан японской национальности, ошибочно осужденных во время нахождения в плену на территории бывшего СССР.

Первым японцем, реабилитированным в СССР, стал бывший унтер-офицер, командир взвода 5-го железнодорожного полка Квантунской армии ныне покойный Цунао Никайдо. 16 августа 1945 г. он был пленен советскими войсками в Маньчжурии и

помещен в лагерь для военнопленных в Чите. 24 сентября 1948 г. он был арестован по подозрению в разведывательной деятельности против СССР в 1940–1945 гг., необоснованно обвинен в шпионаже и 10 января 1949 г. по внесудебному решению особого совещания при МГБ СССР подвергнут лишению свободы на 25 лет с содержанием в исправительно-трудовом лагере. Освобожден из мест заключения по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1956 г. 16 мая 1991 г. Ц. Никайдо был признан невиновным и реабилитированным, о чем свидетельствует справка о реабилитации, выданная Главной военной прокуратурой.

Однако факт реабилитации не получил признания у него на родине. Его иск по поводу выплаты компенсации за работу в плену был дважды отклонен в японских судебных инстанциях, в частности под предлогом того, что «Советский Союз при подписании Женевской конвенции 1949 г. сделал оговорку о том, что она не распространяется на военных преступников»²⁵⁶.

Речь идет о статье 85-й, посвященной уголовной и дисциплинарной ответственности пленных солдат и офицеров. Известно, что во время обсуждения текста Женевской конвенции 1949 г. статья 85-я с согласования сторон была принята в следующей редакции: «Военнопленные, подвергающиеся преследованию в силу законодательства державшей в плену Державы за действия, совершенные ими до взятия в плен, пользуются покровительством настоящей конвенции даже в случае их осуждения»²⁵⁷.

Однако к моменту официального подписания документа в Берне (12 декабря 1949 г.) отношение Советского Союза к статье 85-й принципиально изменилось. И советская делегация попыталась, правда безуспешно, внести в документ поправки, свидетельствующие о том, что, по мнению правительства СССР, военные преступники «должны подчиняться режиму, установленному в данной стране для лиц, отбывающих наказание»²⁵⁸.

Это означало, что сталинское руководство считало неприемлемым предоставлять осужденным право обжаловать приговор в международной инстанции, встречаться с уполномоченными державами — покровительницами, вообще распространять на военных преступников какие-либо политические права.

Но правильно ли ссылаться на этот исторический инцидент в случае с Ц. Никайдо? Определенно нет. И не только потому, что он был лишь предметом дискуссии и не получил своего официального одобрения со стороны мирового сообщества. Ц. Никайдо был реабилитирован страной, державшей его в плену и ошибочно осудившей его на основе ее внутреннего законодательства. Эта

проблема требует своего подробного рассмотрения со стороны правоведов. Перед историками же, на наш взгляд, стоит несколько иная задача — дать, по возможности, максимально объективную картину судебного преследования японских военнопленных в СССР, проанализировать его суть и причины.

По мнению советских юристов, ничто не мешало СССР привлечь к уголовной ответственности иностранных, в том числе японских, подданных. Юридическим основанием для этого служили документы национального законодательства — УК РСФСР и УПК РСФСР в редакции 1927 г., довольно часто применялся Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля 1947 г. об усилении ответственности за хищение общественного и личного имущества, а также международного права. Однако Гагская конвенция 1907 г. и Женевская конвенция 1929 г. не пользовались вниманием юристов и в обвинительных заключениях не упоминаются.

В большей степени ориентировались на статью 26-ю «Положения о военнопленных» от 1 июля 1941 г. Если раньше военнопленных к суду военного трибунала могли привлечь только за преступления, приравненные к воинским, в остальных случаях дела по обвинению военнопленных подлежали рассмотрению в общем порядке, то теперь все дела о преступлениях, совершаемых военнопленными, стали рассматриваться военными трибуналами по законам Союза ССР и союзных республик. Неисполнение военнопленным приказа лица, которым он подчинен, сопротивление этим лицам или оскорбление их действием при исполнении ими служебных обязанностей приравнивалось к соответствующему воинскому преступлению.

Обратимся к конкретным примерам. Так, в письме от 1 февраля 1950 г. оперативное Управление ГУПВИ МВД СССР сообщало в МИД СССР о фактах «грубого обращения и издевательства реакционно настроенных военнопленных японцев над своими соотечественниками». Ряд японцев были осуждены за то, что «заставляли больных военнопленных солдат выполнять тяжелую физическую работу, не давали солдатам положенные нормы питания и за счет этого ухудшали питание офицерского состава военнопленных». Другой случай повлек за собой осуждение к 25 годам лишения свободы военного врача-хирурга бывшей японской армии за то, что при оказании медицинской помощи 8-летнему ребенку, сломавшему руку, он «неправильно сложил сломанные кости руки с тем, чтобы сделать советского ребенка уродом». И в этом же ряду — преступление совершенно

инога рода — зверское избиение военнопленного японца, вследствие чего тот умер ²⁵⁹.

Среди мнимых и подлинных уголовных преступлений, инкриминированных японским военнопленным, нередко можно встретить обвинения в жестокости японских офицеров в отношении своих же соотечественников. Так, в феврале 1950 г. некто Тада-ногу Като — один из японцев, репатриированных из Сибири, выступил на страницах японских газет с требованием провести расследование по делу японского офицера Акия Маруи. В результате его бесчеловечных действий в одном из сибирских лагерей умерло более 1500 японцев.

Като рассказывал, что он стал очевидцем гибели японских солдат, которых японский офицер после мытья в бане заставлял стоять раздетыми на снегу и т. д. Японские газеты сравнивали этот случай с нашумевшим в Японии «делом Иосимура», которого обвиняли в убийстве большого числа японцев в одном из лагерей в Улан-Баторе. Однако ни тот ни другой случай не был официально подтвержден советскими властями.

Зато советские органы внутренних дел сообщали о преступлениях японцев другого рода. Так, например, рядовой Дзюбэ Кайда, 1911 г. рождения, был осужден по статье 162-й «д» УК РСФСР к 5 годам заключения за то, что произвел взлом замка продовольственного склада и похитил 42 кг сахара. По этой же статье рассматривалось дело бывшего старшего сержанта Томисо Тонари за похищение и убийство лошади с целью пропитания. К 10 годам лишения свободы был приговорен по части 2-й статьи 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля 1947 г. бывший поручик Гоити Омура, 1919 г. рождения, за неоднократную кражу у военнопленных карандашей, туалетных принадлежностей, папирос, махорки, продуктов питания. По сходному составу преступлений военнопленного Кэндзо Ямада осудили к 15 годам исправительно-трудовых лагерей, другого военнопленного — Дзинъити Фукусима — к 20 годам ²⁶⁰.

Как явствует из этих примеров, в советской судебной практике практически не было проведено четкой черты между понятиями «военный преступник» и просто «осужденный». Японцев в большинстве случаев судили по 58-й и 59-й статьям УК РСФСР или же применяли Указ от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев». Им инкриминировали, например, такие статьи УК, как 58-4 (оказание помощи мировой буржуазии, стремящейся к свержению коммунистической системы), 58-9 (разрушение с контрреволюционной целью железнодорож-

ных путей и других средств сообщения), 58-10 (антисоветская пропаганда и агитация), 59-13 (активная борьба против рабочего класса и революционного движения), что с международно-правовой точки зрения выглядит явным казусом. Подозрительно много было привлечено к уголовной ответственности по статье 58-6 (шпионаж).

Ни одно государство мира не смогло бы обвинить японского солдата в том или ином противозаконном деянии по политическим мотивам. Термин «контрреволюционные преступления» был присущ только советскому уголовному праву. И такого понятия, как «антисоветская агитация» ни Гаагская, ни Женевская конвенции, разумеется, не могли включать в себя.

Более того, в ноябре 1947 г. по инициативе советской делегации Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, осуждающую пропаганду агрессии. Это решение сразу же приобрело в СССР крайне уродливые идеологические формы. В частности, в отчетах и документах ГУПВИ МВД появилась формулировка «реваншистски настроенные генералы и офицеры».

Теоретическую базу под процедуру привлечения названных лиц к уголовной ответственности подвел советский юрист П. С. Ромашкин, опубликовавший работу под названием «Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны»²⁶¹. Между тем «Закон о защите мира», давший юридическое основание для подобных судебных процессов, еще не был принят. Последнее обстоятельство, однако, не помешало МВД выявлять и передавать в суды дела на «реваншистски настроенных» военнопленных. Разоблачать такую категорию было гораздо легче, нежели доказать вину настоящих преступников.

Зачастую бывших японских военнослужащих советские суды в нарушение статьи 85-й Женевской конвенции 1949 г. судили за исполнение служебных обязанностей в период несения военной службы. Более того, ни следователи, ни судьи не признавали такого понятия, как «военная необходимость». Такие обвинения явно входили в противоречие со статьей 87-й Женевской конвенции об обращении с военнопленными, в которой предписывалось, что «при назначении наказания суды или власти держащей в плену Державы должны в максимально возможной степени учитывать тот факт, что поскольку подсудимый не является гражданином держащей в плену Державы, он не связан долгом верности по отношению к ней и что он находится в ее власти вследствие обстоятельств, не зависящих от его воли»²⁶².

Побег, антисоветская агитация, контрреволюционный саботаж, то есть отказ от работы, можно было отнести к разряду особо опасных преступлений, если бы речь шла о советских гражданах. Что касается военнопленных, то им за подобные прегрешения по международному праву полагается в худшем случае кратковременный арест с помещением на гауптвахту. Но ведь, как предписывает статья 83-я Женевской конвенции 1949 г.: «державная в плену Державы должна следить за тем, чтобы соответствующие власти проявляли максимальную снисходительность при оценке того, какие меры наказания — судебные или дисциплинарные должны применяться за преступления, в которых обвиняется военнопленный»²⁶³.

Нельзя не отметить предвзятое отношение советского правосудия к сотрудникам японских военных миссий, дипломатическим работникам, русистам. По состоянию на 29 апреля 1952 г., в лагерях МВД содержалось 1463 осужденных японца. Из этого количества — 1044 человека прежде являлись служащими жандармерии, пограничной полиции, внутренней полиции, японских военных миссий и японских разведывательных органов в Маньчжурии, захваченные во время военных действий частями Советской армии и органами контрразведки²⁶⁴.

Немалое значение имеет и нравственный аспект этой проблемы. К протоколам судебных процессов следует подходить с большой осторожностью. В одном случае эти документы свидетельствуют о неопровержимых фактах преступлений Квантунской армии, в других — содержат в себе фальсифицированные сведения. Не обременяя себя поиском доказательств, военный трибунал выносил суровый приговор только на том основании, что обвиняемый принадлежал к войскам Квантунской армии.

Если проанализировать не только нормы международного права, но и основные положения внутреннего законодательства СССР того времени — УПК РСФСР — и соответствие их применения к закрытым судебным процессам над японскими военнопленными, то совершенно очевиден вывод либо о полном нарушении элементарных процессуальных правил, либо о чисто формальном соблюдении действующих правил.

Прежде всего, международной практике противоречил сам закрытый характер судебных процессов над японскими военнопленными. В нарушение статьи 19-й заседания военных трибуналов проходили при закрытых дверях. Чаще всего военный трибунал под председательством старшего офицера и двух военнослужащих в звании от ефрейтора до капитана выносил обвинительный

вердикт в течение 15–20 минут. Несколько часов могло длиться заседание, когда перед судьями находились генерал или высокопоставленный офицерский чин. Однако как в первом, так и во втором случае исход дела был предрешен. В редких случаях на судебном процессе присутствовал адвокат, а если такой присутствовал в зале, он просил о снисхождении к своему подзащитному, уповая на то, что мировоззрение последнего формировалось под воздействием милитаристской идеологии.

Более того, наспех подготовленные судебные дела зачастую содержали бездоказательные обвинения. В большинстве случаев военнопленный, которому инкриминировалось то или иное преступление, был лишен возможности «задавать» вопросы свидетелям, экспертам или другим подсудимым, как это требовала статья 227-я Женевской конвенции 1949 г. При отсутствии переводчика в зале суда не могло быть и речи о соблюдении статьи 280-й, предусматривающей разъяснение обвиняемому в понятных для него выражениях сущности предъявляемого обвинения.

Естественно также, что и обвиняемые, в свою очередь, не могли сказать в свое оправдание ни единого слова. Что же касается статьи 412-й, обязывающей суд при подаче кассационной жалобы осуществлять «производство по делу в ревизионном порядке», то подобной практики сталинская юстиция никогда не придерживалась.

Уже в силу этого обстоятельства законность приговоров, вынесенных внесудебными органами — так называемыми Особыми совещаниями, может быть поставлена под сомнение. 17-я статья УК РСФСР утверждала принцип коллективной ответственности за совершенные преступления, в число соучастников — «подстрекателей, пособников» — могли попасть и попадали военнослужащие, совершенно непричастные к военным преступлениям. Более того, эта статья стала в дальнейшем использоваться в практике преследования за политические убеждения. В подавляющем большинстве случаев «разоблачение» военных преступников ограничивалось изучением их автобиографий, места, времени и характера службы.

Среди осужденных было значительное число людей, которые столкнулись с советской судебной практикой, вынужденных признаний, сомнительных приговоров, нарушением процессуальных норм. Знакомство с уголовными делами, с судьбами конкретных людей говорит о том, что через жернова сталинской юстиции прошло немало невинных японцев. Практически все осужденные считали вынесенные приговоры несправедливыми, однако

никакого шанса на положительное рассмотрение кассационной жалобы в высшей судебной инстанции у них не было. Не было возможности и для привлечения к защите стороны официальных властей своей страны или международных организаций. Возьмем, к примеру, проблему смертной казни.

Советское правосудие и здесь полностью пренебрегало международными нормами. В частности, статья 101-я Женевской конвенции 1949 г. обязывает в случае вынесения смертного приговора приводить его в исполнение не ранее чем по истечении шестимесячного срока со дня получения Державой-Покровительницей подробного сообщения об этом. В СССР же такого рода приговоры приводились к исполнению, как правило, без особого промедления, без информирования об этом соответствующих стран и японских властей и т. д. Впрочем, и другого рода приговоры не доводились до сведения Державы-Покровительницы в виде краткого сообщения, в котором также должно было указываться, имеет ли военнопленный право подавать апелляционную или кассационную жалобы или просить о пересмотре дела, как это требует статья 107-я Женевской конвенции 1949 г.

Ко всем вышеперечисленным проблемам в СССР обратились лишь в конце 1980-х гг. в связи с началом процесса демократизации и гласности. В свою очередь, и в самой Японии подошли весьма неоднозначно к этой гуманитарной акции нашей страны. Часть бывших осужденных и их родственники отказались от получения российских справок, считая первоначальное решение суда ошибочным и не желая вновь возвращаться к этим малоприятным событиям своей биографии. Другие же восприняли это сообщение с чувством огромной благодарности, оценивая значение реабилитации как далеко выходящее за рамки личных проблем и имеющее широкий общественный резонанс в мире.

Солидарны в своих оценках лишь официальные круги и судебные власти. Японский МИД расценил эту проблему наследием далекого прошлого и потому потерявшей свою актуальность. Об отношении же правовой системы к этим гуманитарным шагам российского правительства довольно наглядно говорит дело Ц. Никайдо. Он умер, не дождавшись восстановления своих прав на родине.

Разумеется, такое положение дел не только подрывает авторитет в Японии российских документов о реабилитации и в целом нашей страны, взявшей курс на восстановление законности и исторической справедливости в отношении японских граждан, ошибочно осужденных в годы сталинских репрессий,

но и в не меньшей степени попирает права бывших военнопленных. Обсуждение этой проблемы и выработка действующего механизма для ее решения — одна из тем для российско-японских консультаций.

Вопрос о выплатах компенсации за труд в плену

Вопрос о выдаче справок о труде в плену бывшим военнопленным впервые был поставлен перед нашим государством бывшими узниками советских лагерей из Японии. В практике советских государственных органов никогда не существовало подобных прецедентов ни до, ни после этого обращения. Поэтому гражданам Японии пришлось проделать для его решения большой и трудный путь длиной более сорока лет.

В статье 2-й Гаагской конвенции 1907 г. зафиксировано, что военнопленных допустимо привлекать к труду в соответствии с их чином и способностями. При этом заработок военнопленного назначается на улучшение его условий существования, а остаток выдается ему при освобождении за вычетом расходов по его содержанию. Однако из-за существующего во всех странах ограничения на вывоз местной валюты в международную практику были введены справки о труде, фиксирующие причитающуюся военнопленному остаточную сумму заработка.

В соответствии со статьей 66-й Женевской конвенции 1949 г. ответственность за предоставление компенсации невыплаченного заработка в плену или, как дословно указано в этом международном документе, «кредитового сальдо» лежит на державе, чьим гражданином является военнопленный.

Из чего складывалось «кредитовое сальдо»? Это в значительной мере определялось как международной практикой, так и договоренностями между странами. В Англии, например, было введено в правило, что расходы по содержанию военнопленных не должны были удерживаться из их зарплаты. Однако эта мера допускалась лишь в том случае, когда другая сторона действовала во взаимном порядке.

Во Франции придерживались суждения, что оставшаяся сумма заработка военнопленного не должна удерживаться в интересах государства. В американских «Правилах войны» установлено, что, если при заключении мира государство, гражданами которого являлись военнопленные, не компенсирует расходы по их содержанию, теоретически можно удержать соответствующую

сумму из заработка самих пленных. Однако на практике этого не происходило.

Более того, если говорить о международной практике в этом вопросе США, то, как свидетельствовало сообщение ТАСС из Рима от 2 апреля 1948 г., в этот день посол США в этой стране передал Италии 4,5 млн. долл. как первый взнос в счет оплаты работы бывших итальянских военнопленных в США. Этому событию предшествовали переговоры между правительствами этих двух стран. Особые разногласия вызвала статья 79-я мирного договора, которая фиксировала обязанность американских властей по уплате Италии денег за работу итальянских военнопленных. Согласно достигнутой договоренности, США обязались передать Италии 573 млн. долл., причитающихся за работу итальянских узников плена. Министр казначейства, принимая указанную сумму, заявил, в частности, что «трудно описать чувство удовлетворения и благодарности, которое испытывает Италия, получая от США средства на покупку зерна и угля, чтобы обеспечить жизнь населения и работу предприятий в Италии»²⁶⁵.

В отличие от вышеперечисленных стран правительство Японии неукоснительно следовало принципу, согласно которому сумма, выданная военнопленным в качестве зарплаты воюющей стороной, так же, как расходы по их содержанию, после окончания войны должна возмещаться государством, которое привлекало этих людей к военной службе. Этот принцип в полной мере соблюден в Портсмутском договоре 1905 г. по итогам русско-японской войны.

Статья 13-я этого документа, в частности, определяла, что «Российское и Японское правительство представляют друг другу в скорейшем по возможности времени, после окончания передачи пленных, документами оправданный счет прямых расходов, произведенных каждым из них по уходу за пленными и их содержанию со дня пленения или сдачи до дня смерти и возвращения. Россия обязуется возместить Японии, в возможно скорейший срок по обмене этих счетов, как выше установлено, разницу между действительным размером произведенных таким образом Японией расходов и действительным размером равным образом произведенных Россией издержек»²⁶⁶. На этом основании царское правительство возместило Японии все необходимые расходы по денежному довольствию русских пленных.

Однако в отношении японских узников советского плена Второй мировой войны полные расчеты произвести не удалось в силу отсутствия двусторонних договоренностей по этому поводу. Как

свидетельствуют архивные документы начала 50-х гг., советские дипломаты прекрасно осознавали возможность возникновения подобных проблем между нашими странами еще тогда, и, исходя из этого, строилась довольно гибкая и осторожная тактика при выработке требований в адрес Японии, в том числе о возмещении расходов по репатриации.

В служебных записках докладывалось о возможности предъявления встречных претензий по оплате труда в плену, которые в той или иной форме выражались отдельными лицами в Японии. Более того, во время переговоров по линии обществ Красного Креста наших стран этот вопрос был напрямую поставлен представителями японской делегации, однако, как нетрудно предположить, он не стал предметом для переговоров.

При этом следует признать, что, следуя имевшейся двусторонней практике в этом вопросе, сумма выплат остаточной суммы заработка, входившая в обязанность СССР, не могла идти ни в какое сравнение с довольно крупными затратами, которые могли перейти на японское правительство по возмещению затрат на содержание японских военнопленных в советском плену. Однако заключенная в 1956 г. советско-японская Декларация, провозгласившая отказ от взаимных финансовых претензий, сняла этот вопрос с повестки дня.

В «Истории финансов эпохи Сёва» (том 2, пункт 575), в частности, говорится о том, что официальный заработок за труд военнопленного должна выплачивать держащая в плену Держава, а невыплаченная часть заработка переходит в обязанность японского правительства. Другими словами, даже если бы не было совместной советско-японской Декларации 1956 г. об отказе от взаимных финансовых претензий, японское правительство все равно было обязано выплатить своим гражданам — бывшим военнопленным или их родственникам компенсацию. Этот принцип был осуществлен в отношении буквально всех стран, где находились в плену граждане Японии, кроме СССР.

Дело в том, что вернувшиеся из плена японцы получили от соответствующих государственных служб США, Великобритании, Новой Зеландии, Австралии и других стран справки о невыплаченной в плену сумме заработка, на основе которых были произведены соответствующие выплаты японским правительством. «В качестве заграничных финансовых долгов, подлежащих особым расчетам по статье бывших чрезвычайных военных расходов, следует рассматривать следующие: выплаты остатков платежей по трудовым карточкам военнопленных и другим документам, сви-

детельствующим о труде японских военнослужащих, взятых в плен союзными войсками (на основании Женевской конвенции 1929 г. «Об обращении с военнопленными»). Соответствующие власти, в чьем ведении находятся военнопленные, обязаны выплачивать военнопленным официальный заработок, однако невыплаченная часть заработка переходит в обязанность японского правительства», — указывается в «Истории финансов эпохи Сёва» (том 2, пункт 575) ²⁶⁷.

В каждом отдельном случае такие выплаты производились через министерство финансов Японии в национальных банках по поручению штаба Главного командования оккупационными войсками. Основанием для них, как правило, являлись обращения держав, представивших к оплате свои документы. Например, такого рода меморандум властей Великобритании был направлен 27 июня 1947 г. правительству Японии. В нем содержалось напоминание о том, что «при репатриации кредитовое сальдо не выплачивается державшей в плену державой, а фиксируется ею для державы, за которой числится военнопленный и которая затем становится ответственной за урегулирование его с конкретными лицами, имея при этом в виду, что подведение расчетов между заинтересованными государствами может быть осуществлено в дальнейшем в любое время после окончания войны» ²⁶⁸.

Денежное покрытие представленных индивидуальных расчетных карточек осуществлялось из государственной казны по установленному обменному курсу в пределах установленных сумм, остальные зачислялись на личные счета. На оборотной стороне изъятых документов делались пометки о произведенных выплатах, после чего они подлежали хранению с целью дальнейшего представления по тем или иным обстоятельствам.

Определенные затруднения могла вызывать ситуация, когда возникала необходимость установить определенный эквивалент в другой валюте. Однако, в сущности, этот момент регулировался специальным соглашением, а в случае расхождения мнения разница курса валют принималась на дату начала войны. Так, например, при выплатах по индивидуальным расчетным карточкам, выданным войсками Великобритании, в уведомлении министерства финансов Японии определялось соотношением 200 иен за 1 фунт.

В документах Генерального штаба союзнических войск, а также министерства финансов Японии можно обнаружить большое число уведомлений и распоряжений, являющихся документальными доказательствами того, что либо отдельные лица, либо группа граждан Японии, вернувшихся из плена на родину, получили при-

читавшуюся им сумму заработка. И только узники советских лагерей, не имея на руках необходимых документов от советских властей, сразу же были поставлены в дискриминационное положение, лишившись возможности получить компенсацию за работу в СССР.

При этом надо иметь в виду, что согласно статьям 4-й и 6-й Приложения к IV Гагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, все средства военнопленного являются его собственностью. Каждый военнопленный должен иметь свой лицевой счет, который содержал бы причитающиеся ему или полученные им в виде авансов за работу и другие поступления, а также сумму личных средств, изъятых у военнопленного и обращенных по его просьбе в валюту СССР. Кроме того, сюда должны входить сумма, выданная военнопленному наличными или в другом аналогичном виде, платежи, которые делались от его имени и его просьбе. Следует также иметь в виду, что в силу неконвертируемости рубля, финансовых и валютных ограничений, существовавших в СССР, военнопленный не мог производить платежи за границы.

В период 1981–1985 гг. бывшие военнопленные, ссылаясь на положения Женевских конвенций и конституции Японии, неоднократно обращались в Токийский районный суд. Ими выдвигался иск на сумму 264 млн. 100 тыс. иен в адрес японского правительства в качестве компенсаций за понесенный в плену физический и моральный ущерб, а также невыплаченную часть заработной платы. Однако каждый раз их ждала неудача.

Довольно показательный случай произошел в декабре 1985 г., когда бывшие военнопленные обнаружили в переводе текста статьи 67-й Женевской конвенции 1949 г. принципиальную ошибку, вследствие которой аванс в счет денежного довольствия, выдаваемого военнопленным, и другие платежи рассматривались не как выплаты от имени Державы, за которой они числились, а держащей в плену. Такое прямо противоположное толкование положений Женевской конвенции 1949 г. использовалось государственными органами для непризнания своей ответственности в вопросе о предоставлении послевоенных компенсаций. На наличие этой ошибки было указано правительству. В сентябре 1986 г. оно опубликовало официальное уведомление об ее исправлении, ограничив только этим свой ответ на выявленное несоответствие его действий международным нормам.

4 апреля 1989 г. в Японии состоялся суд по иску «Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных» о выплате компенсации за

работу в плену в СССР и за понесенные в эти годы физические увечья. Суд признал обоснованность этих требований и подтвердил, что во всех случаях эти расчеты с бывшими военнопленными должны производиться страной, подданными которой они являются. Однако вместе с тем суд указал на то, что вопрос «сибирского интернирования» не подпадает ни под действие Женевской конвенции 1949 г., ни под нормы обычного международного права, которые якобы еще не сложились к тому времени в Японии. Среди прочих аргументов в пользу такого утверждения вновь был поднят вопрос о статусе бывших военнослужащих Квантунской армии. И вновь, по известным причинам, была поставлена под сомнение возможность закрепления за ними этого статуса, а соответственно, и опеки соответствующих международных конвенций. Особо подчеркивалось, что по причине отсутствия у истцов справок о невыплаченной сумме заработка позицию правительства Японии в отношении их никак нельзя охарактеризовать как дискриминационную.

Адвокаты же истца настаивали на том, что требования бывших военнопленных проистекают из норм обычного международного права, и на этом основании компенсация может быть выплачена даже без наличия документов о труде.

В реальности же решение суда с точки зрения международного права можно оценить как неправомерное, так как оно нарушило, по крайней мере, два основополагающих принципа международного права — принцип равноправия и не дискриминации (статья 1 параграфа 3 Устава ООН), а также принцип отсутствия давности. Более того, оно игнорирует статью 27-й Венской конвенции о праве договоров 1969 г., которая предполагает, что государство не может ссылаться на положение своего внутреннего права в качестве оправдания за невыполнение им международного договора.

Очевидны и противоречия с внутренним японским правом, и в частности статьей 14-й конституции Японии 1947 г. В ней, в частности говорится: «Все люди равны перед законом и не могут подвергаться дискриминации в политическом, экономическом отношениях, а также социального происхождения, пола, социального положения, а также происхождения»²⁶⁹.

Однако суд практически проигнорировал все эти аргументы. И с этого времени и вплоть до 26 марта 1992 г., когда вышло Распоряжение Правительства РФ о выдаче справок о труде, японские военнопленные вынуждены были неоднократно обращаться в различные японские и российские организации для получения необходимых документов. Однако выданные в конечном итоге

российскими государственными органами справки о труде не получили официального признания в Японии, несмотря на то, что по своему юридическому статусу они ничем не отличаются от подобных документов, которые выдавались в свое время другими государствами, участвовавшими в войне с Японией, такими как США, Англией и др.

В справках фиксировались имя, фамилия, год и место рождения, место и период пребывания в плену в СССР, а также сумма невыплаченного заработка. В ее определении состояла одна из самых трудных проблем подготовки Распоряжения Правительства РФ. Вполне очевидно, что сегодня не сохранились соответствующие архивные документы предприятий и лагерей, отражающие лицевые счета японских военнопленных. И вообще, вызывает большие сомнения, велись ли они на каждого военнопленного и повсеместно. Достаточно сказать, что в июне 1946 г. сотрудники ГУПВИ разработали образец трудовой зачетной книжки военнопленного, в которой предполагалось отразить сведения о ее владельце, сроках и месте работы, занимаемой должности, трудовых обязательствах и их выполнении. Однако все это так и осталось на уровне проекта.

Поэтому для определения невыплаченной части заработка военнопленного в соответствии с предложениями самих японских военнопленных был выработан единый принцип условных расчетов, одобренный Государственной архивной службой РФ.

За основу расчетов заработка военнопленного была взята наибольшая, судя по архивным документам, сумма содержания военнопленного в 456 рублей. Она складывалась из расходов: на питание — 260 рублей, одежду — 50 р., постельные принадлежности — 20 р., культурные расходы — 10 р., топливо на приготовление пищи и ее доставку — 16 р., баню — 25 р., уборку туалета — 15 р., на охрану — 15 р., свет и отопление — 15 р., налог за бездетность — 30 р.²⁷⁰

Однако в реальности сумма на жизнеобеспечение военнопленного должна была покрываться не только самим военнопленным, но и государством, содержащим его в плену. При этом, по логике вещей, максимальный размер доли самого военнопленного на свое жизнеобеспечение мог составлять всего лишь 351 рубль: расходы на питание, одежду, свет, отопление, топливо для разогрева пищи и ее транспортировки, тогда как остальные услуги по содержанию и обслуживанию лагерей на сумму 105 рублей (включая незаконно изымавшиеся налоги) — следовало было отнести на счет государства.

Вот эта сумма в 105 рублей, ежемесячно незаконно отработывавшаяся пленными своим трудом и изымаемая таким образом из их зарплаты, была взята как условная сумма невыплаченного ежемесячного заработка. Далее следует подробный расчет общей суммы заработанных в плену средств, исходя из количества лет, месяцев и дней, проведенных в лагерях.

Весьма очевидно, что в целом суммы, о которых сегодня может идти речь, весьма условны, в том числе и по причине сложностей валютного регулирования. И в прямом пересчете в своем денежном выражении весьма незначительны. Поэтому не исключено, что в случае вынесения решения о выплатах этих сумм японское правительство может столкнуться с необходимостью подойти к их определению, исходя из других принципов, которые в свое время предлагали некоторые политики и юристы. Вопрос здесь в моральной стороне проблемы. Тем не менее, японские власти не идут в этом вопросе даже на минимальные уступки, избрав для этого несколько иную тактику.

Это еще раз продемонстрировало заседание Токийского суда высшей инстанции 5 марта 1993 г., который вновь ответил отказом по иску бывших военнопленных. При этом если первое решение все-таки исходило из признания необходимости таких выплат, то второе решение особо указывало на отсутствие какой-либо ответственности японских властей за реализацию этого требования.

Суд дал понять о непризнании выданных РФ справок о труде, вновь сославшись на то, что лицам, не имеющим справок о труде, не полагается выплаты компенсации. При этом подчеркивалось, что практика выплат компенсации осуществлялась под нажимом оккупационных властей, но была полностью прекращена с принятием в 1949 г. закона о введении контроля над внешнеторговыми операциями. Далее суд вновь обратил внимание на неправомерность применения в этом вопросе положений Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г., подчеркнув на сей раз, что ее действие вступило в силу в отношениях между Японией и СССР лишь после завершения основного этапа репатриации. Но, как известно, в международном праве нет срока давности, и можно привести немало примеров, когда государство в соответствии с международным правом и на основе специальных соглашений выплачивало не в столь далекие времена компенсацию за труд в плену и даже за ущерб, который был причинен конкретному лицу, находившемуся в плену. Так, Германия зак-

лючила по этому поводу серию соглашений с Израилем, Польшей, Францией и теперь даже с Россией.

Два года потребовалось на то, чтобы российский МИД 18 октября 1994 г. направил ноту уведомления японскому внешнеполитическому ведомству об этой гуманитарной акции российского правительства. И таким образом был подтвержден официальный характер выдаваемых РФ документов. Более того, за это время усилиями членов «Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных» были найдены документальные доказательства (соответствующие распоряжения министерства финансов Японии), свидетельствующие о том, что подобные расчеты с бывшими военнопленными, вернувшимися из других стран, практиковались и в 1954 г. Однако позиция японских властей осталась по существу неизменной. Об этом свидетельствует окончательный вердикт Верховного суда Японии — высшей судебной инстанции Японии — от 13 марта 1997 г., основная суть которого практически повторяла прежние аргументы.

В качестве обоснования такого решения вновь делались ссылки на то, что положения Женевской конвенции 1949 г. не могут служить основой для решения проблем бывших японских военнопленных. Упоминались и те бурные дискуссии, которые предшествовали принятию Женевской конвенции 1949 г., особенно по поводу выплаты компенсации за работу в плену. Кроме того, обращалось внимание на изменения, которым подверглась на протяжении всего прошедшего времени Гаагская конвенция в части, касающейся права военнопленного на получение заработка. Вновь подчеркивалось, что нормы обычного международного права, которые сложились в большинстве других стран, также были неприемлемы для Японии с точки зрения принятия решения о выплате компенсации.

Далее, учитывая невозможность предъявления финансовых претензий в этом вопросе к российской стороне в силу 6-го пункта советско-японской Декларации 1956 г., суд счел в равной степени неправомерным применение в данном вопросе и национального законодательства. Речь шла о статьях 11, 13, 14, 17, 18-й и пункта 3-го статьи 29-й конституции Японии. На этом настаивали истцы, трактуя свое требование как возмещение ущерба военного времени, понесенного народом Японии, ставшим жертвой войны, и недопустимости дискриминации в этом вопросе.

Особый акцент был сделан на изменившийся конституционный статус страны и новые внутривнутриполитические реалии — окончание оккупационного периода и превращение Японии в суве-

ренную независимую державу. При этом подчеркивалось, что в условиях оккупации правительство страны вынуждено было следовать оккупационной политике, в рамках которой по распоряжению американского командования производились выплаты компенсаций вернувшимся из Америки, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и других государств гражданам Японии при условии представления этими странами официальных документов о невыплаченной в плену сумме заработка.

Создавшуюся ситуацию с узниками советского плена японские судьи не отнесли к разряду дискриминационной. Ответственность за нее они усмотрели в действиях советских властей вследствие их отказа от своевременного предоставления подобного рода документов.

Далее, документально подтвержденные факты выплаты такого рода компенсации до 1954 г. и даже позднее суд истолковал как временные административные меры, принятые по распоряжению соответствующих отделов министерства финансов и Управления по репатриации Японии, а не как законодательную базу для решения этого вопроса в отношении узников советских лагерей.

Обращая внимание на отсутствие каких-либо признаков нарушения закона в решениях других судебных инстанций, Верховный суд свел свои рекомендации к принятию специальных государственных мер в рамках экономической, финансовой и социальной политики. При этом особо указывалось на необходимость создания для этого законодательной базы и предоставления необходимых материалов о содержании и степени понесенного бывшими военнопленными ущерба.

Однако этот подход ставит японское правосудие вне международного права, поскольку по сути дела оно концентрирует всю свою аргументацию на отсутствии соответствующего внутреннего закона, принятие которого входит в компетенцию законодательной власти страны.

В целом же складывается впечатление, что Верховный суд Японии, полностью игнорируя международно-правовые нормы, пошел по пути свободного субъективного толкования предмета спора. Причем толкование несет в себе черты пристрастного отношения, главная задача которого состоит в отказе от выплаты компенсации.

Не вдаваясь в более подробный юридический анализ всей этой аргументации Верховного суда Японии, заострим внимание лишь на нескольких принципиально важных моментах, которые прозвучали на международном симпозиуме в Токио в марте 1995 г.

Среди его участников были ведущие японские юристы— специалисты в области международного права, представители Международного Комитета Красного Креста и его научно-исследовательского института, эксперты из Москвы, бывшие военнопленные. В их выступлениях неоднократно подчеркивалось, что обычные нормы международного права обязательны для всех стран без исключения. Что же касается возможности применения по делу японских граждан Женевской конвенции 1949 г., то практически во всех докладах и комментариях внимание собравшихся вновь было обращено на то, что в соответствии с международным правом не существует и не может существовать срока давности за нарушение Женевской конвенции. И следовательно, ее положениями можно и необходимо пользоваться при решении судебных споров любой временной давности.

На симпозиуме четко прослеживалась мысль о том, что требования бывших японских военнопленных по поводу выплат компенсации за труд в советском плену имеют под собой достаточное юридическое основание. Ответственность же за их реализацию в настоящее время полностью перешла в компетенцию японского правительства, которое, в свою очередь, обладает для этого всеми правовыми основаниями и практическими механизмами. Кроме того, в заключениях экспертов давалась рекомендация о возможности обращения по этому вопросу в Комиссию по правам человека ООН в случае невозможности его решения внутри страны.

Этой рекомендацией вынуждены были воспользоваться члены Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных после вынесения Верховным судом Японии своего окончательного решения об отклонении их иска в адрес японского правительства. 16 августа 1999 г. Ассоциация представила свое заявление по этому поводу в подкомиссию по предупреждению дискриминации и защите меньшинств ООН. В нем она квалифицировала позицию японских властей в отношении узников советского плена как нарушение прав человека и международного гуманитарного права, в том числе Гаагской, Женевских конвенций и других международных норм.

В документе подчеркивалась ответственность японского правительства за развязывание Второй мировой войны и поражение в ней, следствием чего стало так называемое «сибирское интернирование», и, соответственно, его обязанность по выплате послевоенных компенсаций узникам советских лагерей. Обращалось

внимание на дискриминационную позицию японских властей в этом вопросе в отношении граждан Кореи, некогда бывшими подданными Японии, призванных в Квантунскую армию и попавших на этом основании в советский плен.

12 апреля 2000 г. этот вопрос был поставлен на 56-й сессии Комиссии по правам человека ООН от имени трех организаций — Совета азиатских женщин в защиту своих прав, группы корейских граждан — бывших узников сибирских лагерей и Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных. «Мы должны довести это дело до конца, пока еще живы бывшие узники плена. Мы не можем изменить историю, но мы можем просить правительство Японии смягчить трагедию, приняв на себя моральную и правовую ответственность за нее. Это — не просто наша внутринациональная проблема.

Вопрос выплаты компенсаций бывшим военнопленным имеет международное значение, так как его жертвами являются не только японцы, но корейцы и китайцы — выходцы из Кореи, которые были призваны на военную службу в японскую императорскую армию. Однако до сих пор японское правительство рассматривало только претензии японских ветеранов.

Никто не знает, как много еще осталось в живых жертв войны. Для решения этой проблемы необходимо сотрудничество всех причастных к ней государств: Японии, России, Южной и Северной Кореи и Китая. И хотя Япония несет ответственность по принятию всех необходимых усилий для этого, она не намеревается сделать это. В связи с этим мы обращаемся в Комиссию по правам человека вынести решение и рекомендации по этому вопросу», — отмечалось в выступлении представителя Японии ²⁷¹.

Компенсация нужна сегодня большей части бывших узников советского плена чисто из моральных соображений, чтобы ликвидировать наконец свое дискриминационное положение в японском обществе, чтобы восстановить чувство доверия к России. Как ни парадоксально, большая часть этих людей, пройдя тяжелые испытания плена, а затем долгие годы борьбы за свои права, нарушенные отчасти по вине советских властей, сохраняют весьма теплые чувства к нашей стране.

Какую выгодна нынешняя ситуация? Думается, в большей степени — японскому правительству, которое стремится увязать вопрос выплаты компенсаций за работу в плену с решением другого, более важного для него вопроса послевоенного урегулирования — территориального спора между нашими странами. Кроме того, в

случае положительного решения компенсационной проблемы существует опасность возникновения цепной реакции со стороны многих стран в защиту аналогичных претензий к Японии. И, таким образом, в глазах простых японцев Россия, чьи документы не приобрели легитимности в Японии, также по-прежнему разделяет с японскими властями ответственность за нарушение прав японских военнопленных.

Это позволяет сделать предположение, что решение вопроса о выплатах компенсаций за работу в плену на основании выданных РФ документов, так же как и о признании легитимности справок о реабилитации, выданных Главной военной прокуратурой, все больше переносится из области права в область политики. На повестке дня — политическое решение этих гуманитарных проблем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При анализе войн и сопутствующих им событий традиционное внимание в первую очередь уделялось и уделяется вопросам военной стратегии и тактики, использованию тех или иных видов оружия, характеру военно-политических союзов и людским потерям.

Но очень редко проявляется реальное понимание того, что войны несут огромные человеческие страдания, калечат судьбы миллионов оставшихся в живых людей и на много лет разрушают нормальные отношения между государствами и народами. И крайне редко встречается объективная оценка происходивших событий с точки зрения международного и гуманитарного права.

Минувший XX век вошел в историю человечества не только десятками миллионов жертв двух мировых войн. В годы Первой мировой войны в плену побывало более 1 млн. человек, а в ходе и после Второй мировой — почти 35 млн. Более того, только после Второй мировой войны в мире произошло более 150 локальных войн и вооруженных конфликтов, унесших жизни еще 20 млн. человек.

И сегодня, в XXI веке, региональные конфликты и войны в большинстве случаев вновь сопровождаются игнорированием элементарных норм международного права и принципов гуманности. Это еще раз со всей очевидностью продемонстрировали недавние события в Афганистане, Ираке и т. д.

К сожалению, в годы Второй мировой войны СССР и Япония не были связаны между собой обязательством выполнения международных соглашений об обращении с военнопленными. Женевская конвенция 1929 г. была полностью проигнорирована сталинским руководством, а Япония, подписав ее, в конечном итоге отказалась от ее соблюдения. Немногим более конструктивным было отношение двух государств к Женевской конвенции 1949 г.: СССР ратифицировал ее только в 1953 г., а Япония — в 1954 г.

Вспоминая слова Цицерона о том, что законы во время войны безмолвствуют, сегодня можно сказать, что законы, связанные с войной или защитой ее жертв, также зачастую безмолвствуют и в мирное время. И в том и в другом случае их подменяет политика.

История свидетельствует, что всегда и во все времена военнопленные являлись заложниками политических интересов воюющих государств и средством достижения политических и иных целей. Вот почему вопрос о военнопленных, их правовой защите, его истории, опыте других стран по его решению в настоящее время по-прежнему стоит на повестке дня.

Проблемы военного плена в целом требуют своего подробного изучения как на глобальном уровне — в рамках мировой политики и международных отношений, так и на региональном — в отношениях между отдельными странами.

С этой точки зрения история пленения советскими войсками Квантунской армии, пребывания японских военнопленных в советских лагерях, их долгое возвращение домой — наглядный пример того, как решение судебных почти 640 тыс. человек стало предметом большой игры великих держав, а затем — серьезным тормозом на пути развития советско-японских отношений.

При этом сами бывшие японские военнопленные не раз становились заложниками политических интересов обоих государств. На протяжении долгих лет советской и теперь уже российской истории политики и дипломаты двух стран в угоду политической конъюнктуре сознательно уходили от всестороннего обсуждения, тем более — от конструктивного решения всего комплекса вопросов, связанных с реализацией их прав.

Так было в 1956 г. при подписании совместной советско-японской Декларации, когда необходимость скорейшей нормализации двусторонних отношений не позволила дипломатам более детально и всеобъемлюще обсудить эту сложную гуманитарную проблему.

В ситуации постоянной пробуксовки переговоров и опасности так и не выполнить главную цель — прекратить состояние войны и восстановить дипломатические отношения — наши страны пошли тогда по пути удовлетворения самого насущного на тот момент требования японского народа — скорейшего завершения репатриации на родину осужденных в СССР японских военнопленных.

Японцы стали последними пленниками Второй мировой войны, покинув пределы СССР лишь в последние дни 1956 г. Вопросы же предоставления списков умерших, справок о труде и так

далее оказались вне рамок советско-японских переговоров того времени. На тот момент в этом не было заинтересовано главным образом советское руководство.

Иная картина наблюдается сейчас, когда произошел заметный прорыв в этой сфере двусторонних отношений, главным образом по инициативе российской стороны. Уникальный опыт Российской Федерации по поиску путей решения гуманитарной проблемы бывших японских военнопленных, выработка новых подходов к вопросам прав человека являются реальным вкладом в дело превращения нашей страны в правовое государство и представляет собой реализацию на практике принципов законности и справедливости, положенных в основу современных отношений между Россией и Японией.

К сожалению, адекватные меры с японской стороны и дальнейшие шаги, необходимые для удовлетворения многолетних чаяний японского народа, сегодня блокируются официальным Токио под предлогом давности послевоенных событий. В реальности же — по причине нерешенности территориальной проблемы, имеющей, по мнению японских политиков, первостепенное значение с точки зрения всего процесса послевоенного урегулирования.

Вместе с тем есть основания верить, что происходящие сегодня позитивные сдвиги в российско-японских отношениях дают определенную надежду на то, что стороны сумеют в достаточно сжатые сроки преодолеть некоторые оставшиеся идеологические и исторические стереотипы в отношении друг друга и вывести решение имеющихся проблем на практический уровень.

Политические реалии XXI века наглядно свидетельствуют о том, что в условиях процесса глобализации и интеграции мировой экономики страны-соседи объективно должны сделать серьезные шаги навстречу друг другу.

Решение гуманитарных вопросов японских военнопленных в этом контексте будет дополнительным фактором укрепления доверия между Россией и Японией, являющегося одним из основных предпосылок для подписания мирного договора между нашими странами по итогам Второй мировой войны.

Примечания

Автор придерживалась следующих правил написания имен собственных и географических названий:

А) Японские имена собственные пишутся в соответствии с правилами русского языка (сначала имя, потом фамилия);

Б) Во избежание искажения имени и географические названия не склоняются, исключения составляют утвердившиеся в русском языке (например, Окинава).

¹ Зимонин В.П., Галицкий В.П. Десант на Хоккайдо отменить!//Военно-исторический журнал. 1994, № 3, с. 6.

² Бюллетень Информационного отдела Посольства Японии в РФ. 1995, № 4, с. 95.

³ Цит. по: Молодяков В. Э. Подсудимые и победители. Токио, 1996, с. 59.

⁴ Там же, с. 60.

⁵ Там же, с. 59-60.

⁶ Славинский Б.Н. СССР и Япония — на пути к войне: 1937-1945 гг. М., 1999, с. 18.

⁷ Кошкин А. А. Крах стратегии «Спелой хурмы». Внешняя политика Японии в отношении СССР. 1939— 1945 гг. М., 1989, с. 463.

⁸ Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., 1995, с. 203.

⁹ Там же.

¹⁰ Международная жизнь. 1996, № 4, с. 25.

¹¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 3. М., 1947, с. 275.

¹² Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. М., 1984, с. 536.

¹³ Галицкий В.П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1991, № 4, с. 69.

¹⁴ Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР. Т. 13. М., 1996, с. 37.

¹⁵ Военный энциклопедический словарь. М., 1986, с. 143.

¹⁶ Там же, с. 293.

¹⁷ Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и дополнительные протоколы к ним. М., 1994, с. 67.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 60.

²⁰ Галицкий В. П. Японские военнопленные и интернированные в СССР // Новая и новейшая история. 1999, № 3, с. 15.

²¹ Кузнецов С. И. Японцы в сибирском плену (1945-1956). Иркутск, 1997, с. 35.

- ²² Русский архив. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав. Документы и материалы. Т. 7, ч. 1. М., 1997, с. 371.
- ²³ Правда. 12.09.1945.
- ²⁴ Всемирная история. Т. X. М., 1965, с. 548.
- ²⁵ ГА РФ. Ф 1, оп. 23а, д. 1, л. 30.
- ²⁶ Галицкий В.П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы, с. 48.
- ²⁷ Ларченков В. Бандзай в нашу честь // Советский воин. 1992, № 3-4, с. 72.
- ²⁸ Sputnik, Дайджест советской прессы. 1991, № 6, с.35.
- ²⁹ Цит. по: Советский воин. 1992, № 3-4, с. 72.
- ³⁰ Галицкий В.П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы, с. 69.
- ³¹ Там же, с. 66-70.
- ³² АВП РФ. Ф. 0146, оп. 48, п. 319, д. 23, л. 192.
- ³³ Известия. 11.11.1993.
- ³⁴ За мир и гуманизм. Бюллетень Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных. 1990, № 123, с. 8-9.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ История Японии. М., 1999, с. 466.
- ³⁷ Там же, с. 467.
- ³⁸ Там же, с. 463.
- ³⁹ Цит. по: Советская Россия. 10.08.2000.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. Т. 2. М., 1989, с. 285.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Литературная газета. 11.04. 1990.
- ⁴⁴ Цит. по: Кузнецов С. И. Указ. соч., с. 27.
- ⁴⁵ За мир и гуманизм. Бюллетень Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных. 1994, № 10, с. 17.
- ⁴⁶ Там же, с. 18.
- ⁴⁷ Мерецков К. А. На службе народу. М., 1983, с. 423.
- ⁴⁸ Сайто Рокуро Сибэриа-но банка (Воспоминания о Сибири на склоне лет). Цуруока, 1995, с. 208-209.
- ⁴⁹ АВП РФ. Ф. 18, оп.5, д. 119, л. 46-47.
- ⁵⁰ Тьюкорон. 2003, № 10, с. 195.
- ⁵¹ Галицкий В. П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы, с. 66; Всемирная история. Т.10, с. 546.

- ⁵² Бондаренко Е. Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914 – 1956 гг.). Владивосток, 2002. с. 132.
- ⁵³ Кузнецов С. И. Указ. соч., с. 47.
- ⁵⁴ Бондаренко Е. Ю. Указ. соч., с. 132.
- ⁵⁵ Иностранцы военнопленные в СССР 1939 – 1956. Документы и материалы. М., 2002, с. 36.
- ⁵⁶ ГА РФ. Ф. 9526, оп. 1, д. 306, л. 26-28.
- ⁵⁷ Иностранцы военнопленные в СССР 1939 – 1956, с. 56.
- ⁵⁸ РГВА. Ф. 1/п, оп. 9а, л. 17.
- ⁵⁹ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 30, п. 281, д. 19, л. 124-125.
- ⁶⁰ Бондаренко Е. Ю. Указ. соч., с. 163.
- ⁶¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Книга 2. М., 1991, с. 604.
- ⁶² Филатов А. М. В Комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995, с. 56, 64.
- ⁶³ Международная жизнь. 1996, № 4, с. 92.
- ⁶⁴ РГВА. Ф. 1/п, оп. 4, д. 18, л. 33.
- ⁶⁵ Иностранцы военнопленные в СССР 1939 – 1956, с. 129.
- ⁶⁶ Там же, с. 1047.
- ⁶⁷ Там же, с. 47, 1047.
- ⁶⁸ Там же, с. 49.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Правда, 20.04.1949.
- ⁷² ГА РФ. Ф. 9256, оп. 1, д. 629, л. 12.
- ⁷³ Трайнин А. Н. Кто должен нести уголовную ответственность за фашистские злодеяния? // Война и рабочий класс. 1943, № 1, с. 19-21.
- ⁷⁴ Тегеран – Ялта – Москва. Сборник документов. М., 1967, с. 130-131.
- ⁷⁵ Маньковский Б. С. Вопросы материального уголовного права в законодательстве Контрольного Совета в Германии // Советское государство и право. 1946, № 9, с. 53-55.
- ⁷⁶ АВП РФ. Ф. 06, оп. 9, п. 84, д. 1331, л. 61-62.
- ⁷⁷ Иностранцы военнопленные в СССР 1939-1956, с. 53.
- ⁷⁸ АВП РФ. Ф. 0147, оп. 44, п. 312, д. 19, л. 46.
- ⁷⁹ АВП РФ. Ф. 07, оп. 23а, п. 30, д. 406, д. 1-2.
- ⁸⁰ Иностранцы военнопленные в СССР 1939 – 1956, с. 57.
- ⁸¹ РГВА. Ф. 1/п, оп. 21, д. 92259, л. 140.
- ⁸² АВП РФ. Ф. 0146, оп. 44, д. 18, п. 312, д. 18, л. 67.
- ⁸³ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 53, п. 333, д. 26, л. 37.
- ⁸⁴ Там же, л. 85-86.
- ⁸⁵ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 32, п. 298, д. 14, л. 43-44.

- ⁸⁶ Stars and Stripes. 9.04.1948.
- ⁸⁷ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 32, п. 298, д. 14, л. 48.
- ⁸⁸ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 7691, л. 52.
- ⁸⁹ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 9259, л. 74.
- ⁹⁰ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 10871, л. 233.
- ⁹¹ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 5188, л. 213.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 9259, л. 52.
- ⁹⁴ Там же, л. 112.
- ⁹⁵ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 6385, л. 97.
- ⁹⁶ Дзизи Симпо. 1.11.1947.
- ⁹⁷ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 6385, л. 217.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 7691, л. 211.
- ¹⁰⁰ ГА РФ. ф. 4459, оп. 27, д. 9258, л. 227.
- ¹⁰¹ Nippon Times. 27.11.1949.
- ¹⁰² Nippon Times. 2.02.1950.
- ¹⁰³ Асахи. 7.02.1950.
- ¹⁰⁴ Асахи. 9.01.1950.
- ¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 10872, л. 149.
- ¹⁰⁶ Там же, л. 50.
- ¹⁰⁷ Правда. 9.06.1950.
- ¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 0872, л. 233.
- ¹⁰⁹ История Японии. М., 1998, с. 484.
- ¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 9526, оп. 1, д. 402, л. 84-85.
- ¹¹¹ Иомиири-Ходзи. 23.11.1946.
- ¹¹² Дзирон. 1.02.1947.
- ¹¹³ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 6385, л. 206.
- ¹¹⁴ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 48, п. 319, д. 23, л. 244-252.
- ¹¹⁵ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 11689, л. 40.
- ¹¹⁶ Stars and Stripes. 12.06.1947.
- ¹¹⁷ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 48-6, п. 367, д. 2, л. 45.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 5189, л. 196.
- ¹²⁰ Акахата. 17.11.1948.
- ¹²¹ Акахата. 27. 11. 1948.
- ¹²² ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 10879, л. 16.
- ¹²³ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 32, п. 298, д. 16, л. 28.
- ¹²⁴ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 9259, л. 4.

- ¹²⁵ Nippon Times. 12.08.1949.
- ¹²⁶ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 48-6, п. 367, д. 2, л. 50.
- ¹²⁷ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 9258, л. 290.
- ¹²⁸ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 9258, л. 283.
- ¹²⁹ Nippon Times. 11.07.1949.
- ¹³⁰ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 7692, л. 37.
- ¹³¹ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 9259, л. 228.
- ¹³² ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 10871, л. 145.
- ¹³³ Майнити, 23.03.1950.
- ¹³⁴ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 10871, л. 189.
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ Там же, л. 190.
- ¹³⁷ Там же, л. 246.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 10871, л. 258.
- ¹⁴⁰ История Японии, с. 541.
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 13819, л. 21.
- ¹⁴³ АПВ РФ. Ф. 0146, оп. 56, п. 344, д. 3, л. 27.
- ¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 13819, л. 61.
- ¹⁴⁵ Newsweek. 28.03.1952.
- ¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 13818, л. 80.
- ¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 21, д. 13818, л. 264-265.
- ¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 13818, л. 260-261.
- ¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 13819, л. 120.
- ¹⁵⁰ Там же.
- ¹⁵¹ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 13819, л. 141.
- ¹⁵² Там же, л. 87.
- ¹⁵³ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 54, п. 336, л. 15.
- ¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 14767, л. 169.
- ¹⁵⁵ Там же, л. 19-20.
- ¹⁵⁶ Там же, л. 20.
- ¹⁵⁷ Иомиури, 7. 05.1953.
- ¹⁵⁸ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 54, п. 336, д. 7, л. 125.
- ¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. 9526, оп. 1, д. 860, л. 92.
- ¹⁶⁰ АВП РФ. Ф. 082, оп. 41, р. 271, д. 26, л. 36-39.
- ¹⁶¹ Правда. 6.03.1953.
- ¹⁶² Документы русской истории. 1994, № 4, с. 108-110.
- ¹⁶³ Там же, с. 110-111.

- ¹⁶⁴ Там же, с. 163-164.
- ¹⁶⁵ Там же.
- ¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 11689, л. 260.
- ¹⁶⁷ ГА РФ. Ф. 9501, оп. 13, д. 105, л. 292.
- ¹⁶⁸ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 14767, л. 156.
- ¹⁶⁹ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 54, п. 336, д. 6, л. 13.
- ¹⁷⁰ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 54, п. 336, д. 7, л. 146.
- ¹⁷¹ ГА РФ. Ф. 9501, оп. 13, д. 106, л. 13.
- ¹⁷² АВП РФ. Ф. 0146, оп. 54, п. 336, д. 6, л. 1.
- ¹⁷³ Там же, л. 1.
- ¹⁷⁴ Там же, л. 2.
- ¹⁷⁵ Там же, л. 3.
- ¹⁷⁶ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 54, п. 336, д. 6, л. 8-9.
- ¹⁷⁷ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 55, п. 339, д. 7, л. 182-183.
- ¹⁷⁸ Там же, л. 68.
- ¹⁷⁹ ГА РФ. Ф. 9501, оп. 13, д. 106, л. 253.
- ¹⁸⁰ Там же, л. 141.
- ¹⁸¹ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 15594, л. 81.
- ¹⁸² ГА РФ. Ф. 9501, оп. 5, д. 84, л. 116.
- ¹⁸³ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 15594, л. 64.
- ¹⁸⁴ Там же, л. 109.
- ¹⁸⁵ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 55, д. 7, п. 339, л. 289.
- ¹⁸⁶ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 56, д. 7, п. 344, л. 80.
- ¹⁸⁷ АВП РФ. Ф. 0147, оп. 57, п. 347, л. 91.
- ¹⁸⁸ Там же.
- ¹⁸⁹ Там же.
- ¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 16425, л. 110-111.
- ¹⁹¹ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 56, п. 344, д. 2, л. 8-11.
- ¹⁹² Там же.
- ¹⁹³ Там же.
- ¹⁹⁴ Майнити. 24.10.1955.
- ¹⁹⁵ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 16426, л. 43.
- ¹⁹⁶ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 56, п. 344, д. 3, л. 92-93.
- ¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. 9401, оп. 2, д. 465, л. 154-155.
- ¹⁹⁸ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 16426, л. 132.
- ¹⁹⁹ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 56, п. 344, д. 2, л. 25.
- ²⁰⁰ Там же, л. 15-16.
- ²⁰¹ Там же.
- ²⁰² Международная жизнь. 1956, № 4, с. 3.

- 203 АВП РФ. Ф. 0146, оп. 56, п. 344, д. 2, л. 2.
- 204 ГА РФ. Ф. 9501, оп. 13, д. 28, л. 103.
- 205 ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 16426, л. 288.
- 206 Там же, л. 307.
- 207 АВП РФ. Ф. 0146, оп. 56, п. 344, д. 3, л. 148.
- 208 ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 16427, л. 73.
- 209 Там же, л. 48.
- 210 Nippon Times. 24.09.1955.
- 211 Там же.
- 212 АВП РФ. Ф. 0146, оп. 57, п. 347, д. 6, л. 104-106.
- 213 ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 17400, л. 106.
- 214 Там же. л. 156.
- 215 ГА РФ. Ф. 9401, оп. 2, д. 480, л. 139.
- 216 АВП РФ. Ф. 0146, оп. 57, п. 347, д. 1, л. 8-9.
- 217 АВП РФ. Ф. 0146, оп. 57, п. 347, д. 6, л. 106.
- 218 Майнити. 21.05.1956.
- 219 АВП РФ. Ф. 0146, оп. 57, п. 347, д. 6, л. 114.
- 220 Там же.
- 221 АВП РФ. Ф. 0536, п. 12, д. 186, л. 18.
- 222 АВП РФ. Ф. 0536, п. 12, д. 185, л. 13.
- 223 ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 17403, л. 301.
- 224 АВП РФ. Ф. 0536, п. 12, д. 185, л. 23-24.
- 225 АВП РФ. Ф. 0536, п. 12, д. 186, л. 25-27.
- 226 Там же.
- 227 АВП РФ. Ф. 0146, оп. 57, п. 347, д. 6, л. 185-187.
- 228 Правда, 22.04.1950.
- 229 ГА РФ. Ф. 9401, оп. 2, д. 482, л. 9-12.
- 230 АВП РФ. Ф. 0146, оп. 57, п. 347, д. 6, л. 189, 191.
- 231 Правда. 20.10.1956.
- 232 АВП РФ. Ф. 0146, оп. 57, п. 347, д. 6, л. 219.
- 233 Там же, л. 220.
- 234 ГА РФ. Ф. 9402, оп. 2, д. 482, л. 97-99.
- 235 Там же.
- 236 ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 17407, л. 268.
- 237 Там же, л. 219-222.
- 238 АВП РФ. Ф. 0146, п. 150, д. 3, л. 40.
- 239 ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 17407, л. 300.
- 240 Там же, л. 312.
- 241 Там же, л. 302.

- ²⁴² Там же, л. 302-303.
- ²⁴³ История войны на Тихом океане. Т. 5. М., 1958, с. 347.
- ²⁴⁴ Асахи. 13.11.1993.
- ²⁴⁵ История войны на Тихом океане. Т. 5, с. 352.
- ²⁴⁶ Асахи. 13.11.1993.
- ²⁴⁷ Там же.
- ²⁴⁸ Дзэнъёккё кохо. 5.01.1999, с. 1.
- ²⁴⁹ Дзэнъёккё кохо. 1.01.1999, с. 6.
- ²⁵⁰ Там же.
- ²⁵¹ Там же, с. 14.
- ²⁵² За мир и гуманизм. Бюллетень Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных. 1992, май, с. 19.
- ²⁵³ Ксерокопия ВЧ-граммы департамента АТР МИД РФ в Хабаровский краевой совет от 11.06.1992
- ²⁵⁴ Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и дополнительные протоколы к ним, с. 61.
- ²⁵⁵ За мир и гуманизм. Бюллетень Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных. 1994, февраль, с. 15.
- ²⁵⁶ За мир и гуманизм. Бюллетень Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных. 1993, октябрь, с. 11.
- ²⁵⁷ РВГА. Ф. 1/п., оп. 21а, д. 60, л. 208-210.
- ²⁵⁸ Красная звезда, 14.10.1949.
- ²⁵⁹ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 48, п. 319, д. 23, л. 109-110.
- ²⁶⁰ Там же, л. 208-210.
- ²⁶¹ Ромашкин П. С. Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны. М., 1949, с. 89.
- ²⁶² Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и дополнительные протоколы к ним, с. 97.
- ²⁶³ Там же, с. 96.
- ²⁶⁴ АВП РФ. Ф. 0146, оп. 53, о. 339, о. 26, л. 36.
- ²⁶⁵ ГА РФ. Ф. 4459, оп. 27, д. 7691, л. 85.
- ²⁶⁶ Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 гг. М., 1952, с. 341-342.
- ²⁶⁷ Петиция членов Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных в Федеральное собрание РФ. 15.02.1994.
- ²⁶⁸ Там же.
- ²⁶⁹ Современная Япония. М., 1973, с. 759.
- ²⁷⁰ Петиция членов Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных в Федеральное собрание РФ. 15.02.1994.
- ²⁷¹ Дзэнъёккё кохо. 5.09.1999, приложение.

БИБЛИОГРАФИЯ

Документы и официальные издания

1. Архив внешней политики МИД РФ (АВП РФ).
2. Государственный архив РФ (ГА РФ).
3. Российский Государственный военный архив (РГВА).
4. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО).
5. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 3, М., 1947.
6. Внешняя политика Советского Союза. Изд. 3-е. М. 1985.
7. Внешняя политика СССР: Сб. документов. Т. 4. М., 1946; Т. 5. М., 1947; Т. 6. М., 1947.
8. Внешняя политика СССР. Учебное пособие. Изд. 4-е. М., 1972.
9. Военный энциклопедический словарь. М., 1983.
10. Всемирная история. Т. 10. М., 1965; Т. 11. М., 1977.
11. Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984.
12. Гриф секретности снят. Потери ВС СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистические исследования. М., 1993.
13. Дипломатический словарь. Т. 1. М., 1984; Т. 2. М., 1986; Т. 3. М., 1986.
14. Документы внешней политики СССР. Т. 22, кн.1. М., 1992; Т. 22, кн. 2. М., 1992; Т. 23. М., 1998.
15. Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны. М., 1949.
16. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и дополнительные протоколы к ним. М., 1994.
17. Законы и обычаи войны. Важнейшие международные конвенции. М., 1942.
18. Иностранцы военнопленные в СССР 1939-1956 гг. Документы и материалы. М., 2000.
19. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. Т. 1. Нормативные документы. Серия сборников документов «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.», Т. 13. М., 1998.
20. История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 5. М., 1963.
21. История войны на Тихом океане. Т. 4-5. М., 1958.
22. История внешней политики СССР 1917-1985. Т. 2. М. 1986.
23. История второй мировой войны. Т. 11, М., 1980.
24. История дипломатии. Изд. 2-е. М., 1975.
25. История международных отношений на Дальнем Востоке 1945-1977. Хабаровск, 1978.

26. История международных отношений и внешней политики СССР. 1917-1967 гг. Т. 2. М., 1967.
27. Международное право. Ведение боевых действий. Сборник гаагских и иных соглашений. М., 1995.
28. Международное право в избранных документах в 3-х томах. М., 1957.
29. Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945). М., 1951.
30. Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. М., 1978.
31. Международные отношения после второй мировой войны. Т. 2. М., 1963.
32. Немецкие военнопленные в СССР. 1945-1955 гг. Сборник документов. Серия сборников документов «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.». Т. 13 (2). М., 1999.
33. Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Военно-исторический очерк. Т. 4. М., 1959.
34. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэн (авг. 1941 г.-декабрь 1945 г.). Изд. 2-е. М., 1989.
35. Последние пленники второй мировой войны. Документы из фондов ЦК КПСС о японских военнопленных//Исторический архив, 1993. № 1.
36. Разгром японского милитаризма во второй мировой войне. М., 1986.
37. Сборник договоров России с другими государствами (1856-1917 гг.). М., 1952.
38. Сборник документов и материалов по Японии. 1951-1954 (Мирная конференция в Сан-Франциско, мирные договоры и другие соглашения с Японией, а также ноты и официальные заявления, касающиеся Японии). М., 1954.
39. Сборник заявлений и рекомендаций члена Союзного Совета для Японии от СССР. — М.: МИД СССР, 1949. — 79 с.
40. Сборник нот и заявлений правительств СССР, США, Китая, Англии и других стран по вопросу мирного урегулирования для Японии. Июль 1947-июль 1951. М., 1951.
41. Сборник решений Дальневосточной комиссии (февраль 1946-июль 1948). М., 1948.
42. Сборник заявлений, предложений и запросов Представителя СССР в Дальневосточной комиссии. Март 1946 г.—январь 1950 г., М., 1950.
43. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. Пер. с англ. М., 1995.
44. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Сборник документов. М., 1984.

- Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.).
 Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4 -11 февраля 1945 г.).
 Т.6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.).
45. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. М., 1983.
 46. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Документы и материалы. В 2-х томах. М., 1984.
 47. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противостояния двух держав в 30-40-е годы. Документы и материалы. Серия сборников документов «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.». Т. 7 (2.12). М. Терра.
 48. Тегеран-Ялта-Потсдам. Сборник документов. Изд. 3-е. М., 1971.
 49. Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 марта 1947 г. М., 1957.

МЕМУАРЫ

На русском языке

1. Белобородов А. П. Прорыв на Харбин. М., 1982.
2. Василевский А. М. Дело всей жизни. Книга первая и вторая. М., 1989.
3. Като Кюдзо. Сибирь в сердце японца. Новосибирск, 1992.
4. Мерецков К. А. На службе народу. М., 1983.
5. Плиев И. А. Конец Квантунской армии. Записки командующего конно-механизированной группой советско-монгольских войск. Ростов-на Дону, 1968.
6. Плиев И. А. Через Гоби и Хинган. Военные мемуары. М., 1965.
7. Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата. М., 1996.
8. Финал. Историко-документальный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. М., 1969.
9. Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1955.
10. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М., 1991.

На английском языке

1. MacArthur D. Reminiscences. – N. Y., 1964.
2. Shigemitsu M. Japan and Her Destiny. L., 1958.

МОНОГРАФИИ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ТРУДЫ

На русском языке

1. Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева. М., 1994.
2. Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие. М., 1986.
3. Аллисон Г., Кимура Х., Саркисов К. От холодной войны к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанской регионе. М., 1993.
4. Алпровиц Г. Атомная дипломатия и Потсдам. О применении атомной бомбы и о том, как Америка очутилась лицом к лицу с Советским Союзом. М., 1968.
5. Арцибасов И. Н., Егоров С. А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М., 1989.
6. Бабинов М. А. На восточном берегу. М., 1969 г.
7. Багров В. Н. Южно-Сахалинская и Курильская операции (август 1945 года). М., 1959.
8. Базаров О., Кузнецов С. В сибирском плену. Улан-Удэ, 1994.
9. Барсуков М. И. Красный Крест и Красный Полумесяц СССР. Краткий исторический очерк. М., 1946.
10. Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М., 1987.
11. Бобренов В. А. Рязанцев В. Б. Палачи и жертвы. М., 1993.
12. Бондаренко О. Неизвестные Курилы. М., 1992.
13. Бондаренко Е. Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке (1914-1956). Владивосток, 2002.
14. Борисов Ю. А. СССР и США: союзники в годы войны. 1941-1945. М., 1983.
15. Брукс Л. За кулисами японской капитуляции. Перевод с английского. М., 1971.
16. Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией. М., 2000.
17. Внотченко Л. Н. Победа на Дальнем Востоке. Военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе-сентябре 1945 г. М., 1966.
18. Воронцов В. Б. «Кумиры» без прикрас. Д. Макартур и дальневосточная политика США. М., 1968.
19. Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995.
20. Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939-1953 гг.). М., 1997.
21. Гассер Х.-П. Международное гуманитарное право. Введение. М., 1995.
22. Голунский С. А. Суд над японскими военными преступниками. Стенограмма публичной лекции. М, 1947.

23. Гришин М. И. Военные сообщения в кампании советских Вооруженных сил на Дальнем Востоке (9 августа — 2 сентября 1945 г.). М., 1960.
24. Громыко А. А. Памятное. Книга первая. М., 1988.
25. Епифанов А. Е. Ответственность гитлеровский военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). — Волгоград, 1997.
26. Зимонин В. П. Верность традициям: вооруженные силы СССР в войне против Японии, 1945 г. М., 1998.
27. Зимонин В. П. Последний очаг Второй мировой войны. М., 2002.
28. Зимонин В. П. Регион в огне: Узловые проблемы войны на Тихом океане. М., 1993.
29. Золотарев В. А. Военная безопасность отечества (историко-правовое исследование). М., 1996.
30. Иераэлян В. Л. Дипломатическая история Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). М., 1959.
31. Иностранцы в России: интернирование, плен, ссылка. Иркутск, 1994.
32. История Японии. 1945-1975. М., 1978.
33. История Японии 1868-1998. Т. 2. М., 1999.
34. Карпов В. В. Пленники Сталина. Сибирское интернирование японской армии. 1945-1956 гг. Киев-Львов, 1997.
35. Катарасова Е.Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М., 2003.
36. Кожевников Ф. И. Великая Отечественная война Советского Союза и некоторые вопросы международного права. М., 1954.
37. Конасов В. В. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические проблемы. Очерки и документы. Вологда, 1996.
38. Конасов В. Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы. М., 1998.
39. Кошкин А. А. Крах стратегии «Спелой хурмы». Внешняя политика Японии в отношении СССР (1931-1945 гг.). М., 1989.
40. Крутиков А. Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1948.
41. Кузнецов С. И. Проблемы военнопленных в российско-японских отношениях после второй мировой войны. Иркутск, 1994.
42. Кузнецов С. И. Японцы в сибирском плену (1945-1956). Иркутск, 1997.
43. Кузнецов Ю. Д., Навлицкая Г. Б., Сырицын И. М. История Японии. М., 1988.
44. Кузьмина М. Плен: Японские военнопленные в Хабаровском крае. Комсомольск-на-Амуре, 1996.

45. Куминов Я. И. Разгром Квантунской армии Японии в 1945 году. Благовещенск, 1960.
46. Кутаков Л. Н. Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964.
47. Кутаков Л. Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962.
48. Кутаков Л. Н. Москва-Токио. Очерки дипломатических отношений 1956 — 1986. М., 1986.
49. Левин Д. Б. Международное право, высшая политика и дипломатия. М., 1981.
50. Лиддер Гарт Б. Х. Стратегия не прямых действий. М., 1957.
51. Лютов И. С., Носков А. М. Коалиционное взаимодействие союзников по опыту первой и второй мировых войн. М., 1988.
52. Мишкевич Г. Победа над Японией. М., 1947.
53. Молодяков В. Э. Подсудимые и победители. Токио, 1996.
54. От Мюнхена до Токийского залива: взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992.
55. Петров Д. В. Внешняя политика Японии после второй мировой войны. М., 1965.
56. Петров Д. В. Япония в мировой политике. М., 1973.
57. Победа на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1985.
58. Полторак А. И., Савинский Л. И. Вооруженные конфликты и международное право. Основные проблемы. М., 1976.
59. Проблемы военного плена: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Вологда, 1997.
60. Рагинский М. Ю. Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985.
61. Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.-Л., 1950.
62. Ромашкин П. С. Военные преступления империализма. М., 1953.
63. Россия и Япония: пропущенные вехи на пути к мирному договору. М., 2001.
64. Сабуро Хаяси. Японская армия в военных действиях на Тихом океане. М., 1964.
65. Севостьянов Г. Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. М., 1961.
66. Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. М., 1995.
67. Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1989.
68. Славинский Б. Н. Внешняя политика СССР на Дальнем Востоке 1945-1986. М., 1988.

69. Славинский Б. Н. Советская оккупация Курильских островов (август-сентябрь 1945 г.) Документальное исследование. М., 1993.
70. Славинский Б. Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история 1941-1945 гг. М., 1995.
71. Славинский Б. Н. СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история 1937-1945 гг. М., 1999.
72. Смирнов Л. Н. Зайцев Е. Б. Суд в Токио. М., 1984 г.
73. Современная Япония. М., 1973.
74. Солонцов З. М. Дипломатическая борьба США за господство на море и противоречия империалистических держав (1918-1945 гг.). М., 1962.
75. СССР-Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений. М., 1978.
76. СССР и Япония. М., 1987.
77. Трагедия плена. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Красногорск, 1996.
78. Угринович Б. И. Япония: движение за добрососедство с Советским Союзом. М., 1984.
79. Уткин А. И. Тихоокеанская ось. М., 1988.
80. Уткин А. И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990.
81. Хаттори Токусиро. Япония в войне 1941-1945 гг. М., 1973.
82. Хлестов О. Н., Блищенко И. П. Красный Крест и международное гуманитарное право. М., 1977.
83. Шиндлер Д. Международный Комитет Красного Креста и права человека. М., 1994.
84. Шишов А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М., 2000.
85. Эйдус Х. Т. СССР и Япония. Внешнеполитические отношения после второй мировой войны. М., 1964.

На английском языке

1. Bacon E. The Gulag at war: Stalin's forced labor system in the light of the archives. N. Y., 1994.
2. Bird T. American POW's of World War II: Forgotten Men Tell Their Stories. L., 1992.
3. Brackman A. C. The Other Nuremberg: The Untold Story of the Tokyo War Crimes. — N. Y., 1987.
4. Dallin D. J. The economics of slave labor. Chicago, 1949.
5. Foy D. A. For You the War is Over: American Prisoners of War in Nazi Germany. N. Y., 1984.
6. Maga T. Judgement at Tokyo: The Japanese War Crimes Trials. Lexington, 2001.

7. Mayer D. C. Presidential Libraries Holdings Relating to Prisoners of War and Missing in Action. Washington, 1998.
8. Miner R. H. Victors' Justice: The Tokyo War Crimes Trial. Princeton, 1971.
9. Moore B. and Kent Fedorowich ed. Prisoners of War and Their Captors in World War II. Washington, 1996.
10. Piccigallo, Ph. R. The Japanese on Trial; Allied War Crimes Operations in the East, 1945-1951. Austin, 1979.
11. Tanaka Y. Hidden Horrors: Japanese War Crimes in World War II. Boulder, 1998.
12. Revaluations from the Russian Archives. Documents in English Translation edited by Diane P. Koenker and Ronald D. Bachman. Washington, 1997.
13. The Gulag Study. U. S. — Russia. Joint Commission on POW/MIAs. Fourth Edition. 22 June 2002.

На японском языке

1. Бобренев В. А. Сибэрия ёкурю си (Тайная история сибирского интернирования). Цуруока, 1992.
2. Вага кацудо. (Наша деятельность). Цуруока, 1991.
3. Ёкояма Сюдо. Сибэриа нихондзин боти. (Японские захоронения в Сибири). Цуруока, 1996.
4. Исикава Тадао. Касупикай кара табидацу (Отправляясь в путь с Каспийского моря). Иокогама, 1994.
5. Икоку Сибэрия-ни нэмуру томо-о (Друзья спящие в чужой стране — Сибири). Токио, 1991.
6. Катасонова Е. Л. Ронити канкэй ни окэру ёкурю мондай (Проблема японских военнопленных в российско-японских отношениях). Выступление на японо-российском форуме. Токио, 2000.
7. Катасонова Е. Л. Сибэрия ни какэру хаси. (Мост над Сибирью). Токио, 1997.
8. Катасонова Е. Л. Рёдо мондай кайкэцу-ни кибо-но хикари (Луч надежды в территориальном вопросе). Майнити, 24.10.1997.
9. Кёкуто Сибэриа. Босан аннайдзу (Дальний Восток и Сибирь. Путеводитель по захоронениям). Цуруока, 1992.
10. Мацуй Хисао. Васурээну ёкурю омойдэ (Незабываемые воспоминания о плене). Токио, 1995.
11. Маэда Токусиро. Сибэрия ёкурю сёси (Краткая история сибирского интернирования). Токио, 1995.
12. Нагоси Кэнро. Курэмурин химмицу бунсё ва катару. (Рассказывают секретные материалы из Кремля). Токио, 1994.
13. Родо тингин ни кансуру тиндзёсё (Прошение по поводу оплаты труда). Цуруока, 1992.

14. Сайто Кунио. Сибэриа ёкурохэй мояма моногатари (Повесть о военнопленном в Сибири). Токио, 1990.
15. Сайто Кунио. Намида-но хэйтай моногатари (Оплакиваемые солдаты). Токио, 1993.
16. Сайто Рокуро. Дзэньёккё хякумон хакуто (Всеяпонская ассоциация бывших военнопленных: сто вопросов — сто ответов). Цуруока, 1983.
17. Сайто Рокуро. Кайсо-но Сибэриа, (Сибирь в воспоминаниях) в 2-х томах. Цуруока, 1994.
18. Сайто Рокуро. Сибэриа-но банка (Песнь о Сибири на закате лет). Цуруока, 1995.
19. Сибэриа-но нахондзин хорё сюёдзё (Лагеря японских военнопленных в Сибири). Альбом. Токио, 1990.
20. Сибэриа ёкуро. Рекиси-но нагарэ-но накадэ (сясинсю). (Сибирское интернирование. В потоке истории. Фотоальбом). Токио, 1997.
21. Сибэриа кёсэй родо хосё сэйкю дзикэн. сайкосай дзёкоку риюсё. (По поводу выплат компенсаций за принудительный труд в Сибири. Аргументация апелляции в Верховный суд Японии). Цуруока, 1993.
22. Сирай Хисая. Кокусайхо кара мита нихондзин хорё но сибэриа ёкуро. Россия. Тоогаккай нэндо (Сибирское интернирование японских военнопленных с точки зрения международного права).//Ежегодник общества по изучению России и Восточной Европы. 1994, № 23.
23. Сирай Хисая. Хорё ва сукоси мо хадзи дэ ва най. Товарэру сибэриа ёкуро кокка хосё. (Плен — это вовсе не стыдно. Государственная компенсация за сибирское интернирование).//Дзэмбо, 1997, № 4.
24. Сирай Хисая. Кокусайхо ва хорё-но кэнри о хосёсуру. (Международное право защищает права военнопленных).// Дзэмбо, 1997, № 8.
25. Сирай Хисая. Сокки кайкэцу о мотомжру сэнго хигайся. (Жертвы войны требуют скорейшего разрешения вопросов).//Human Security, 1998, № 3.
26. Сэкай га тоу. Нихон-но сэнсо сэкинин. (Мир спрашивает. Ответственность Японии за войну). Международный гражданский форум. Токио, 1999.
27. Сэнго годзюнэн кинэн кокусай дзиндо симподзиуму. (Материалы международного гуманитарного симпозиума, посвященного 50-летию окончания войны). Токио, 1995.
28. Сэнго хикиагэ нэнгэппи сирё. (Материалы о послевоенной репатриации). Цуруока, 1983.
29. Такахаси Дайдзо. Ёндзюрокунэн-но тёдзи. (Соболезнование в 46-й раз). Токио, 1993.
30. Тиммоку-но фаиру (Папки молчания). Токио, 1996.
31. Тинкон. Сибэри ёкуроюси— тэн. (Реквием, Выставка о сибирском интернировании). Цуруока, 1993. — 26 с.

32. Токё-ти сайбанкэцу (Приговор Токийского городского суда по иску о выплате компенсации за принудительный труд в Сибири). Цуруо-ка, 1989.
33. Хирайдэ сэцуо Сибэрия ни удзумэта карутэ (Карты, закопанные в Сибири). Токио, 2000.
34. Хокари Касио Сибэриа ёкюрю-ки (Дневник сибирского интернирования). Нагано, 1962.
35. Хорё тайкэнки (Летопись плена) в 8-ми томах. Токио, 1998.

СТАТЬИ И ТЕЗИСЫ

1. Анфилов В. Причины и следствия вступления СССР в войну на Дальнем Востоке//Независимая газета, 1.09.2000.
2. Безбородова И. В. Дела персонального учета военнопленных как источник по истории деятельности управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР.//Вестник архивиста. 1992, № 1.
3. Безбородова И. В. Иностранные военнопленные и интернированные в СССР: из истории деятельности Управления по делам военнопленных НКВД-МВД СССР в послевоенный период (1945-1953 гг.) //Отечественная история. 1997, № 5.
4. Бондаренко Е.Ю. Жестокий русский плен.//Проблемы Дальнего Востока. 1989, № 3.
5. Бондаренко Е. Ю. Судьба пленных: Токийский и Хабаровский международные процессы над японскими военными преступниками и их последствия (1948-1949 гг.)//Россия и АТР. 1993, № 1.
6. Бондаренко Е. Ю. Долгое возвращение из плена.//Проблемы Дальнего Востока. 1994, № 4.
7. Бурбыга Н., Руднев В. Японцы в СССР не вторгались, но в русском плену были.//Известия. 7.05.1992.
8. Василевский А. М. Великая победа на Дальнем Востоке.//Слово лектора. 1970, № 9.
9. Власова И. В. Документы НКВД о работе с военнопленными противниками в годы Великой Отечественной войны.//Вестник архивиста. 1995, № 3.
10. Галицкий В. П. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР. //Проблемы Дальнего Востока. 1990, № 6.
11. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР. (1941-1945 гг.). //Военно-исторический журнал. 1990, № 9.
12. Галицкий В. П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства.//Советское государство и право. 1990, № 4 .

13. Галицкий В. П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена.// Социологические исследования. 1991, № 10.
14. Галицкий В. П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы.//Военно-исторический журнал. 1991, № 4.
15. Галицкий В. П. Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939-1956 гг.).//Актуальные проблемы археогрaфии, источниковедения и историогрaфии. Материалы к Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда, 1995.
16. Галицкий В. П. Японские военнопленные и интернированные в СССР.//Новая и новейшая история. 1999, № 3.
17. Гармаев В. Сакура в снегах Забайкалья. Памяти японских военнопленных.//Байкал. 1992, № 6.
18. Дубинский А. М. О роли СССР на заключительном этапе войны на Тихом океане (1945 г.).//Новая и новейшая история. 1964, № 5.
19. Евсеенко Н. Японцы на Удыле.//Тихоокеанская звезда, 23.05.1991.
20. Ёсида Ю. Воспоминания о жизни в Заозерной.// Япония сегодня. 1997, № 11.
21. Зимонин В. П., Галицкий В. П. Десант на Хоккайдо отменить! //Военно-исторический журнал. 1994, № 3.
22. Зимонин В. П. Тегеран, Ялта, Потсдам: вопрос о вступлении СССР в войну против Японии.//Проблемы Дальнего Востока. 1995, № 2.
23. Ивашов Л. Г., Емелин А. С. Нравственные и правовые проблемы плена в отечественной истории.//Военно-исторический журнал. 1992, № 1.
24. Карпов В. В. Искушением чужих грехов закончился для 500 000 японских солдат разгром Квантунской армии.// Красная звезда, 2.09.1995.
25. Катасонова Е. Л. Сибирское интернирование» японцев.//Российские вести, 19.04.1994.
26. Катасонова Е. Л. Когда же восторжествует справедливость?//За мир и гуманизм. 1994, № 10.
27. Катасонова Е. Л. Диалог Москвы и Токио.// Независимая газета. 27.02. 1997.
28. Катасонова Е. Л. Роль общественных связей в развитии российско-японских отношений.//Материалы российско-японского симпозиума «Россия-Япония на пороге XXI века». М., 1999.
29. Катасонова Е. Л. Загадки японской кампании.// Независимая газета, 10.08.2000.
30. Катасонова Е. Л. Сибирский плен: нерешенные проблемы.//Япония сегодня. 2000, № 10.

31. Катасонова Е. Л. Об одной несбывшейся мечте Сталина.//Япония сегодня. 2000, № 11.
32. Катасонова Е. Л. За кулисами решения судьбы военнопленных.// Япония сегодня. 2001, № 1.
33. Катасонова Е. Л. Последние пленники Второй мировой.//Дипломат. 2001, № 9.
34. Катасонова Е. Л. Советско-японские переговоры о нормализации межгосударственных отношений 1955-1956 гг. Гуманитарный аспект. // Проблемы Дальнего Востока. 2002, № 5.
35. Катасонова Е. Л. Решение судьбы японских военнопленных странами-участницами антигитлеровской коалиции.//Япония: 2001-2002. Ежегодник. М., 2002.
36. Катасонова Е. Л. Рихард Зорге в современной российской истории. // Япония: 2002-2003. Ежегодник. — М.: Макс Пресс. — 2003. — С. 319— 336.
37. Катасонова Е. Л. Теория и практика выплат компенсации за работу в плену.//Российская юстиция. 2003, № 6.
38. Кириченко А. А. 600 000 минут из жизни генерала.// Знакомьтесь — Япония. 1998, № 19.
39. Колеров М. Военнопленные на стройках коммунизма. По материалам «Особой папки» Л. П. Берия (1946-1950).// Родина. 1997, № 9.
40. Коровин Е. К. К пересмотру «Женевской конвенции». //Советское право. 1925, № 3.
41. Кузнецов Н. Г. Разгром милитаристкой Японии.// Новое время. 1970, № 36.
42. Ларченков В. «Бандзай» в нашу честь.//Советский воин. 1992, № 3-4.
43. Лебедев В. Г. К вопросу об установлении судьбы и о местах погребения иностранных военнопленных в СССР. Трагедия плена.//Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Красногорск, 1996.
44. Лебедева Н., Филатов А. Формула прекращения войны в политике «большой тройки».//Международная жизнь. 1996, № 4.
45. Левин Б. Д. Об уголовной ответственности военнопленных.//Вопросы уголовного права. Сборник документов. М., 1945.
46. Маньковский Б. С. Вопросы материального уголовного права в законодательстве Контрольного Совета в Германии.// Советское государство и право. 1946, № 9.
47. Медведев Р. Почему не напали японцы?//Советский воин. 1993, № 4.
48. Млечин Л. М. Цветы на забытых могилах.//Новое время. 1991, № 10.
49. Попов Ю. Японские столбы памяти.//Советы Казахстана, 14.09.1993.
50. Прокопенко А. С. Пока нет закона ведомства будут защищать свои «тайны» до последнего.//Известия, 5.08.1992.

51. Руднев В. Н. Японские военнопленные: Россия свой шаг сделала. Чем ответит Япония?//Известия, 23.06.1992.
52. Руднев В. Н. Документы о советской каторге японских пленных.// Известия, 25.01.1992.
53. Сайто Рокуро. Пора покончить с наследием войны.// Российские вести, 8.09.1994.
54. Сайто Рокуро. Подведена еще одна черта под наследием войны. Интервью.//Российские вести, 29.11.1994.
55. Сайто Рокуро. Когда дипломатия противоречит воле народов.//Российские вести, 7.06.1995.
56. Сайто Рокуро. Японские «журавли» в Приамурье.// Российски вести, 28.07.1995.
57. Тавровский Ю. В. Судьба японских военнопленных: пора сказать правду.//Известия, 11.01.1991.
58. Такасуги Итиро. Во тьме под северным сиянием.// Знакомьтесь-Япония. 1993, № 4.
59. Трайнин А. Н. Кто должен нести уголовную ответственность за фашистские злодеяния?//Война и рабочий класс. 1943, № 1.
60. Трайнин А. Н. Бесчеловечный гуманизм.//Война и рабочий класс. 1944, № 9.
61. Трайнин А. Н. От Нюрнберга до Токио.//Новое время. 1948, № 12.
62. Хонда Рютаро. Как для японских военнопленных Сибирь стала матушкой.//Комсомольская правда, 1.03.1994.
63. Черевко К. Е. Советско-японские отношения в начальный период Великой Отечественной войны. 22 июня-8 декабря 1941 г.//Япония: 1996-1997. Ежегодник. М., 1997.
64. Шебалин Г.Ф. Навечно остались в земле Кузнецкой.// Наша газета. Кемерово, 21.01.1993.
65. Яковенко Д. О судьбе японских военнопленных в СССР.//Даугава, 1992, № 2.

Диссертации

1. Безбородова И. В. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (1939-1953 гг.) Дис. канд. ист. наук. М., 1997.
2. Базаров О. Д. Японские военнопленные в Бурятии (1945-1948 гг.). Дис. канд. ист. наук. Иркутск, 1997.
3. Бичехвост А. Ф. Репатриация советских и иностранных граждан: внутривополитические и международные аспекты (1944-1953 гг.) Дис. докт. ист. наук. Саратов, 1996.
4. Конасов В. Б. Политика советского государства в отношении немецких военнопленных (1941-1956 гг.). Дис. докт. ист. наук. М., 1998.

5. Кузнецов С. И. Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны (1945-1956). Дис. докт. ист. наук. Иркутск. 1994.
6. Смыкалин А. С. Пенитенциарная система Советской России 1917 – начала 60-х гг. (историко-юридическое исследование). Дис. докт.-ист. наук. Екатеринбург, 1998.
7. Спиридонов М. Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945-1948 гг.). Дис. канд. ист. наук. Красноярск, 2001.

ПЕРИОДИКА

На русском языке

Бюллетень Информационного отдела Посольства Японии в РФ
За мир и гуманизм. Бюллетень Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных

Известия

Комсомольская правда

Красная звезда

Литературная газета

Международная жизнь

Правда

Российские вести

Спутник

На японском языке

Аврора

Акахата

Асахи

Дзидзи симпо

Дзиммин

Дзирон

Дзэнёккё кохо (Бюллетень Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных на яп.яз.)

Иомиури

Иомиури-Ходзи

Кокумин

Майнити

Ниппон симбун

Сина-но майнити

Хэйва симбун

На английском языке

Stars and Stripes

Nippon Times

Tokyo Times

Newsweek

Scotsmen

Summary

The book is devoted to the one of mostly discussed issues in Russia-Japan relations – the presence of the Japanese POW's in the USSR after the World War II. This problem is analyzed within the context of bilateral relations between Soviet Union (Russian Federation) and Japan.

The book gives comprehensive picture of the “Siberian capture” including the reasons to send disarmed soldiers and officers of the Japan's Kwantun army to the USSR, conditions under which Japanese POW's stayed in soviet labor camps, the policy of the Soviet government and reaction of Japanese political forces and society over the issue.

Full and in details the running of negotiations and political contacts on POW's is given by the author as well as the whole complex of problems of post war dialogue between Soviet Union and Japan including the territorial one.

The current situation of Japanese POW's humanitarian problems is presented and its influence on the Russian-Japanese relations considered from all the angles. Concrete measures and recommendations are given in favor of further development of both public and political dialogue.

The book includes a lot of recently declassified documents from the Russian archives that give new and nearly unknown picture of the history of the relations between the USSR-Russia and Japan after the WW II.

New and fresh outlook by the author helps to understand better this humanitarian problem from historical and foreign policy points of view and its influence on current realities.

Научное издание

Катасонова Елена Леонидовна

**Последние пленники Второй мировой войны:
малоизвестные страницы российско-японских отношений**

Рекомендовано к печати
Институтом востоковедения
Российской академии наук

Редактор *М. С. Грикурова*
Корректор *М. Я. Колесник*
Верстка *А. Б. Дунаева*

Сдано в набор 01.03.05. Подписано к печати 27.05.05.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п. л. 16. Уч.-изд. л. 17.
Тираж 300 экз. Заказ № 1359

ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г.

Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Зав. отделом *Ю. В. Чудодеев*

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099 Москва, Шубинский пер., 6